

**АЛЕКСАНДР
ПОКРОВСКИЙ**

К МУБРИК

фривольные рассказы

ИНАПРЕСС

Александр Покровский

К УБРИК

фривольные рассказы

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИМАПРЕСС
2007**

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
П 48

Редактор Н. Кононов
Художник М. Покшишевская

ISBN 978-5-87135-191-3
© ИНАПРЕСС, А. Покровский, 2007

... про кубрик

Кубрик – это внутреннее, жилое помещение корабля. Это такая большая, общая спальная.

Там койки двухярусные и масса закуточков, темных углов, и так много всяких поворотов, выступов, что всё это тревожит, страшит. Кажется, что кто-то там обязательно тебя поджидает – там, за поворотом, за спинкой койки.

В кубрике происходит разное, возможно всякое. То, кто возится, борется с кем-то под ободряющие крики болельщиков, то кто-то спит в неурочное время, воспользовавшись тем, что с прохода его не видно.

А кто-то пишет письмо, пристроившись тут же на койке.

На старых кораблях в кубрике матросы еще и ели. Был обеденный стол, бачок, который на него ставился – алюминиевый такой – и из него, назначенный «бачковать», то есть, раздавать пищу из бачка, раскладывал ее по тарелкам. Потом, бачковой собирал все тарелки и мыл посуду.

Каждый день бачковой менялся – это был суточный наряд.

Самое сложное – это отмыть посуду – мыло то хозяйственное, а с водой плохо, не очень ее много и она не горячая – вот бачки и отмывались еле-еле.

Проверяли их чистоту так: пальцами проводили по внутренней поверхности – скользит или не скользит, а потом нюхали – не воняет?

В кубрике крутили кино. В море показывают кинокартины – развешивается экран, налаживается кинопроектор.

В кубрике много чего – и было и есть.

В кубрике, ночью, происходят разборки, драки.

В кубрике судят пойманного вора. Вдруг начинают пропадать вещи – часы, деньги – завелся вор. Все мгновенно начинают подозревать друг друга, становятся неразговорчивыми, хмурыми, злыми.

И тут ловят вора – каждый старается дотянуться до него и ударить.

Его бьют за воровство и за то, что, пока его искали, все истомились душой, подозревая друг друга.

А это самое тяжелое томление и вот оно завершилось – есть вор! Его бьют с упоением.

А могут и за борт выкинуть. Тихо, ночью – только всплеск. И зачем он воровал?

Часто вор не может это объяснить. Зачем ему всё это, ради чего?

В этом есть что-то детское, и того времени, когда дети играют с одними детьми и не играют с другими. Неизвестно почему. Просто не любят дети одних и любят других.

А те, другие хотят чем-то выделиться, пусть даже любим, самым нелепым образом.

Им хочется обратить на себя внимание.

Вот и воруют.

Часы. Кому нужны – пять, шесть, семь часов? Старых, с истрепанными, кожаными ремешками?

Но бывают и настоящие воры, злые, верткие, зубастые. Они знают, что их ждет при поимке и всё равно воруют. Их бьют, а они только вертятся на палубе, успевая отвечать на удары. Это самые темные порождения кубрика. Это палубные крысы – безжалостные, наглые. Их бьют до смерти.

А еще кубрики – это гитара, это посиделки, это разговоры, это мысли о доме перед сном, это лица родных, слезы, шепот, мечты, тихие песни.

Кто-то поет. Ни одной героической песни, только лирические.

Или свои.

В кубрике любят сочинять.

15. 17

18.

19. 17

1

20.

21. 17

22. 17

23.

24.

25.

26.

27.

28.

29.

ВМЕСТО ПЕРВОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эй, Русь невозможная или же невообразимая!

Сколько в тебе всего!

Ты — словно старый босяк, что никак не бережется и после горького застолья валится на спину на глубокий снег.

Ничего не жаль тебе и никого тебе не жаль.

Полноте, знаешь ли ты, что мы живем рядом с тобой, что живем, ходим, дышим?

Может, и знаешь, но, скорее всего, не ведаешь ты и вовсе о существовании нашем.

Не нужны мы тебе, не нужны, не нужны, Русь ты наша невозможная — все овраги да овраги, холмы да редколесье, непроходимые топи, тайга, реки, скалы и березы в осеннем золоте, пашни и города, города, города, тухлые подвалы домов, а на заборе видна надпись красным: «За Россию!», а под ней мусор грудями и, конечно же, гимн.

Гимн великой страны.

Все играют его и играют...

Эх, горемыка! Это, в сущности, и есть твоя родина, и ты, возвратившись в родные места,

ищешь глазами покосившиеся дома, старые двери, скамейки и другие приметы из детства. Именно эти приметы и заметы сердечные любезны взгляду твоему, и ты огорчаешься, если их давно уже нет.

Будто нет части тебя. Уж сколько лет. А ты и не подозревал. Оттого и больно тебе.

Так что велико желание оставить все как есть. Глубинное это желание. От сердца.

Оттого и радостно тебе, если все эти приметы обнаруживаются на своих, обжитых местах!

Вот открываешь дверь какую-то, а там — медведи, рыси, шубы, шапки.

Другую дверь, а там у нас царь-батюшка, обязательно, всенепременно справедливый, и бояре, болеющие за что-то душой.

За третью дверь хватать, а там — жемчуга бесценные, изумруды да золото, и зерна амбары, и семужка, и икра белужья, армяки да кокошники.

И снег — пушистый, чистый!

А пляски? Как грянулся оземь! А потом встал да и пошел, пошел, пошел коленца выделывать, покуда в груди еще есть дыхание.

А песни-то у нас какие! Песни-то, Господи! Ой-ей-ей! И ведь поют же, поют! Не оскудела еще земля русская! Велик еще ее дух!

А вот и слышится дрожь. Чу! То конница понеслась, тучей, тьмой, свет белый собой застилая, и Пересвет с Челубеем-богатырем сцепились, скатились, и копыта, стрелы, мечи, лязг и грохот. Сеча! Сеча великая! И до горизонта! До горизонта все! В человеческих костях!

Русский булат! Тебе ли не воздали по заслугам? Тебе ли не отлили памятник, не усыпали его самородными камнями?

Кто еще не воспел тебя? Разве что один лишь я, когда в темноте, в смраде, в поту кузни, когда спереди — жар нестерпимый, а со спины мороз щиплет.

А вот и русский штык, запрещенный везде, как и пуля «дум-дум», потому что рана от него не заживает, и как войдет он в тело незатейливо, так и выдернется из него, выворачивая все наружу розочкой к чертовой матери!

А вот и поле! Поле широкое! Какой простор для души и для глаз!

А вдох от него какой! А рассвет в нем, единственном, по-настоящему ценный!

Кто не любил тебя, кто не гляделся в тебя, замирая от восторга, когда душа рвется и просится в невыразимое, непобедимое далеко и непонятная томит ее истома.

А вот и «Ура!!!» — ужасающий, неистребимый вой, покоряющий все пределы!

А вот и танки, самолеты, автоматы, калашниковы, ракеты, корабли, лодки и гагарины с титовыми.

Не забыть все это...

А все почему?

А все потому, что живы приметы — пришел через пятьдесят лет, и вот оно: те же перила без пролета, подъезд — краска облупилась, и скамеечка.

А выбоина на дороге, ну будто вчера ее оставил — на том же самом местечке.

Русь! Вот она Русь! Глядит изо всех на тебя

щелей! И бабы, гребущие картошку руками, словно железными вилами, и редкие молодичицы, и околица, и покосившиеся, осипшие избенки, и деревни, по колено чернозем, и пыль, и слякоть, и коровы-кормилицы, и осень студеная, и тигры, тайга, и горы, и седой Урал — непременно батюшка, и Волга — неизменно матушка...

ВСТРЕЧАЙ

Всякие встречи готовит нам паршивица судьба, и тут уж ничего не поделаешь, не попишешь, тут можно только смиренно сложить на животике ручки и, скосив глазки влево, сказать: «Ах!»

Старшина гауптвахты прапорщик Грицко, Сергей Прокопич, ел медленно.

Глаза его при этом слабо романтическом процессе, подернутые скорбью, становились масляными, и тусклый блеск их напоминал о мерцании капель мазута на водной глади.

Рот же его воспроизводил звук, родственный похрумкиванию кабанихи в кустах персидской сирени, но только он был неизмеримо нежнее.

Крошки от хлеба он ронял на несвежую флотскую грудь. Они потом сами скатывались на тощие бедра и норовили спрятаться в складках брюк.

Во время еды он почему-то тихонечко ерзал на стуле, так, словно пытался уберечь свое дефиле, в смысле жопу, от укусов невидимой канцелярской кнопки.

После еды он осматривал камеры гауптвах-

ты, полные обитателей, — их еще не разводили на работы.

Дух в камерах стоял такой, что он неизменно говорил: «Насрали тут, вонючие сволочи!» — и всегда добавлял несколько самым пахучим арестантам несколько дополнительных суток ареста.

Его не любили даже дятлы на окрестных деревьях.

Редкий дятел, долетев до Сергея Прокопьяча, не поворачивал назад, крича от ужаса.

Собаки в его присутствии выли, как по усопшему, дети плакали, кошки шкрябались и пытались удрать.

Боялся наш прапорщик только свою жену, Дину Григорьевну Грицко — высокую ревнивую даму неполных тридцати лет от роду.

Грозный вид ее: брови в пук, губы в гузку — вызывали в нем крик: «Да, дорогая!»

Однажды она уехала летом отдыхать на юг. Не то чтобы она вообще никогда не отдыхала, просто впервые это не случилось в сопровождении верного Сергея Прокопьяча.

Через неделю он получил по телеграфу следующую телеграмму: «Срочно встречай, день-час-поезд-вагон, твоя Дина!» — после чего он точно в означенное время был на вокзале точно у двери того самого вагона. Он еще удивился: как это она взяла билет на проходящий поезд, идущий потом из Мурманска в город Никель, но то, что она приехала значительно раньше установленного срока, его, похоже, совсем не насторожило.

Он стоял с цветами. То был букет нежнейших

гладиолусов. Поезд остановился, вышли все, а жена все не выходила. Уже отправляется скоро, а ее все нет и нет. Приученный к строжайшей дисциплине старшина гауптвахты стоял и нервничал.

— Ты, что ли, Грицко Сергей Прокофьевич будешь? — спросил его какой-то детина, свесившись с подножки.

— Да! — сказал наш прапорщик.

В ту же секунду он получил потрясающий удар в нижнюю челюсть. Он улетел, успев в неожиданном расслаблении тучно наколоколотить в штаны, а букет гладиолусов какое-то время, казалось, еще висел в воздухе. Потом он распался.

Поезд не спеша тронулся в путь. На опустевшем перроне, запоздало рождая унылую вонь, все еще лежал старшина гауптвахты, сраженный подлым ударом в нижние зубы.

Дины Григорьевны не было в том вагоне.

Телеграф и наемный удар обеспечили ему бывшие обитатели гауптвахты, уволенные теперь в запас.

Вы спросите, а при чем же здесь то, как он ел, похрумкивая.

Отвечаем: он так больше никогда не ел, а вот привычка ерзать на стуле у него сохранилась.

НА СМОТРЕ

— Ссать хочется.

— Интересно, почему в строю так часто хочется ссать?

— Это от осознания значимости момента.
— Как бы песню не запеть.
— Гимн вы сейчас споете.
— А разве его надо знать наизусть?
— Нет! Его надо знать близко к тексту.
— У меня ни рубля в кармане.
— А разве будут проверять карманы?
— Пиздец подкрался незаметно.
— Наконец-то я знаю, как зовут нового начальника штаба.

— Не напоминайте мне о нем, а то у меня разовьется сифилис.

— Вчера приснилось, будто наш командир делает мне минет.

— Дурак! Я только что о сладком подумал!

— Вы не знаете, когда эта бодяга закончится?

— Она еще даже не начиналась.

— У меня там будут перспективы роста!

— У тебя там клитор вырастет до земли и, как слепой палочкой, ты будешь ощупывать им перед собой путь.

Это офицеры стоят на строевом смотре и разговаривают.

Потом один из них, спохватившись, сбрасывает туфлю, помогая себе только тем, что упирает задник одной туфли в носок другой, а потом он ногой в носке, балансируя, протирает себе другую туфлю — это он не успел до смотра себе туфли почистить.

КИТЫ

А хорошо, когда человек думает, мыслит, размышляет, и плохо, когда у него с этим делом ничего не получается, то есть плохо, когда он к этому не расположен.

Старший лейтенант Гераскин Валера зевнул так, что обнажились клыки.

К мышлению он был совершенно не приспособлен, потому в училище перепробовал множество должностей. А потом его прикрепили к политотделу, где он собирал различные подаяния. Умрет кто-либо или же помощь какая нужна, сейчас же на сборы отряжается Валера, который всякий раз составляет список офицеров, а потом отправляется обходить всех по этому списку.

А еще в училище был известный шутник старший лейтенант Миша.

Миша скучал. Уже два часа.

А потом он включил телевизор, и, как только засветился экран, телевизор ему объяснил, что в бухте у берегов Аляски уже трое суток замерзают киты и люди борются за их спасение.

— А мы-то почему не боремся? — спросил Миша у себя и у таких же, как он, окружающих. — Это неправильно! Надо бороться!

И он сейчас же голосом дневального по телефону передал Валере Гераскину приказание начальника политотдела начать сбор денег на спасение китов.

В этот момент Валера как раз зевал. Зевнув, он сказал короткое слово «Есть!» и принялся со-

ставлять список офицеров. Составив список, Валера лег на маршрут обхода.

Услышав, что по приказанию начальника политотдела собирают деньги на китов, народ забеспокоился.

Нет, в том, что политотдел и его начальник в силах организовать сбор денег на спасение морских чудовищ у берегов Аляски, никто как раз не сомневался, но все забеспокоились насчет сроков исполнения: ну да, деньги соберем, а как же к этому времени киты?

— А кстати, — спрашивали многие, — а кто уже сдал?

Валера всем объяснял, что со сроками все в порядке, к китам успеют, полетят самолетами-пароходами, а вот денег пока еще не сдал никто.

— Как же так? — говорили многие и не сдавали денег.

В конце концов Валера отчаялся.

— Никто не сдает на китов! — доложил он начпо.

Он ворвался к нему в кабинет белый от ответственности.

Начпо снял очки и уставился на Валеру поверх своего стола.

— Список я составил, но никто пока денег не сдал! А сроки?

Тут Валера посмотрел на начпо, как на заговорщика, и проникновенная гримаса искажила сразу все черты его лица.

— А сроки-то как? Киты же замерзнут!

Начпо сидел неподвижно, боясь шевельнуться.

— Если такими темпами пойдет сдача, то я за это не несу никакой ответственности, — Валера отстранился и надулся от гордости за порученное дело.

Постепенно начпо стал что-то понимать, и страх его начал проходить.

— Где у нас сейчас находятся киты? — спросил он не без интереса.

— На Аляске! Где ж им еще быть? — азартно махнул рукой Валера куда-то в угол. — Они там вмерзли во льды! А народ — сами понимаете! Так что без вас никак!

Очевидцы тех событий уверяют, что начпо, как гигантский кенгуру, выпрыгнул из-за стола одним махом и сейчас же набросился на Валеру с криком:

— Дурак, блядь, дурак! Господи! Ну какой дурак! Тьфу! Дурак! Ну хоть бы раз! Мозгами! Ничего же такого особенного в этом нет! Всего лишь надо думать мозгами! Серыми! Такими! Извилинами!..

Валера вышел от него красный. Говорят, он постоял-постоял перед дверью, а потом сказал вратьяжку: «Не по-ня-л!» — и вернулся опять к начпо.

АНТИТЕРРОСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

«...И во исполнение приказа штаба флота об усилении антитеррористической деятельности на каждом пирсе возвести укрепление против возможного нападения террористов, для чего использовать схему (она прилагается) и

мешки с песком. Ответственные — командиры кораблей».

Командир прямо на пирсе прочитал телефонограмму, поднесенную ему запотевшим от усердия дежурным, и сказал:

— Что это за херня?

— Это из штаба передали, товарищ командир! — дежурный сделал себе простое, исполнительное лицо.

Вокруг база флота — пирсы, пирсы, а на них — корабли, корабли...

— Одно только говно из этого штаба могут передать! — Командир вздохнул. — Схема где?

— Вот! — дежурный очень старался. Ему же главное что? Главное — чтоб с дежурства не сняли.

Командир повертел в руках листок бумаги, на котором было изображено что-то вроде колодца, сложенного из мешков.

— Башня, что ли? — командир размышлял.

— Вроде бы башня, товарищ командир! — дежурный просто влез с головой в рисунок.

— Или дзот!

— Дзот, товарищ командир! Точно — дзот! — дежурный проявлял невероятное рвение.

— Или это пулеметное гнездо?

— Пулеметное, товарищ командир! Я вам сразу хотел сказать, что это гнездо!

— Гнездо... — вздохнул командир, — конечно гнездо... для блядства... Так, ладно, передай старпому, пусть выделит людей и чтоб они всю эту херотень уже сегодня начали возводить.

Командир, вытянув губы, еще раз задумчиво посмотрел на схему, а потом, размышляя, добавил:

— Простоит одиноко месяц, а потом в него вахтенные со всех сторон ссать будут бегать.

Назавтра на пирсе уже стояла башня из мешков. Командир ошибся.

Вахтенные не стали ждать целый месяц.

ИНИЦИАТОР

Командир наш, назначенный недавно инициатором соревнования за звание «Лучший командир, последователь командиров военных лет», отходил три автономки подряд, прежде чем, всколыхнувшись набекрень, окончательно превратиться в потомственного алкоголика.

После четвертой автономки он опять хорошенечко надрался, а нам в море идти, и он ходит теперь по центральному тенью бабушки Сью из «Хижины дяди Тома» и на все подряд натывается.

А ночью он притащил на корабль свою любимую собаку, обняв ее за оскаленную челюсть на вертикальном трапе и прижав к себе, после чего оба они тучно упали в люк и долетели до нижней палубы совершенно благополучно, влипнув в пол, — пес сверху, а потом командир, кряхтя, поднялся, сказал: «Куль твою мать!» — сел в кресло и уснул, а собака всю ночь перед ним выла от пережитого потрясения.

Утром ее вынесли на поверхность абсолютно без чувств, а командира немедленно заложили в политический отдел, и оттуда уже примчался его

начальник капитан второго ранга Мокрушкин Богдан Евсеич, и теперь он тоже по центральному бродит, не зная, как начать профилактическую беседу, и делает вид, что ничего не замечает.

Наконец они сталкиваются нос к носу, и первым приходит в себя командир. Он останавливается, медленно поднимает глаза, потом в нем сразу и вдруг нарастает горячая волна справедливого командирского негодования, отчего его глаза тут же вылезают из орбит, лицо краснеет и сам он начинает, заикаясь, трястись от возмущения:

— А ТЫ-ТО?!! ТЫ-ТО ЧЕГО ЭТО?!! ЗДЕСЬ! А? ОТИРАЕШЬСЯ? ТЕБЕ ЧЕГО ЗДЕСЬ НАДА!!! КАК В АВТОНОМКИ ХОДИТЬ, ТАК ВАС НИГДЕ НЕТУ! ВЫ ПОТОМ! ПОТОМ ПОЯВЛЯЕТЕСЬ!

— Да вы пьяны, товарищ командир, пьяны! — приходит в себя начпо, получивший теперь зацепку для разговора.

— А ТЫ — ГОВНО! ГОВНО!

— А вы пьяны!

— А ТЫ — ГОВНО!

— А вы пьяны!

Так они говорят какое-то время, в течение которого все остальные заняты своим делом и вроде бы не замечают их стычки, стараются при входе в центральный их обойти, бережно обогнуть.

— ДА ПОШЕЛ ТЫ НА ХЕР ОТСЮДА, УРОД! — говорит наконец командир начпо, стало быть, в сердцах, и тот птичкой вылетает из лодки.

В общем, в море мы вышли с другим командиром.

ПОМИДОР

Чешется чего-то.

Пониже спины. Может, я перченого чего поел?

Точно! На этом камбузе обязательно какое-нибудь говно на ходу слопаешь, а перед тем как глотать, еще и перчиком его заботливо припорошишь неторопливо, чтоб, значит, не так противно было слюни в него пускать.

А через два часа начинает зудеть, с каждой минутой все отчетливей, но в это время ты уже забыл за делами, что ты там в обед неосторожно употребил.

— Док! — сказал я корабельному держиморде, то есть врачу, прямо с порога. — У меня опять чешется!

— Только не надо вот так тут входить, — заметил он мне на это, с легким треском отодрав свой лик от стола, причем на лбу у него, видимо, от долгого лежания мордой вниз отпечаталась скрепка, — а потом поворачиваться ко мне из дверей собственной волосатой жопой и наклоняться изо всех сил, охватив ее за края, растаскивая немьпыми, но железными пальцами эти свои ягодички! Не надо! Не экипаж, а бордель какой-то бледно-голубой. Все норовят войти и предъявить мне свои тыловые щечки. Честно скажу, не вдохновляет. Нахретесь разного дерьма помойного с тремя столовыми ложками красного перца, а потом удивляетесь, почему оно же, почесываясь, появляется у вас на выходе! Надо было удивляться, когда это ел. Вот! Устал я ковыряться в вашей клоаке! Устал!

— Док!

— А тут все клоака! Понимаешь? Все! За что ни возьмись! Вот подойдешь к чему-либо, думаешь: а вдруг, а вдруг? А там она, клоака!

— Так ведь я...

— Не знаю! Пойди на помидор голой задницей сядь, так, чтоб сок из него потек. Сок помидорный снимает зуд от перца. Больше ничем не снять. Все! И не надо у меня спрашивать, где тебе сейчас взять этот помидор. Не надо! Я не торговец помидорами и огурцами! Нет! Отнюдь вам, отнюдь!

Вот сволочь, а?

Пришлось мне садиться на помидор.

Ребята со смеху померли.

КОТЫ

Понимаете, животные — они же такие мягкие, и, поглаживая их, человек вырабатывает в себе положительные химические вещества, здорово влияющие на здоровье.

Особенно подводникам они нужны. Эти вещества и это здоровье.

На лодке развелось много котов, потому что крысы совершенно одолели — запросто ходили у спящих матросов совершенно по рожам, а у помощника в прошлой автономке даже ботинки сожрали. Одни задники оставили.

Он их после погружения сразу же под умывальник поставил, и там они все три месяца и

простояли, а когда он их доставать стал, чтоб после автономки на волю выйти, то смотрит — как-то они очень легко наружу пошли, и: «Е-мое!» — воскликнул потом помощник, держа в руках эти аккуратненькие огрызки.

А старпом забыл в кармане шинели яблочко наливное.

Так они прошли ему всю шинель насквозь, но до яблочка добрались, а старпом все вспомнил потом, что у него в каюте два дня замечательный случался хруст, особенно если он из каюты выходил и дверь прикрывал. Выйдет из каюты, прикроет дверь — хруст начинается, откроет дверь — хруст прекратился.

Вот и решено было завести котов, после чего их и завели.

Коты крыс вразумили, но и сами от такой юркой жизни стали плодиться.

И командир всю эту живность полюбил, говорил, что как их погладит, так и засыпает лучше, сам котят в центральном собирал каждую вахту и кормил. Он даже имена им придумывал: «Барсик, Барсик! Этого рыжего назовем Барсик! А этого Пирамидон! Очень ему подходит!»

В общем, Барсик с Пирамидоном и вся остальная шайка котят беспрепятственно шлялись по центральному, а если и ложилась вперемежку, так только рядом с командирским креслом.

Однажды командир в кресле на вахте уснул.

Не то чтобы он до этого в кресле не спал. Он спал и до этого, просто в этот раз он ножки свои поджал, а тапочки наши с дырками внизу под

креслом оставил. Свернулся командир уютным калачиком и засопел, заурчал, и во всем центральном установились теплота и благодать.

Проснулся он сам. Спустил с кресла свои ножки кудрявые и нашарил ими свои тапочки дырявые. Вставил он ножки в тапочки и заорал. Весь центральный перебудоражил. Такой громкий крик. Просто осел перед случкой, честное слово. Думали, что он без ног остался — так он орал. Бросились к нему, а оказалось вот что: пока он спал, Барсик с Пирамидоном и вся прочая шайка ему полные тапочки дерьма наложили.

После этого командир к животным совершенно охладел и запретил их в центральный пускать.

Сирот приняла корма. Там они и подрастали.

ПОЛУЧКА

Получка для офицера особый день, можно сказать даже, святой. Она объединяет, способствует дополнительному оживленному общению среди служивого люда, потому что в день получки появляются даже те, кого в обычное время никогда не найдешь, не сыщешь, не встретишь и вообще. Получка — это хорошо, тепло.

Если офицеру государство дает деньги, то их лучше сразу брать, не раздумывая.

Потому что государство может же передумать в последний момент и сказать: «Ой! Верните, пожалуйста, деньги, потому что их вам только что выдали совершенно ошибочно!» —

в этом случае приличным всегда выглядит ответ: «Какие деньги? А вы точно мне их дали? А кто это еще видел?»

Вот почему суют тебе в руки получку, пусть даже не твою лично, а за твоего друга, который сегодня болен, бери — такое правило.

В нашей истории именно это и случилось: один из офицеров болен, и его деньги получает друг. Утром приходит выздоровевший и спрашивает, где же его кровные. Все молчат, так как забравший вчера эти кровные сегодня не прибыл с утра на службу.

Водился за ним один грешок — выпить мог, причем не всегда на свои. Конечно, многим может показаться, что если человек выпивает не на свои, то это как раз ничего, но в нашем случае речь идет об офицерской получке, то есть о самом святом, так что все молчат, делают себе лица «Ты не знаешь, чего у нас на сегодня?», потом все напряженно курят.

11 часов 00 минут. Вдруг видят: идет по дороге тот самый, пропавший, но идет как-то странно, как всем издалека кажется — то ли одна нога у него меньше другой, то ли еще чего-то. Когда он подходит, то все выясняется — просто брюки у него всегда какие-то короткие, но сейчас одна нога в ботинке без носка и совершенно жуткого, страшно синего цвета. Возможно, гангрена или еще чего-то. Сразу спросить никто не решается, и потому снова все неторопливо закуривают, обмениваясь незначительным: «Погода какая-то странная, солнца что-то не видать».

Потом выздоровевший задает первый вопрос:

— Где деньги?

— Ах деньги! Извини, сразу как-то... запаматовал... — и получка, слава Богу, попадает в нужные руки, после чего напряжение спадает, и разговор сам собой обращается к ноге: «Что с ногой?»

— С ногой? С какой ногой? Ах с этой ногой! Да ничего особенного. Просто вчера ночевал у одной знакомой дамы, а утром встал и носок один никак не могу найти. Так я его шариковой рукой на голой ноге нарисовал, чтоб он не очень в глаза бросался при ходьбе. Пока шел, штанина растерла пасту на ноге, вот и получилась такая картина.

Все вздыхают, еще раз смотрят на картину, советуют, чем вымыть: «Скипидаром, наверное!» — после чего, неторопливо ковыряясь в прошедшем, расходятся по своим местам до следующей полочки.

САПОГИ

У людей разная емкость пузыря. Особенно у военных. У остальных пузырь — он пузырь и есть. Ничего особенно, когда переходишь от особи к особи. А у этих — что ни пузырь, то существенные различия.

В ресторане «Гудок» сидела компания подводников и пила пиво.

В ней выделялся двухметровый капитан второго ранга с физиономией крупного усталого

бульдога, которого все уважительно величали старпомом.

Тот пил кружку за кружкой. При этом он держал ее в руке, как баночку из-под майонеза, и в галюн, похоже, не торопился, то есть с пузырем у него все было хорошо, и, похоже, всем вокруг тоже было хорошо оттого, что у него так хорошо с пузырем.

И тут к их столу походкой того морского волка, которому еще маленьким волчонком охотники пытались выдернуть задние ноги, подваливает некая невысокая сущность в ветровке, фуражке среднего комсостава «тюлькиного» флота и высоких болотных сапогах.

— Спорим, старпом, — говорит та сущность почти развязно и, стало быть, нагло, — что я без похода в галюн пиво буду пить дольше, чем ты?

Спорили-то на полную ерунду — две бутылки коньяка — но у военных, а тем более подводников, любой спор быстро превращается в спортивное состязание.

Появились болельщики, и скоро ресторан поделился на две части: одна болела за старпома, другая — за невеликого рыбака.

Они сели за стол, и им принесли пиво.

Пили они, глядя друг на друга.

В глазах у мелкого рыбака с каждой минутой разливалось все больше блаженства, а у старпома в глазах потихонечку начало нарастать беспокойство.

И вот он уже засопел носом, и вот он задышал уже, и кожа на лице его стала какой-то ноздрева-

той, что ли, а потом его волосы встали дыбом и взмокли везде, а потом и пот полил ручьями.

Семнадцатую кружку старпом все же допил, но потом он встал и, раскорячившись, будто оберегая распухшие яйца, пошел в гальюн.

Он отсутствовал какое-то время, а когда вернулся, то принес две бутылки коньяка и водрузил их на стол перед победителем.

А тот выпил еще пару кружечек пива «на пошонок», как он изволил выразиться, и вставать из-за стола, похоже, не собирался.

А всех жутко интересовало, когда же он сходит поссать, о чем его и спросили.

— Мы ж на что спорили? — услышали они в ответ неторопливое. — Мы спорили на то, что я буду пиво пить без похода в гальюн!

Потом он посмотрел на всех мечтательно и добавил:

— Вот я никуда и не хожу. Потому что давно уже ссу. Прямо в сапоги!

ДОМ

— ...Обязательно на горе. Он будто нависает над обрывом, будто летит, а вниз, к морю, тропинка ведет. По ней хорошо утром, до рассвета, спускаться. Там внизу небольшой пляж. Совсем маленький. Волны и песок белый. Красиво.

— Ага.

Это мы с Серегой в каюте лежим. Я внизу, а он на верхней полке.

— Там еще ступеньки вырублены. От самого дома до пляжа. Песчаник. В нем легко вырубать. Ну, чтоб легче спускаться к воде.

— А вода теплая?

— Очень теплая. Почти до октября.

— А когда купаться начинаете?

— В мае уже в воду лезем.

Мы в каюте на подводной лодке лежим после вахты, пытаемся заснуть, и Серега про дом рассказывает. Дом стоит на берегу моря.

— А он двухэтажный?

— Конечно двухэтажный. И комнат много. Просторные. И еще куча света. Световые окна. Солнечный свет сверху. Прохладно. Ветер теплый всюду по комнатам гуляет. А на втором этаже библиотека. Много книг. Ты же знаешь, я люблю книги.

— Старинные?

— Что старинные?

— Ну книги.

— Конечно старинные. В серебряных переплетах.

— Наверное, тяжелые.

— Очень тяжелые, но их удобно читать. Вечером сядешь и читаешь, читаешь. На закате. Там красивый закат. Солнце в море садится долго. Сначала окунает в него только нижний край, а после и все в воду заходит.

— Разве оно долго садится в море?

— Очень долго.

— А я думал, быстро: раз, и погасло.

— Не... долго. И красиво — слов не подо-

братъ. Так стоял бы и стоял. Смотрел бы. Я люблю море с берега.

— Кто ж его с берега не любит?

Это у нас с Серегой третья автономка за год. Нас вместо отпуска опять под воду засунули.

— А наверху у нас сад.

— Это перед домом?

— Ну да. Разные деревья, апельсины.

— Там растут апельсины?

— Конечно растут. И лимоны есть. А полы мраморной плиткой выложены, потому что очень жарко. Просто пекло днем. Спрятаться негде. Но ты же знаешь, я люблю жару.

— Ну да.

— А в доме каждый при деле. У каждого находится что делать. Никто без работы не сидит.

— Много вас там?

— Вся семья.

— Хороший дом.

— Да...

Честно говоря, нет у Серегина никакого дома. У него вообще нет ни дома, ни семьи. Одна только мать в Пензе. Но он любит мне рассказывать про этот дом, просто так, фантазировать.

А мне нравится. Перед сном же.

И так каждый день.

ПРЕВРАТНОСТИ

Капитан первого ранга Шутилов Зигмунд Аркадьевич, более всего известный своим выра-

жением «Моются только те, кому лень чесаться», красивый, высокий мужчина с волевым подбородком и с огромной, шитой на заказ белой фуражкой на голове, стоял у торца здания четвертой казармы, недалеко от крыльца, и распекал начпрода, вечно мятого во фронтальной своей части капитана Заходько Валерия Дмитриевича, пьяницу и вообще дурня, а в это время все вокруг просто так ходили:

— ...Надо иметь ум щитомордника и смотреть на все взглядом африканской гадюки, чтобы позволить себе такое сотворить! В кавернах сыра больше смысла, чем во всем вашем ущербном облике! Хотя бы раз удосужьтесь напрячь себе то, что у всех остальных является не задницей! Адекватность! Вот все, что от вас требуется! Адекватность и исполнительность! И никакой этой вашей дебиловатой инициативы, способной загнать нас к едрене матери в такую могучую пизду, из которой уже ничего, кроме старинных заплаток на маминой матке, невозможно извлечь! И не надо уподобляться марокканской мандавошке и сучить ножками при встрече со мной, стремясь залезь поглубже в окружающую чащобу! Нюх свой следует оттачивать, а зад свой следует беречь!..

В этот самый момент от водосточной трубы на высоте третьего этажа отделился кусок, который с нарастающим свистом немедленно понесся к земле.

Никто не успел даже охнуть. Кусок трубы ударил начальника тыла по голове, отчего шитая фуражка издала слабый вздох.

Зигмуда Аркадьевича таким манером убить не удалось. Он всего лишь только присел от удара на корточки, а потом так на корточках и пошел по направлению к зданию штаба.

ОПЯТЬ В МОРЕ

Сволочи!

Это я насчет того, что вместо отпуска нам опять в море идти. Не успели прийти с этой долбаной автономки, как наш капитан быстренько смотался в штаб и еще одну автономку нам выпросил.

Ему, командиру нашему, в Академию летом поступать, а если он в автономку перед этим свалит, то зачисление в Академию произойдет для него автоматически, и математику ему так засчитают.

Вот для того, чтоб ее не сдавать (потому что он даже арифметику с нашими походами дальними совсем не помнит), он и выпросил для нас этот поход.

Всего восемь дней после прошлого похода прошло, и опять на три месяца в море — это, я вам скажу, что-то.

И корабль нам присмотрели — просто зараза. Ни черта не работает.

Как они межпоходовой ремонт делали, эти уроды, что до сих пор этот корабль держали, я не очень понимаю.

Ни хрена, я повторяю, не пашет. Вообще ничего.

И контрольный выход они уже прошли по всем бумагам с оценкой «хорошо».

Я сказал старпому, что я ничего принять не могу, потому что на такой материальной части только самоубийцы в море выходят, а он мне заметил, что, мол, все равно командир уже акт приемки подписал, и теперь получается, что это уже я ничего к автономке не подготовил.

Ну не суки ли, я вас спрашиваю?!!

Суки! Я так флагманскому дивизии и сказал. Он пришел меня проверить на предмет готовности к выходу, а я ему сказал, что все они в штабе просто суки. У меня ни одна крышка не закреплена и ни один нагреватель не поменян. И вообще, у меня ничего нет, и если он ко мне еще раз сунется со своей проверкой готовности, то я ему, блядь, башку расшибу.

Так он в следующий раз пришел не один. Он пришел с представителем штаба Северного флота, потому что у них по плану на сегодня проверка меня этим штабом. Представляете?

Все про все знают и делают вид, что целомудрие они свое все еще не потеряли, а этот, пришибленный из штаба флота, вошел ко мне и гутарит:

— А че это вы меня не приветствуете и не докладываете о готовности к выходу?»

Гуинплен, бля!

Тут у меня изо рта чуть пена не пошла, но я — сам себе удивляюсь — сдержался и спокойно так ему заявляю:

— Вы уж меня извините за подобное безоб-

разие, я от природы застенчив и заикаюсь при виде столь высоких гостей. Вам все здесь происходящее мой флагманский сейчас объяснит!

А этот козел стоит и молчит.

Тогда тот спрашивает:

— А где ваш ЖБП? Предъявите-ка мне свой журнал боевой подготовки на предмет того, как вы готовились к этому выходу!

А я ему:

— Нет у меня журнала боевой подготовки, именуемого для краткости ЖБП! Нет! Совсем нетути!

Он даже оторопел:

— Как это?

А я ему весело:

— Так это! Крысы, понимаете ли, только что сожрали! Знаете сколько у нас крыс? Вообразите: вхожу я на пост, а они мой секретнейший журнал боевой нашей подготовки доедают и нагло так на меня смотрят, мол, смотри, куда вся твоя боевая подготовка идет! А идет она в их несимпатичный крысиный желудок, чтоб потом перейти в их проклятый крысиный кишечник и чтоб потом уже выйти через их поганую крысиную жопу наружу! Вот что происходит с нашей боевой подготовкой! Недоглядели — и нет ее!

— А матчасть? — спрашивает он в растерянности. — Она-то в строю?

— А кто ее знает? — говорю я ему лениво. — Может, и в строю, а может, и не в строю. Не поймешь. Сразу-то не видно! Вот подходишь к ней сбоку — вроде бы в строю, а как с другого боку

зайдешь — мама моя родимая, не пачкалась бы ты вовсе! — и уже не в строю!

— А проверка ПДУ? — говорит он и смотрит на меня с опаской.

— Чего проверка? — спрашиваю я с интересом.

— ПДУ! Портативного дыхательного устройства!

— Ах вот, значит, как оно называется! — говорю я ему в полнейшем восторге. — А то я всю ночь над этим голову ломал! Думал: ну не может такого быть, чтоб оно расшифровывалась, как «Плюнь, Дунь в Ухо!»

Они потом отошли подальше, и флагманский ему начал что-то говорить и в мою сторону кивать.

Так что на доклад в дивизию они без меня поперлись.

А я на посту сел чайку выпить.

Старпом зашел и говорит:

— Ну что, отломал комедию?

— И не говорите, Анатолий Иванович! — вздохнул я ему навстречу. — Все сердце изныло!

Так и вышли мы в море.

Я со своей командой потом две недели совсем не спал, все здешнее железо в строй вводил.

И ведь ввел, самое смешное...

БЕЗ ГОЛОВЫ

Сегодня я проснулся без головы. Совсем.

Я когда просыпаюсь и из каюты выхожу, крихтя и проклиная все на свете, то всегда в зеркало по дороге смотрюсь.

Над умывальником оно висит, справа по ходу событий.

Вот я в него и посмотрел — ничего.

Я еще раз посмотрел — совершенно ничего.

Нет головы!

Вот вы помните, как выглядят цыплята без головы? Вот такая же обстановка — совершенно чисто над плечами.

И главное: я же все вижу, чувствую, говорю (кажется): «А-я-я!» — да нет, слава Богу, говорю.

Только бы никого в коридоре не было, да что ж это такое!

А может, я сплю? А? В автономке же черт-те что может присниться? А?

Ущипнул — ни хрена, не сплю.

Только бы никто в коридоре не появился. Вот ведь меня угораздило как! В зеркало я себя вижу, но там я совсем без ничего! И чем же, спрашивается, я себя вижу? Глаза-то мои где?

— Привет!

— Привет!

Пока я себя рассматривал, стремительно вошел в отсек и оказался рядом со мной Сережка Митрофанов, мой друг и прочее.

Надо бы аккуратно у него как-то спросить, но так, чтоб он не успел спросить у меня, чего это со мной случилось, потому что Серега — помело, все сейчас же знать будут.

— Чего в зеркало уставился?

Это он мне. Чего бы такое ему сказать?

— А... прыщик у меня на верхней губе... вот. Ты не посмотришь?

Теперь Серега смотрит внимательно, точно на пятнадцать сантиметров над моими плечами.

— Прыщик?..

Господи! Сейчас он скажет, что у меня там вообще ничего нет.

— Что-то я... не пойму...

Точно! Нет у меня головы!

— Нет у тебя... прыщика...

Теперь быстро:

— А что есть?

— Что есть?.. Да ничего нет...

— Совсем ничего?

— Совсем.

Теперь медленно и вроде лениво рассуждая:

— А... в районе носа... Вот в этом районе... у меня есть что-нибудь?

Серега на меня смотрит, как на полного идиота, и я его понимаю, потому что сам бы смотрел точно так же.

— Ты чего, Саня, издеваешься надо мной?

— Да нет, ты чего?..

— Ты еще насчет лба спроси!

— А? Что? Что насчет лба? Что?

— Ты чего, совсем ничего не видишь?

Внутри у меня матка опустилась, а голос стал влажным, блеющим:

— Чего... не вижу?

— Ничего не видишь?

После этих слов я еще раз весь вспотел, как бенгальская мышь, а сердце забилось, как зяблик в тряпочке.

— Нет...

- Со зрением что-то?
- А?..
- Со зрением, говорю?
- Где?
- В пизде! Со зрением, говорю, плохо, что ли?
- У... меня?..
- Ну не у меня же!
- А... там есть что-нибудь?
- Где «там»?
- Ну... эта... где у нас голова?
- А где у нас голова?
- А что... нет головы?
- Головы?..

И тут лицо у Сереги стало изменяться, глаза увеличились, почернели, превратились в бусинки, и морда так вытянулась, вытянулась и заострилась. Смотрю, а это и не Серега теперь вовсе, а большая такая мышь, и может быть, даже крыса.

Я отпрянул в ужасе и ударился головой об стену.

После этого я и проснулся.

ПИСЬМА

Сань, историю прислали. Ты обязательно должен прочитать.

Воспитатель в детсаде помогает пацану натянуть ботинки... Он попросил помочь, и здесь было над чем повозиться: ботинки застряли где-то на полпути, и ни туда ни сюда... Когда воспиталка наконец натянула второй ботинок, пот с нее

лил градом. Она готова была рыдать, когда этот мелкий выдал:

— А они не на той ноге!

Действительно, правый ботинок был на левой ноге, а левый на правой...

Снять ботинки было не легче, чем надеть... Воспиталка еле сдерживала себя, натягивая правый ботинок теперь уже на правую ногу. И тут пацан объявляет:

— Это не мои ботинки!

Она с силой прикусила язык, чтобы не наорать ему в рожу: «ЧЕ ТЫ РАНЬШЕ МОЛЧАЛ-ТО?»

И снова она полчаса маялась, пытаясь стянуть эти ужасные ботинки. Когда ей это все же удалось, он сказал:

— Это ботинки моего брата. Мама заставила меня носить их.

Воспиталка уже не знала, смеяться ей или плакать. Собрав последние силы и терпение, она все же натянула ботинки снова и спросила:

— А где твои варежки?

На что мальчик спокойно ответил:

— Я запихал их в носки ботинок...

Суд над воспитательницей начнется на следующей неделе...

У сына друзей нашей семьи такая история. Отучился мученик науки в нашем институте атомной энергетики и только под самый конец образования узнал, что с их кафедры после выпускного останется времени в аккурат отнести диплом

домой. Даже напиться времени не будет, потому что сразу загребут на подводный флот. Ненадолго. И не матросней. Но все равно обидно, тем более что флот Северный.

Так что истинный смысл поговорки «Мы — атомщики, нам бы к бабе прижаться и поплакать!» парень понял только тогда, когда ему настойчиво предложили прижаться к подлодке.

Тут он уже не плакал, он выл, как сирена.

В косяк родимой двери вцепился так, что думали уже вызывать спасателей, вырывать косяк и с ним уже доставлять новобранца к месту сборов.

И вот присылает он домой первое письмо с северных подводных лодок: помимо всех прелестей пребывания в Гаджиево, не поддавшихся членораздельному описанию (в каждой строчке только точки), и такой прикол. Привезли рекрутов на место службы, свалили в одну кучку в местном ДОФе и пригласили кого-то из начальства сказать приветственную речь. А чтоб все выглядело солиднее и торжественней, этот «кто-то» оказался убеленным сединами почтенным старцем и увешанным медалями морским волком (вся корма в ракушках).

Он долго распинался о чести, совести и почетности службы, а завершил речь приглашением остаться служить дальше после истечения срока отсидки.

Мол, морское братство крепкое, даже когда кто-то уходит в море, сослуживцы не забывают семьи друзей, заботятся о них.

— Особенно о женах! — тихо хрюкнул кто-то из глубины зала.

И тут почтенный старец наклонился поближе к микрофону, брякнул медалями и громогласно изрек:

— Если вы хотите сказать, что наших жен ебут, так это только тех, кто хочет ебаться!!!

Вот и все. Бездыханные новобранцы стекли со стульев на пол.

Это Валентин.

На Тихом океане, на плавбазе по утилизации «кое-чего» я жил и служил. И вот я спал в своей каюте, как всегда, в тревожном сне, прислушиваясь сквозь сон к объявлениям дежурного по кораблю, к звонкам и к шебаршащим матросам, которые все время норовят что-нибудь украсть (даже у меня). И вдруг я слышу за дверью каюты (я закрылся на замок) звон своей связки ключей (характерный такой звон только моей связки), кто-то открывает дверь, я, соответственно, ПРИОТКРЫВАЮ глаза и вижу, как входит черный силуэт-великан, подходит, останавливается у койки и смотрит на меня.

Я встряхнул головой, продрал сильней глаза, и он исчез. После нескольких таких вот посещений я испугался не на шутку и стал рассказывать это друзьям.

Все смеются, а он перестал приходить. А потом, спустя какое-то время я прочитал у вас рассказ «Когда приходят великаны» — и тут уж точно чуть не ебанулся!!!

Было это в июле 1988 года. Я только отслужил первый год лейтенантом и из полка был откомандирован в «Карантин» — так назывался сбранный со всей дивизии сводный полк солдат вновьприбывшего пополнения.

Новобранцы весеннего призыва в течение четырех месяцев проходили там курс молодого бойца и совершали три прыжка с парашютом.

«Карантин» располагался в учебном центре нашей 98 ВДД в степях Бессарабии, и в тот момент среди молодых бойцов началась эпидемия дизентерии, то есть бойцы «потекли сзади», и с прыжками пришлось повременить, пока этот сроч не одолеем.

Для борьбы с данным недугом по личному распоряжению замкомандира дивизии по боевой подготовке полковника Марьина (кличка «Барин») над входом в солдатскую столовую был вывешен кумачовый лозунг: «ЧИЩЕ РУКИ — ТВЕРЖЕ КАЛ!» — после чего через неделю болезнь пошла на убыль.

Ваш Леонид.

Это для вас.

Москва, ночь, институт Склифосовского, информационно-консультативный токсикологический центр.

На шестом этаже клиники бдит консультант.
Звонок.

— Вас слушает Информационно-консультативный центр.

- Это таможня!
— Ну?
— Что делать с пьяным попугаем?
— С попугаем? Ну, теоретически то же, что и с человеком: дать проспаться и похмелить...
— А если у нас ТРИСТА пьяных попугаев?!
— ?!!

Таможня выловила контрабандную партию попугаев, направлявшуюся транзитом куда-то в Европу. А чтобы они не мурчали, их и нагрозили алкоголем по самые леера...

Было это в ноябре 1987 года. Прошел месяц, как я служил лейтенантом по окончании Коломенского высшего артиллерийского командного училища (коломенские барышни окрестили наше училище «Лягушатником» за зелень нашей формы и за аббревиатуру училища «КВАКУ»), на должность я еще не был определен и находился временно за штатом.

Так вот, меня и еще трех молодых лейтенантов откомандировали для подготовки и участия в параде по случаю 70-летия Советской власти в славный город Кишинев.

По приезде мы разместились в разведrote кишиневского полка в отдельном кубрике.

В обязанности наши входило: два раза в неделю выйти на плац полка для тренировки парадного прохождения в офицерской «коробке» и раз в две недели прибыть для ночной тренировки на центральную площадь Кишинева — площадь Победы (сейчас она называется площадь Штефана Челмаре, это какой-то молдавский царек).

На эти ночные тренировки бывалое офицерье прибывало с небольшим содержанием градусов спирта в организме. Хотя и Молдавия, но не май месяц, да еще и ночь, а градусы помогали «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». Надо сказать, что воздух свободы после четырехлетнего заточения в нашем КВАКУ пьянил и кружил голову. То есть я нахожусь в столичном городе, имею деньги, свободное время и звание лейтенанта, то есть я — «пуп земли», который может себе позволить все, ну или почти все. И я решил себе позволить УСН (так в замполитовских графиках и докладах о воинской дисциплине обозначается Употребление Спиртных Напитков) перед ночной тренировкой.

На 22.30 4 ноября была назначена генеральная репетиция в парадных мундирах со всеми значками, орденами и аксельбантами с проходом техники, проездом «членовозов» с командующим парадом и принимающим парад, с исполнением гимнов Советского Союза и Молдавии.

4 ноября в 21.00 в парадной форме с аксельбантом, весь блестящий, как новый пятак, оставив в гардеробе плащ, фуражку и белое кашне, я вошел в зал одного из центральных ресторанов Кишинева. Заказал комплексный ужин и триста граммов коньяка (коньяк я не люблю, но форс превыше всего).

За соседним столиком сидели какие-то молдавские шабашники, которые праздновали сдачу очередного объекта. Не помню, как они меня пригласили за свой столик, помню только, что кув-

шины с вином на столе опустошались и менялись с ужасной скоростью.

В 22.30 я очень неуверенной походкой покинул этот кабаk и на троллейбусе добрался до площади Победы. В это время командиры «коробок» были собраны у трибуны для разбора только что закончившегося прохождения, а остальной народ курил, травил анекдоты и военные байки. Видя мою нетвердую поступь, ко мне подскочил мой однокашник Саня Знаков и с испугом в глазах начал выяснять, зачем, где и с какого рожна я так «накушался». После моих объяснений типа: «А че, я не могу себе позволить?..» — он повел меня в общественный туалет, чтобы я там проблевался, но блевать я не хотел, вырывался и орал:

— Десантура не блюет!!!

В общем, он плюнул на меня, сказав:

— Да пошел ты на хуй, мудаk!

Перекур закончился, и я встал в строй. Слева и справа меня поддерживали плечами, не давая амплитуде моих телодвижений дойти до опасной величины. Начался объезд парада. «Членовозы» подъехали к нашей «коробке», и принимающий парад поздоровался. Вместе со всеми, но с двойным усердием я проорал ответ. Потом поздравления с 70-летием Великого Октября, и первое «ура» у меня получилось довольно сносно, но вместо второго «ура» послышалось бульканье, а на третьем «ура» я сфонтанировал комплексным ужином на спину впереди стоящего старлея. Запомнилось то, что

«парадка» у старлея была сшита из полковничье-его сукна. Я сжался и безропотно приготовился получить от старлея по морде, но он повернулся и сквозь зубы процедил в мой адрес: «Козел!»

Не помню, как я добрался до полка. Проснувшись утром с головной болью, я услышал, как начальник разведки полка спрашивает у моих соседей лейтенантов:

— А где этот артиллерист, который вчера на площади салютовал?

Я только сильнее натянул одеяло на больную голову и притворился спящим. Начальник разведки похихикал и ушел.

До самого 7 ноября я старался не выходить из казармы, не из-за страха получить нагоняй, а из-за стыда. Я все-таки нашел того старлея и предложил ему оплатить химчистку «парадки», но он посмеялся и сказал:

— Не суетись под клиентом, жена уже все постирала.

7 ноября из окна казармы я следил за построением на парад, решив, что встану в строй в последнюю очередь, чтобы избежать лишних подъебок, но до площади шли строем 20 минут, и подъебки сыпались на меня всю дорогу, но они были не обидные, смешные и добрые, а именно:

— Ну, артель дает залп шрапнелью!

— Надо было подбородочек повыше, чтоб до передней шеренги достало!

— Поводил бы хлебалом влево-вправо, накрыл бы большую площадь!

Я шел молча, красный как рак. Было стыдно и одновременно весело, время было доброе.

А парад был как парад, ничего особенного.
Леней меня зовут.

Саня, это Елисейкин. Вот тебе история.

Получил один военный пенсионер новую квартиру. Повезло просто. Абсолютно новую, на последнем этаже московской многоэтажки. Для себя и своей семьи. Сам перебрался, а семья стала дожидаться, пока он там все облагородит-обустроит. Да и новостройки кругом, дорог нет, половина подъезда еще не заселена.

Разумеется, скучновато мужику. Ну вот в один из вечеров он приглашает своего приятеля — тоже военного — отметить новоселье. Разместившись на каких-то там коробках, они слегка принялись-закусили, ведут неспешную беседу о том о сем.

Приняли еще, потом еще...

И вдруг открывается входная дверь (она была просто прикрыта), и в квартиру входит кот. Здоровый такой, черный. Ну и, деловито так продефилировав в комнату, начинает все обнюхивать, трясая хвостом, в общем, этак по-хозяйски ведет себя.

И тут хозяин, уже порядочно захмелевший, неожиданно сатанеет и со словами:

— Вооот, бля, не успеешь хату новую справиться, как всякие коты начинают бродить, — хватает кота за шкурку и тащит его к открытому окну с явным намерением его вышвырнуть. А внизу

стройка, темно, сварка искрит, смрад, мрак, дикий грохот...

И вот бедное животное, повиснув в воздухе (представляешь, какой ужас его охватил), изловчилось и в последний момент, мигом перебравшись по руке мужика, очутилось у него на голове...

Все попытки снять его оттуда оказались совершенно бесплодными.

Так он там и сидел, намертво вцепившись в голову, до приезда «скорой».

В полку у нас был Виктор Петрович. Ел все подряд, отчего весом был 120 кг. Однажды в обед он переел. А экипаж полетел на 4,5 часа по маршруту. Ему через пару часов захотелось «по тяжелому», и невтерпеж. А на боевом самолете у нас только писсуары. Тогда он развернул полетную карту — она метра на полтора, дал команду: «Экипаж! Перейти на чистый кислород!» — и как только они на морды маски надели, он на карту навалил и все это потом в нее же и завернул.

По прилете на аэродром он стал выносить сверток, но тот промок, и содержимое выпало на бетонку.

Петровичу потом все это пришлось убирать лопатой, тряпкой и щеткой с керосином отдраивать, потому как вонь стояла невыносимая.

Когда отец служил на Севере, во время по-

летов на Ту-16 к ним подлетали натовские «Фантомы» и выпендривались как могли.

В один из таких полетов уже знакомый нам Виктор Петрович подремывал под убаюкивающий звук двигателей. Пригретый солнышком, он думал о приближающейся жизни на пенсии, без взлетов-посадок, ночных тревог и замполитов. Друзья-однополчане, мягкая и теплая жена, ползающие по нему внуки, стол, уставленный всевозможными яствами — все это причудливым образом переплеталось в размягченном сознании. Лесная полянка, жаворонок...

— Товарищ командир, а он мне голую бабу показывает! — ворвался в идиллию мечтаний голос из далекого прошлого. А голос-то был как раз из самого что ни на есть настоящего.

Это был голос стрелка-радиста Чиж в наушниках командира корабля.

...Подлетевший «Фантом» крутился-крутился, видит, что командир внимания не обращает, не до него ему сейчас, пристроился в хвост, где Чиж как раз и сидел. Вот ему-то натовский пилот и развернул «Плейбой» с секс-бомбой на две страницы. Чиж такого ни разу в жизни не видел (60-е годы). Придя в себя, тут же доложил командиру, чем и прервал благостную дрему, получив в ответ невозмутимое:

— А ты покажи ему наш КВС, пусть обосрется. (Кто не знает, КВС — это журнал «Коммунист Вооруженных Сил».)

Я — жена офицера. Мне двадцать лет пришлось по гарнизонам жить. Я с теплой грустью вспоминаю те годы. Наш замполит Бурема очень любил хоровое пение. Хором руководила я. Кроме офицеров у нас там пели и их жены.

Однажды Буреме пришлось меня подменить. На репетиции он быстро потерял терпение и стал на женщин кричать: «Что вы ревете, как недоенные коровы?! Идите в поле, твою мать! Там и ревите сколько влезет!» Так и разогнал мне весь хор.

А старлей Стас у нас запевалой был. У него дома жила собака по кличке Карузо. Очень она любила вместе с ним выть. Как только Стас запевал, так Карузо ему и подпевал.

Однажды на концерт за ним увязался. И только Стас запел: «Вы слыхали, как поют дрозды!» — как из-за кулис пулей вылетел Карузо, подлетел к нему, сел и завел: «Оу-оу-оу!!!»

За это Карузо даже грамотой наградили.

До какого абсурда доводило некоторых преподавателей слепое исполнение указаний политотдела (была раньше такая организация)! Лекция на любую тему начиналась словами о заслугах КПСС.

Полковник Шпарков зашел в аудиторию и после доклада дежурного начал лекцию: «Исходя из решений XXIV съезда КПСС, котел пищеварочный состоит...» — и, не отрывая глаз от конспекта, шпарил так до перерыва. Что происходило в это время в аудитории, его особенно не волновало.

Однажды какой-то шутник взял его лекцию в преподавательской и внес коррективы, которым мы были свидетелями.

Шпарков читает свою лекцию и вдруг произносит:

— Рассказать анекдот про зайца!

Он остановился, подумал. Внимательно посмотрел в свой конспект и... рассказал нам анекдот про зайца. Не смешной. Ему было все равно. Он был уверен: раз в лекции написано, нужно выполнять. Через какое то время опять остановка и...

— Рассказать анекдот про волка!

В аудитории тишина. Все ждут. Стало даже интересно, расскажет или нет. Он морщится, вспоминает... Нет, видимо, никак:

— Про волка я не помню. Переходим к следующему вопросу!

Вот так мы и учились.

Москва, 1991 год, сентябрь.

НИИ СП им. Склифосовского, зона «Б», отделение общей реанимации. В отделение входит ответственный токсиколог (он же токсикореаниматолог).

Время — около 19.00 — все кипит и все сырое...

На реанимационной койке сидит тело с загипсованными лодыжками типа «сапожок». Сидит под идеально прямым углом, глухо-внятно-непрестанно матерясь, и умирать явно не собирается...

Токсиколог, входя:

— Здорово, эскалопы (эскулапы)! Спасаете?

Ответ:

— Вестимо... бля!..

— А это что за организм? — взмах головой в сторону матерящегося «прямого угла».

— А это у нас настоящий полковник, чекист и самоубийца.

— С этого места поподробней, иф ю плиз...

...Когда после путча начались гонения на ВЧК-КГБ, многие решили, что это ВСЕ!

Решил так и полковник. И решил тогда полковник расстаться с этим миром добровольно. Как настоящий офицер (и чекист) он задумал пустить себе пулю в лоб. Как мужчина бывалый, он видал всякого, то есть знал, что не каждого полковника пуля возьмет. Поэтому для подстраховки свой расстрел он продублировал повешением, для чего навязал себе на шею соответствующую петлю; а если и тут промашка выйдет, то привязал он все это к перилам балкона, чтоб, значит, кинетической энергией пули его за борт вышибло.

Так, собственно, и получилось: выстрел грянул, пуля от черепной коробки ушла в сентябрьское небо, тело вылетело за перила, но, ограниченное в свободе веревкой, повисло за бортом...

Потом веревка лопнула, и полковник, в полном соответствии с законом Исаака нашего Ньютона, ринулся к земле с высоты одиннадцатого (!) этажа.

В сентябре в наших широтах ничего смягчающего (снега, например) не бывает, а под домом был асфальт и газон (немногим лучше). Полковник встретился с землей собственной Родины

стоймя и... сломал себе только две лодыжки, так как летел он «солдатиком».

— Гвозди бы делать из этих людей, — резюмировал токсиколог. — ОФИЦЕРЫ!!

Не могу не рассказать про свое вчерашнее происшествие. Люблю я иногда в теннис большой поиграть. У меня знакомый один неплохо играет. Вот он меня и пригласил:

— Приедут, — говорит, — еще пара мужиков, бизнесмены, жир сгонять, они любят теннис!

Ну, приехали на крутейших машинах два кошелька. Стал я с корешем играть против них. Пара на пару. Ну, слишком неравная игра получилась. И дабы не шла игра в одни ворота, мы разделились. Я взял себе одного бизнесмена, а он — другого.

Два этих товарища (бизнесмена) как приехали, вели себя очень культурно, общались спокойно, но потом, в пылу игры, начали жарко доказывать друг другу, что мяч или не попал в корт или еще что-то...

Мой напарник, взяв мяч, идя на линию подачи, бубнил следующие слова:

— Вот блядь, а? Сученыш, щас я изъебнууу-ушь, щас я дам тебе по яйцам!

Промазав:

— Ах ты муфлон! Погоди, щас я тебе впердолю по самые гланды!

Потом он делал ошибку на подаче и добавлял:

— Вот ебать-колотить, а? Что же это за ебанный случай такой?!!

Потом он не успевал за мячом после удара своего друга и под нос опять произносил:

— Вот хуеплет палубный! Да, чтоб у тя хуй на лбу вырос! Ну погодиии, погодиинии! Готовь свои ягодицы! Я те туда кафенагель вставлю еще!

Я был несколько шокирован, давно, знаете ли, не слышал такого.

Потом все встало на свои места.

Выяснилось, что один был мичманом (старшиной на тральщике), а второй — каплей (его бывший начальник). А ныне каплей — его шеф, а мичман у него бухгалтер.

Удачи. Женя.

Это опять Леонид.

Расскажу историю.

В «Карантине» собралась нас веселая компания.

Надо сказать что, «Карантином» в простонародье называется временно созданное подразделение, в которое немедленно попадают призывники после их прибытия в часть для прохождения «курса молодого бойца», а офицеры в это подразделение попадают со всех частей дивизии. И в нашей роте вновь прибывшего пополнения собралась веселая компания, мы праздновали вместе все дни рождения, получение кем-либо звания или просто пили при наличии «бранных госзнаков».

И вот на очередной попойке, уже не помню, что праздновали, грузим нашего командира роты в такси, так как, будучи в изрядном подпитии, до

дома сам бы он не доехал, оплачиваем таксисту проезд, но адрес сказать забыли, только район города назвали, чтоб в цене сговориться.

У большинства командиров есть одна особенность: после того как они примут «на грудь» определенное количество «старого доброго эля», у них просыпается служебное рвение и желание «порулить войсками».

Так вот, у нашего командира такое желание проснулось, и, сидя на переднем сидении такси, натужно повернувшись в сторону собравшихся по поводу его отъезда офицеров и прапорщиков роты, он дает последние ценные указания (ЦУ) на завтрашний день:

— Старшина! Завтра на подъемчик, ядрена вошь! И у дежурного не забудь отметить, а то в прошлый раз мне из-за тебя замполит все мозги через хуй высосал! Командиры взводов! План-конспекты чтоб были у всех! И не первый лист поменять, а новые! Поняли? Новые план-конспекты! Завтра не будет — выебу, как худых свиней!..

И так далее и тому подобное. Коротенечко так, минут на сорок.

Таксисту, видимо, надоело слушать эту специфическую постановку задачи, да и куда вести нашего бравого командира, он не понял. Постучав командира сзади по плечу, он решил уточнить:

— Командир, тебя куда везти?

На что сейчас же получил достойный командирский ответ:

— А тебя это ебет?!

Меня Александром зовут.

Срочную службу я тянул с 1986 по 1988 год, и был я все эти два года писарем-чертежником (штабной крысой) в бригаде связи. В солдатском котле уровень интеллекта по своей сути развиваться не может, в нем жизнь останавливается. У меня — особый случай, я варился среди офицеров, а это совсем другой бульон.

— Ну что, гребаный паук, все сделал? — с такого приветствия каждый день начинались мои армейские будни, потому что так их начинал мой начальник оперативного отдела.

— Так точно, товарищ майор, здоровья желаю! — говорил я и подавал ему планы, расчеты и еще кучу всякой ерунды, сделанные по его приказу.

— Молодца, Шурко, молодца! — приговаривал он, разглядывая проделанную мной за полночи работу.

Я всматриваюсь в его лицо внимательно. Только на нем можно увидеть, чего ждать в следующую секунду, только по нему можно узнать, как себя вести в следующий миг.

— Молодца! — И вдруг дернулась щека. Все. Конец.

— Гребаный ты паук, в слове хуй четыре ошибки. Ты мне скажи, кто из нас тут мудака, ты или я?

— Товарищ майор, здесь таких нет! — чеканю я.

— Нет, ты, бля, отвечай конкретно, ты или я?

— Товарищ майор, учитывая нашу образованность, я думаю...

— Ты, бля, ни хуя вопрос не понял, я спрашиваю, бля, последние три раза, кто из нас...

Я думаю, что читатель, примерив на себя мою шкуру, поймет, как решилась дилемма.

— Ты куда эту цифру вхуячил?

— Так вы сами вчера мне сказали, чтоб я именно здесь ее поставил.

— Твою мать, точно, вспомнил, да ты садись, Шурко.

А я все на лицо смотрю, что еще там? Но вроде обошлось. И мало того, сел товарищ майор в кресло и как-то даже подрасцвел.

— Я, Шурко, ремонт дома делаю. Собираюсь шкаф в коридоре запиндюрить. Вот ты мне скажи, если я в нем полку так-то, так-то сделаю, нормалек будет?

— Думаю, зерно здравого смысла в этой идее есть! — отвечаю я.

— А вот дверь шкафа у меня сталкивается с входной. Если я так-то, так-то сделаю? Как ты думаешь?

— Ну, я думаю, что здесь иначе и не поступить.

После того как мы совместными усилиями почти установили мебель, неожиданно раздается очередной вопрос.

— Или ты как Герасим? С любой хуйней согласен? «Му-Му» читал? Хуй ли ты сидишь, му-дило, когда я с тобой разговариваю?

И приблизительно так варился я два года.

А провожая меня на дембель, майор сказал, что он мне всю жизнь снится будет.

Не обманул.

Просыпаюсь иногда, а он передо мной:
— Ну что, гребаный паук, все сделал?

Есть такое утверждение, что военные в цирке не смеются.

Оспаривать это никто и не собирается, но...

Служил в нашей доблестной части капитан Вова, ничем особо не примечательный, служил, как положено, при первой возможности слегка забивал на службу, чтоб жить было не в тягость.

Семья у него была, и по выходным, когда он не был озадачен тяготами и лишениями военной службы, приходилось исполнять долг главы семьи — в музей ребенка водить, в кино и, конечно, в цирк...

В цирке Вова откровенно скучал, ему неинтересно было происходящее там, он и не такое видел в своей части. Но один эпизод все же его рассмешил. Клоун жонглировал глиняными горшками, и так получилось, что один горшок он поймать не успел — упал горшок прямо ему на голову. Весь цирк замер и наступила полная тишина, и тут Вова стало смешно...

Меня зовут Руслан.

Эсты — это отдельная тема... Помнится мне, в телефонном справочнике обнаружили фамилию ХУУЙК, вот мои ребята со вспомогательного флота и оторвались, весьма изрядно подпив, звоня несчастному «курату», а когда водяра кончилась, взяли спустили на стенку мотоцикл (дело было в

Таллине во второй половине 80-х). Так как шел противный дождь, они надели дождевики и каски, но весь прикол был в том, что их судно — килектор (КИЛ) было построено в Германии, поэтому дождевики были скроены один в один как у фельджандармов, и такого же цвета, а каски были по форме обычными — полевыми касками вермахта (они у пожарных такие же оставили). Вот в таком виде и отправились за водочкой. Получилось мило. Невзирая на ограничения в продаже, а дело было, как понимаете, в горбачевские времена, продали им все «по полной программе». Колорита добавляло то, что старпом, который сидел на заднем сиденье мотоцикла, периодически орал: «Ордунг! Форвертс!» — и прочее, имея рост под 190 см, разворот плеч, выпуклые голубые глаза и рыжие усы, лихо закрученные вверх. К счастью, все закончилось благополучно.

Это Леня.

Хочу рассказать о приезде министра обороны. Приезд министра обороны в полк — это грандиозные приготовления, наведение порядка, почти идеального, в течение длительного периода времени, иногда казарменное положение, а заканчивается это все обычно не так, как планировалось начальством. В общем, как говорится: «Понос, судороги и смерть». Вот в такое счастье повезло вляпаться и нашему полку. За два месяца до приезда министра кэп построил офицеров полка и произнес:

— Ну вот что, шайка пятнистых пидарасов (мы тогда только перешли на камуфлированную форму), через два месяца в дивизию приезжает министр обороны и с ним иностранные наблюдатели, будут смотреть наш полк, а конкретнее парк полка, так что будем хуярить, ебенить и пиздюрить. Заранее мойте жопы, потому что, как бы вы ими ни крутили, все равно поймаю и засажу по самые гыгашары.

Ну и с этого момента понеслось, до обеда все в парке — чистят, дряют, красят машины, боксы, заборы, загородки. Вешают всевозможные бирки, бирочки, плакаты, лозунги. С бирками — это отдельная песня. Не зря же гласит народная мудрость: «Солдат без бирки, что пизда без дырки». Бирки должны быть все однообразные.

— Что у вас за бирки, идите посмотрите, как сделано в третьей роте! Всем сделать так же!!!

Приходишь в 3-ю роту, говоришь ротному:

— А ну, покажь, где твои бирки? — и он показывает бирки на ЗИПах. — А где бирки на машины? — спрашиваешь ты, а он в ответ:

— А еще и на машины надо? — и уже далее следует изысканная ругань, из которой становится ясно, что ротный силен как мужчина, и имел он оральный секс с этими бирками, зампотехом полка, с министром обороны и со всеми Советскими Вооруженными Силами.

После обеда весь полк строится на плацу, и замполит полка (кличка «По пояс деревянный»), только я до сих пор не знаю — по пояс сверху или по пояс снизу) в течение часа зачитывает возмож-

ные варианты вопросов, которые могут задать иностранные наблюдатели, и те варианты ответов на эти вопросы, которые устроят всех, а любимый личный состав молча внемлет и усваивает. Повторяю, все это происходит каждый день в течение двух месяцев. Все текущие заботы жизни и деятельности, как-то: политзанятия, спортмассовая работа, чистка оружия, подведение итогов за неделю — проводятся в оставшееся время. Занятия по боевой подготовке проводятся на «запиши», как учили старые офицеры: «Провел занятие — запиши, не провел — два раза запиши». Вот и учились тогда воевать на «два раза запиши». Уходили в полк засветло, возвращались затемно.

Ну и наконец «то, о чем так долго говорили большевики» свершилось. Приезд министра в дивизию был назначен на 9.00, в полку он должен был появиться что-то около 12.00. Любимый личный состав заинструктирован до слез и спрятан. Дневальные по подразделениям были осмотрены уже раз по двести, и им было высказано много чего; если обобщить все эти пожелания и переложить их на язык рафинированных интеллигентов, то выглядело бы это так: «Сударь, если вы неправильно себя поведете при встрече высокопоставленной особы, то, простите за бестактность, с вами будут произведены действия, в сравнении с которыми деяния, описанные маркизом де Садом, покажутся легким щекотанием, уж будьте так любезны, оправдайте оказанное вам доверие».

В 12.30 министр пересек КПП и вместе со

свитой устремился в ближайшую к КПП казарму — казарму артиллерийского дивизиона. Пройдя на первый этаж и войдя в расположение 1-й батареи, министр услышал истошный крик дневального: «Сми-р-на!!!» — и сначала отпрянул назад, но уже через секунду взял себя в руки и подошел к дневальному, а тот от сильного душевного подъема и осознания важности момента, не отрывая руки от берета, закатив глаза, бухнулся перед министром в обморок. Что интересно, то же самое произошло при подъеме министра и на второй этаж. При втором падении начальник штаба дивизиона шепнул на ухо командиру дивизиона одно только емкое и сочное слово «Пиздец!». То есть первая часть визита министра в полк была обосрана.

Немного позже, оправившись от полученной психологической травмы, министр двинулся в парк. Приближался он со свитой к парку со стороны правых въездных ворот, со стороны же левых въездных ворот из-за здания контрольно-технического пункта выскочил прапорщик Зинчук. Надо сказать, что Зинчук, будучи техником РДО, последние две недели безвылазно торчал в парке, безнадежно пытаясь привести в порядок то, что в порядок привести невозможно — то есть машины, и за это время он стал похож на медведя, проснувшегося до срока — худой, засаленный, небритый, с всклокоченными волосами. Кроме того, пять минут назад Зинчук в дым разругался с начальником автослужбы полка, так как тот не дал Зинчику желтой краски на многострадальные бир-

ки. Выскочив и не заметив министра, Зинчук хлопнул кепкой оземь и заорал дурным голосом:

— А-а-а... Суки! Все суки! И Канцедайло (начальник автослужбы) сука! И полк весь сучий! А министра обороны я в рот и в жопу ебал!!! А-а-а... и пошло оно все на хуй!!! — и после этого поднимает кепку и, опять же не видя министра, оставляя облако пыли, несется в противоположную от министра сторону, не переставая клясть по матушке всех знакомых ему сук.

Министр только сказал кэпу:

— Что-то личный состав у вас разболтан. Строже с ними надо, строже... — но в парк министр не пошел, а, развернувшись, пошел к выходу из полка через второе КПП. Этим и закончилась вторая часть визита министра обороны.

А иностранные наблюдатели в этот приезд никак себя не проявили, так что замполитовский труд пропал даром.

Саня, ты должен это прочесть. Это реально зарегистрированный разговор между испанцами и американцами на частоте «Экстремальные ситуации в море» навигационного канала 106 в проливе Финистерре Галиция.

Испанцы (помехи на заднем фоне):

— ...Говорит А-853, пожалуйста, поверните на 15 градусов на юг, во избежание столкновения с нами. Вы движетесь прямо на нас, расстояние 25 морских миль.

Американцы (помехи на заднем фоне):

— Это мы советуем вам повернуть на 15 градусов на север, чтобы избежать столкновения с нами.

Испанцы:

— Ответ отрицательный. Повторяем, поверните на 15 градусов на юг во избежание столкновения.

Американцы (другой голос):

— С вами говорит капитан корабля Соединенных Штатов Америки. Поверните на 15 градусов на север во избежание столкновения!

Испанцы:

— Мы не считаем ваше предложение ни возможным, ни адекватным, советуем вам повернуть на 15 градусов на юг, чтобы не врезаться в нас.

Американцы (на повышенных тонах):

— С ВАМИ ГОВОРIT КАПИТАН РИЧАРД ДЖЕЙМС ХОВАРД, КОМАНДУЮЩИЙ АВИАНОСЦА «USS LINCOLN» ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, ВТОРОГО ПО ВЕЛИЧИНЕ ВОЕННОГО КОРАБЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ФЛОТА. НАС СОПРОВОЖДАЮТ ДВА КРЕЙСЕРА, ШЕСТЬ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ, ЧЕТЫРЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КОРАБЛИ ПОДДЕРЖКИ. Я ВАМ НЕ «СОВЕТУЮ», Я «ПРИКАЗЫВАЮ» ИЗМЕНИТЬ ВАШ КУРС НА 15 ГРАДУСОВ НА СЕВЕР.

В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МЫ БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ ПРИНЯТЬ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАШЕГО КОРАБЛЯ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕМЕДЛЕННО УБЕРИТЕСЬ С НАШЕГО КУРСА!!!

Испанцы (совершенно спокойно):

— С вами говорит Хуан Мануэль Салас Алкантара. Нас два человека. Нас сопровождают наш пес, ужин, 2 бутылки пива и канарейка, которая сейчас спит. Нас поддерживают радиостанция «Cadena Dial de La Coruna» и канал 106 «Экстремальные ситуации в море». Мы не собираемся никуда сворачивать, учитывая, что мы находимся на суше и являемся пока что только маяком А-853 пролива Финистерре Галицийского побережья Испании. И еще: мы не имеем ни малейшего понятия, какое место по величине мы занимаем среди испанских маяков. Можете принять все свои ебаные меры, какие вы считаете необходимыми, и сделать все что угодно для обеспечения безопасности вашего ебаного корабля, который скоро разобьется вдребезги о скалы. Поэтому еще раз настоятельно рекомендуем вам сделать наиболее осмысленную вещь: изменить ваш курс на 15 градусов на юг!

Американцы:

— ОК, принято, спасибо.

Этот рапорт мне присылали раз сто:
«Командиру полка полковнику Кушмину
от командира 1-й АЭ подполковника Егорьева

РАПОРТ

О результатах служебного расследования
20-го августа 1987 года экипаж майора Алимова И. К. на самолете АН-12 № 83 выполнял полет по маршруту Львов — Луцк — Дубна —

Львов, при этом производилась перебазировка истребительной эскадрильи с аэродрома Луцк.

Выполнив задание, по метеоусловиям Львова экипаж остался на аэродроме Дубна. После ужина в летной столовой экипажем в гостинице была выпита полученная от командира Луцкой эскадрильи пол-литровая (по утверждению экипажа) бутылка технического спирта.

Ночью помощник командира корабля лейтенант Матвеев С. А. вышел в туалет по малой нужде. Однако уставший после напряженного трудового дня Матвеев С. А. в темноте перепутал дверь в туалет с дверью во встроенный одежный шкаф, зашел в последний и помочился в летные сапоги майора Алимова И. К.

Майор Алимов И. К. заметил происшедшее только утром, надев сапоги на ноги.

В результате сложившейся психологической несовместимости прошу изменить состав штатного экипажа самолета АН -12 № 83.

Командир 1-й АЭ
подполковник Егорьев».

На рапорте наискосок в левом верхнем углу листа стояла следующая резолюция:

«Василий Иванович!
Не надо ебать мне мозги!

Буду я еще из-за всякой хуйни изменять установочный приказ по части!

Объяви Матвееву выговор за несоблюдение субординации, а Алимов пусть насыт в сапоги Матвеева и успокоится!

Подполковник Кушмин».

2

НАЧИНАЯ НАШЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Родина, а Родина?

Это опять я, твой неразумный сын.

Это я не даю тебе спать по ночам и стучусь к твоему сердцу.

Все хочется увидеть тебя хоть одним глазочком, и чтоб обязательно ты бы меня тоже узрела, чтоб, значит, познакомились мы и полюбили друг друга.

Собственно, я-то давно тебя люблю, вот только в ответ от тебя не получаю я ничего, оттого и печально мне.

Так что душа не приемлет того одиночества, когда ты один, как перст стоячий, на тысячу и тысячу верст, когда даже вой твой, будь ты хоть волком стократ, не достигнет ничейного слуха.

И не думай, что я все это вру. Нет, не вру я.

Я частенько, знаешь ли, вот так и выл. Садился и, вознеся лицо свое к звездам, раздражался тем долгим стоном, в коем нет уже ничего человеческого.

И какая же радость пронзала все мое существо, все нутро мое изголодавшееся, когда где-то там, у горизонта, напряженный слух мой ло-

вил горловое пение такого же, как и я, одичалого бедолаги.

«Эй, бродяга! — хотелось мне выкрикнуть тогда. — Где ты, кто ты и как ты выжил-то там, в том холодном, сыром далеко? Не придешь ли на встречу? Окажись лучше рядом, окажись близко, прибеги, доберись через леса и болота, сквозь прогалины, гиблые топи.

Дойди до меня, а я брошусь навстречу тебе. Вот сейчас же и брошусь, кинусь со всех своих куцеватеньких ног.

А когда встретимся мы, то обнимемся так сильно, как только способны, потому что давно уже не видели человека. Того самого человека, что не только ходит на своих двух конечностях, но и ежится от чуждой боли».

А хорошо б его встретить!

Вот встретишь такого, и боль твоя поутихнет немного.

Вместе-то легче вам будет Родину искать.
Вместе всегда легче.

РАССКАЗЫ СЛАВИКА

Первый

Капитан третьего ранга Потапов по кличке «Потапыч», командир малого ракетного корабля «Шквал» всем своим видом напоминал медведя.

Особенно когда надо было принимать быстрые, неожиданные решения.

Однажды на погрузке зенитных ракет он поймал падающую с загрузочного устройства ракету весом сто десять килограмм. Все разбежались в разные стороны, а он, весь багрово-красный от напряжения и по той же причине ничего не могущий сказать, стоял и держал ее на весу. Потом, конечно, отняли у него ракету, но еще долгое время руки его сохраняли способность вдруг, ни с того ни с сего одновременно сгибаться в локтях, а сам он при этом замирал, боясь пошевелиться.

Потапыч частенько попадал в истории.

Как-то к самому нашему светлому празднику — Дню Военно-Морского флота все корабли пришли в Балтийск, стали у дальнего причала Балтийской гавани, где с благоговением подняли Государственный флаг и флаги расцвечивания. Затем командиры и замы отправились в ДОФ на торжественное собрание. Форма одежды, конечно же, парадная, с орденами, медалями и прочей ерундой.

Все пошли пешком.

Все, кроме Потапыча. Тот решил воспользоваться своим штатным катером «Чирок».

Пока спускали катер на воду, пока он шел по акватории, офицеры уже подошли к причальчику рядом с КПП и стали ожидать там, покуривая, Потапыча. Все, происходившее далее, им было как подарок ко Дню ВМФ.

«Чирок», заглушив двигатель, ткнулся в причал носом. Потапыч неторопливо двинулся по борту вверенного ему плавсредства, намерева-

ясь спрыгнуть с носа на пирс, а катерок от движения в нем столь массивного тела, естественно, пошел назад. Дистанция между носом катера и причалом стала неуклонно увеличиваться, а вода, надо сказать, вокруг была покрыта толстым слоем всякого портового дерьма.

Вам интересно, что сделал Потапыч? Он, стоя на носу катера,двигающегося от причала, наклонился и, подавшись вперед, только верхней своей частью метнулся и ухватился руками за край причала, а нижняя его часть, то есть ноги, так и остались на катере, после чего он принялся подтягивать и подтягивать — ым! ым! — своим телом катерок к причалу, пытаясь при этом более убедительно уцепиться носками ботинок за что-то там, не видно за что, на палубе «Чирка».

«Что-то» нашарить не удавалось, носки ботинок начали судорожно елозить по палубе, а потом за что-то все же зацепились, после чего Потапыча стало растягивать, раскорячивать до состояния струны.

Рулевой, офицеры на причале и боец в спасательном жилете у кнехта, который готов был принять швартовый конец подошедшего катера, остолбенели и стояли, раскрыв рты.

Всем показалось, что растягивало Потапыча бесконечно нудно. Наконец все вздохнули, потому что Потапыч, так и не лопнув пополам, оторвался от катера и шлепнулся со всего маха о причал, где и остался висеть.

Руками он крепко держался, но подняться сил уже не было.

Первым пришел в себя боец в оранжевом жилете. Он подбежал, нагнулся и, увидев красное от натуги лицо офицера, первым делом осторожно снял с него фуражку, после чего разогнулся и встал перед Потапычем по стойке «смирно». Потапыч повисел-повисел на руках, побрякивая медальками, поскрипывая зубами, да и рухнул потом в темные воды гавани, в самые что ни на есть отходы цивилизации.

После этого тот боец с фуражкой Потапыча понял, что надо еще что-то дополнительно сделать, и тут он принял единственно правильное, с его точки зрения, решение: он приложил лапу к уху, да так и стоял навтыяжку, словно прощался с тонущим крейсером, пока Потапыч погружался в портовое говно. Потом Потапыч, разгребая всякую дрянь, норовящую попасть ему в рот, подплыл, уцепился, забрался на свой катер и опять подошел на нем к причалу.

Там он забрал у матроса фуражку и отправился назад на свой корабль.

Второй

Силы у Потапыча, как уже мы говорили, были очень большие.

Однажды он сдавал корабль дружественным нам темнокожим братьям, у которых, по всей видимости, была подробная информация о нашем, именно нашем, а не о том, который мы им втюхивали, малом ракетном корабле.

Потапыча особый отдел очень серьезно проинструктировал и строго-настрого запретил называть оружие, приборы и даже помещения своими именами. И вот встречается Потапыч с небольшим и синеньким командиром принимающего экипажа. Потапыч «Осу» называет каким-то номером, тот называет «Осой» — и так по всему кораблю. Потапыч краснеет, бледнеет, идет пятнами, но упрямо продолжает недавно зазубренными названиями представлять корабль. И так его достал этот маленький синенький командир принимающего экипажа, он же вождь племени, своими вопросами типа: «А че это за хреновина? А почему на вашем проекте она с загогулиной, а у нас в три раза больше размером и покрашена серой краской?» — что дальше просто некуда. Потыпыч про себя только вполголоса матерился.

Дошли до люка ЦПУ. Потапыч предъявляет:

— ПЭЖ.

Вождь ему:

— Это ЦПУ.

— ПЭЖ! — настаивает Потапыч, хотя и сам знает, что это ЦПУ, но, согласно легенде, это — ПЭЖ.

— ЦПУ! — упирается вождь.

— ПЭЖ!

— ЦПУ! — не унимается вождь, наклоняется и тычет пальцем в табличку на люке, на которой русскими буквами выбито: «ЦПУ».

— Сука! — шепчет себе под нос багровый Потапыч, — Гансы, сука, Христианы Андерсены! Гондоны! Стратеги ебаные! Тамерланы! Сказку

сочинили, а кто таблички вам будет менять? Оловянные солдатики? Бляди!

Настроение Потапыча, ясен день, хуже некуда. А тут еще подскочил член. Не тот член, о котором вы сейчас же подумали, а член принимающего экипажа. Маленький и худой, как собака бедуина, как, впрочем, и все прочие члены этой дружественной команды. Глазки выпучил и, яростно жестикулируя, докладывает что-то вождю.

Тот, выслушав, оборачивается к Потапычу и с каким-то большим внутренним превосходством переводит:

— Акт приемки подписать не можем. Двери на корабле не работают.

— Не по-о-нял? — тянет удивленно Потапыч.

— Двери не работают, — вождь подходит к двери внешнего контура и дергает за ручку.

А на этих герметичных дверях у нас две ручки: одна — защелка, а вторая — задрайка. Небольшая такая.

И этой одной небольшой ручкой-задрайкой так можно дверь запереть, то есть задраить — никогда не откроете, потому что все зависит от той самой дури, с которой вы эту дверь задраивали.

Потапыч почувствовал, что сейчас он заплатит за все, в том числе и за ЦПУ, и легко открыл им дверь, с которой они не могли справиться. Все вместе вышли в коридор. Там Потапыч невинным голосом спрашивает:

— Которая тут дверь еще не работает?

Ему говорят:

— Вот эта.

Потапыч открывает дверь, потом ее снова закрывает и что есть дури — а ее у нас до черта — опять задраивает.

Вождь приказывает своему матросу открыть дверь. Потапыч решил получить удовольствие.

Он начал пространно что-то обсуждать с вождем и на все предложения пойти в каюту вежливо отказывался, а сам исподтишка наслаждался картиной.

Весь экипаж темнокожих братьев был брошен на героическую борьбу с дверью.

Больше двух человек за ручку не ухватиться, так что они вовсю там сопели, а затем послышалась возня с другой стороны, и в конце концов раздался звук надеваемой на ручку трубы и удары по ней кувалдой. Потапыч упорно беседовал о чем-то и ждал. Минут через десять дверь открылась, и тогда Потапыч спросил, обращаясь к вождю:

— Ну, что у нас еще работает?

Через пять минут акт приемки был подписан.

Третий

Мне так хотелось посмотреть Суэцкий канал. Очень хотелось. Но, увы: меня уpekли в наряд, и я сидел дневальным в кубрике с закрытым иллюминатором.

Дело в том, что так было положено на всех наших кораблях в недавние времена: раз проходим Суэцкий канал, то все строятся на верхней палубе по сигналу «Большой сбор», а в кубриках

задраиваются иллюминаторы и выставляется вахта, чтоб, значит, никто не вылез, а тем более, не сбежал в империалистическое завтра.

Но Серега Черных все-таки высунулся из иллюминатора в соседнем кубрике посмотреть на мир, а броняшка иллюминатора (это такая тяжелая дрянь, что его от летящих в сторону корабля пуль прикрывает), сорвавшись, разбила Сереге голову сверху, челюсть снизу и раскрошила зубы друг о друга.

Он вошел в мой кубрик весь в крови, сказал пару слов и упал без сознания. Вокруг ни души. Весь экипаж и наши курсанты стояли в строю, как уже говорилось, по «Большому сбору» на спардеке, на верхней палубе.

А Сергей в болевом шоке.

Я думал одну секунду.

Вернее, я совсем не думал, кинулся к нему, схватил его безжизненное тело в охапку, пододвинул к трапу, а потом изо всех сил начал тянуть и тянуть его по ступеням наверх, подниматься то есть по трапу, а затем проволоч его через двери по штормовому коридору — а он же тяжелый, раз-а, не меньше семидесяти килограмм.

Почти задохнувшись, я вынес эту тушу на спардек.

Экипаж и курсанты стояли в строю и смотрели на меня, а я волок Серегу через весь спардек, всего в крови, вдоль этого бесконечного строя, и ничего не мог сказать, потому что тащить надо было в лазарет, быстро, а у меня сил не было вести разговоры, и сердце мое было

готово вот-вот лопнуть; а люди в строю стояли, молчали и смотрели, как в полуметре от них волочат окровавленное тело, я же, задыхаясь, так ничего и не вымолвил, я почти умер, когда притаранил Сергея в этот проклятуший лазарет.

Вот так я все-таки и увидел Суэц.

Да, о Серее: все тогда обошлось, и мы потом служили вместе на больших десантных кораблях. Как-то ему понадобилось оклеить обоями квартиру. Причина проста: назавтра приезжала жена, а Мирон, его одноклассник по училищу, обещал, но в последний момент отказался помочь. Я же случайно встретился с ним по дороге на сход и, несмотря на то что в училище учился не в его, а в соседнем классе, и под пару бутылок коньяка к двум часам ночи помог я Сергею покончить с ремонтом.

Так вот, сколько раз мы потом вместе встречались в дружеских компаниях, когда принято говорить что-то хорошее друг о дружке или просто пить молча, Серега всегда при всех говорил мне спасибо за те обои и ни разу не вспомнил о том, как я его тогда, на Суэце, всего в крови, тащил в лазарет.

А может, и не помнит он, кто его тогда тащил? Бывает же такое.

Четвертый

В торжественной обстановке трудно говорить. Особенно если это обстановка вечерней поверки во время поступления в училище, когда

только идут вступительные экзамены и будущие курсанты еще плохо знают друг друга, да и списки с фамилиями все время переделываются после очередного отчисления, а в строю стоит двести человек.

А я — в первый раз дежурный по роте — буквы прыгают, руки потеют. Я читаю фамилии, и в ответ названный выкрикивает: «Я!» — вот такая организация, будь она неладна.

Рядом со мной мичман, обеспечивающий порядок.

Дохожу до очередной фамилии и понимаю, что читать ее никак нельзя: в списке написано, безо всяких сомнений, «Хуети». Я показываю мичману фамилию и шепотом спрашиваю, что делать, а он мне так же шепотом: «Читай!» — а строй не понимает, отчего у нас заминка, и прислушивается, ну а я, получив разрешение, читаю:

— Ху... — еще один взгляд на мичмана и после его кивка: — ...ети!

Такого взрыва хохота я никак не ожидал, потому от испуга читаю еще раз — строй еле на ногах стоит. А долгожданное «Я!» никто не говорит.

Я смотрю на мичмана, а он мне:

— Читай громче!

Я вздыхаю и громким голосом:

— Хуети!

Дикое ржанье. Я опять на мичмана — он мне опять кивает, мол, погромче бы надо. Я

набираю воздуха полную грудь и...

— ХУЕТИ!

Что со строим делается — это вам не опи-

сать: некоторые приседают, опускаются на четвереньки, плачут, и вторая шеренга повисает от рыданий на спинах первой.

А меня заклинило — никто же не откликается — я как заору:

— ХУУУУ-ЕТТИ!!!

У всех истерика, включая и мичмана.

Минут через пять, когда все успокоились, робкий голос из второй шеренги:

— А может, «Хусти»?

Может, и Хусти!

Может!

Чего б ему не быть Хусти?

Конечно же Хусти, провались оно все пропадом.

Писарь торопился, переписывая список, и написал не ту букву.

Пятый

Некоторые люди понимают язык животных.

Некоторые животные тоже понимают язык людей, особенно если это язык жестов, гримас и поз.

Пока вы примеряете на себя все вышесказанное, мы вам расскажем об Амазонке.

Амазонка — это ручей, протекающий через Калининградское военно-морское училище. Он полтора метра шириной и глубиной сантиметров десять. После сдачи очередного экзамена поступающие в училище собираются на его живописном берегу, пышно заросшем травой, и гре-

ются на солнышке. В конце концов у кого-нибудь из отдыхающих, видимо, просто так обязательно зарождалась одна-единственная мысль: он решал перепрыгнуть через ручей. Разбежался, прыгал — что там прыгать-то полтора метра — и падал на корточки в самой середине Амазонки — а там грязь по пояс — и человек проваливался.

Потом народ помогал ему вылезти и только что прыгнувший покоритель Амазонки, а быть может, в будущем покоритель морей, шел в душ бассейна. К этому времени на зрелище подтягивались курсанты. Среди кандидатов молчаливый шок. Не перепрыгнуть эту канавку просто невозможно — так и я думал, грешный, но предпочитал смотреть, как прыгают другие, и они прыгали.

Понимаете, на флоте так принято: если кто-то только что прыгнул и при этом чуть не утонул в дерьме, то за ним обязательно прыгнет еще кто-нибудь.

Очередной герой созрел в среднем каждые двадцать минут.

Он разбежался, прыгал, и его опять вытаскивали из грязи. Я не видел ни одного перепрыгнувшего. Ларчик открывался очень просто: раньше берега ручья были болотом, потом их задержали — обложили кусками дерна с травой, но под травой болото-то осталось. Так что разбегающийся сперва не чувствовал под ногами трясины, но стоило ему с силой от поверхности оттолкнуться, как дерн не выдерживал нагрузки, и вся сила толчка уходила в почву, а человек, не взлетая вверх, по инерции падал вперед в ручей.

Но вернемся к тому, что животные все-таки понимают людей.

Мы на третьем курсе и я — командир отделения — со своим отделением делаю приборку на левом берегу Амазонки. Работа совершенно лишена эмоциональной составляющей: выбираем из травы окурки и фантики.

На правом берегу — свое отделение приборщиков и свой начальник — он выковыривает из травы окурки прутиком.

От нудящей скуки такого траления окурков и фантиков время, по всей видимости, собралось превратиться в вечность.

Чтобы хоть как-то спастись, начальник правобережных забрасывает окурки и теперь просто яростно рубит прутиком воздух — на! на!

И тут на глаза ему попадается козел.

Самец косули, живший на территории училища вместе со своей семьей — косулей-мамой и детьми-косулятами — недалеко мирно щипал травку.

Как-то принесли двух козлят к нам в училище совсем маленькими, и со временем эта парочка превратилась в семью.

Мы с косулями давно считали друг друга своими, и случаев межвидового недопонимания я вообще не помню.

Итак, командир отделения с прутиком, как со штыком наперевес, пошел на козла.

Заметив движение курсанта в свою сторону, козел заинтересовался, поднял рогатую голову и с любопытством уставился на него.

Какое-то время они приглядывались друг к другу.

Затем курсант поднял прутик и ткнул им козла в нос.

Козел был крайне удивлен этим маневром, но связываться не стал.

Он просто отошел в сторону.

Но он явно недооценил настойчивости будущего флотоводца. Курсант продолжил атаковать его с энтузиазмом кенийского носорога.

После третьего или четвертого приступа козел ретировался в кусты, наш же победитель с гордым видом обвел захваченную территорию взглядом. А затем он с удовлетворением повернулся и пошел к берегу ручейка.

То, что случилось после, заставляет задуматься об умении животных выстраивать логические цепочки.

По всей видимости, козел разогнался издалека, потому что в момент вылета из кустов скорость одного могла быть сравнима только со скоростью несущейся электрички.

Три-четыре метра от кустов до нижней части спины победителя исчезли мгновенно.

Удар был сокрушающим.

Курсант, екнув, подлетел и рухнул вниз, провалившись в ил ручья и руками и ногами одновременно и очень глубоко.

Берег Амазонки еще некоторое время украшал гордый козел, смотревший сверху вниз на поверженного носителя прутика.

Шестой

Офицером я служил на шести кораблях.

Три из них я потом увидел списанными, стоящими у причалов.

Не знаю, какими словами это можно описать.

Наверно, у меня, прежде всего, было чувство вины перед брошенным другом, а может, и не другом, черт его знает...

Корабли стояли у своего последнего причала с креном, у них были разбитые иллюминаторы, открытые двери...

Нельзя смотреть на оставленный тобою корабль, нельзя...

Вернее, ты не хочешь на него смотреть, но взгляд твой тянет именно в его сторону.

Я понимаю, что это железо, но ведь мы всегда относимся к нему, как к человеку.

Это как будто бы тот, с кем ты из года в год несешь вахту, и у него не совсем

ангельский характер. То есть он совсем у него не ангельский. Он ворчит, он жалуется, он что-то тебе постоянно бормочет, он надоедает, выводит из себя. Он — скряга, скупердяй, калоша, старая болячка, ему плохо, и он делает все, чтобы было плохо и нам.

Мы не любим его, порой даже ненавидим, но вот, поди ж ты, для нас он живой, плохой или хороший, но он свой, понимаете, единственный на весь океан, среди волн, ночей и вахт этих проклятых. Он не подведет, не бросит, ты на него надеешься.

А он надеется на тебя.

Вы друг друга стоите, хотя и он и ты — еще тот фрукт, черт, что я говорю!..

Мелю чего-то...

А вот стоит он теперь — брошен, без огней, ржавчина, снегом палуба занесена...

Я уже давно не служу. Каждый день дома. Семья. Обычные хлопоты.

Это хорошо, конечно, но, знаете, только в этом году у меня пропало ощущение, что здесь я всего лишь в отпуске, что все это вокруг, меня окружающее: дома, деревья, люди — что все это как картинка — ненормальное, ненатуральное, ненастоящее, а настоящее там, где стоят корабли.

Непривычно. Необычно на душе.

Похоже, что корабль меня все-таки отпустил...

Вот только в его сторону лучше не смотреть...

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Морская пехота на самом деле устроена очень просто. Основная ее составляющая — ярость.

Так что главное при обращении с морской пехотой — не будить ее ярость.

В училище прибыл новый командир роты, и был он из морской пехоты. Вся неторопливая обстановка этого учебного заведения заставляет поначалу вспомнить такие слова, как «благость» и «благодать», а потом вы встречаете первого заместителя начальника училища.

Мама в детстве, видимо, часто над ним измывалась, отчего он не вышел умом. Вся жизнь — строевая стойка. Как-то перед совещанием офицерского состава он судорожно обшарил все служебные помещения, выискивая недостатки. А потом он доложил высокому сборищу в прошлом боевых офицеров: «...А некоторые офицеры хранят в своих столах вонючие трусы (смех в зале). Да, да! Я сам нюхал!»

И вот они повстречались — новый командир роты из морпехов и зам, недавно отнюхавший трусы. У офицера (морского пехотинца) на голове белая фуражка с клеенчатым верхом.

Сам я не сторонник подобного украшения — голова под дерматином потеет, а потом и пахнет, но... у каждого свой взгляд на подобные вещи.

Кроме того, это нарушение устава.

Нарушение устава не могло пройти мимо нашего зама.

— Что это на вас сверху? — сурово спросил он морпеха.

— Фуражка! — ответил безмятежный морпех.

— Чтоб я этой хреновины больше не видел! — сказал зам.

На том и закончили. От разлитой вокруг благодати, рождающей благость в душе, морпех немедленно позабыл и самого зама, и его указание насчет «этой хреновины».

Судьбе угодно было свести их на следующий день.

Увидев морпеха все в той же фуражке, зам начальника училища сначала побагровел, а по-

том подскочил к нему скорым боевым скоком и заорал ужасным голосом:

— Дежурный по КПП, ко мне!

Затем у подбежавшего мичмана, дежурного по КПП, резким движением выхватывается штык-нож. Другой же рукой первый зам начальника училища срывает с головы морпеха фуражку и начинает ее ножом на лапшу строгать. Через пять минут он нахлобучивает ее, всю из клочков, на голову морпеха — у того столбняк, глаза навывлет.

Надо вам сказать, что столбняк у морской пехоты проходит очень быстро, а потом у морской пехоты наступает она — ярость. В одно мгновение морпех еще раз разоружил мичмана, дежурного по КПП, которому совсем было вернули штык-нож, машинально воткнутый в ножны. Потом он стряхнул с ножа ножны — лезвие на солнце так и заиграло.

Первый зам начальника училища ловился им за какую-то ерунду времени.

Потом морпех в один миг искромсал ему штаны.

В ЗАПАС

У Андропова Андрея Петровича, командира боевой части пять, к пенсии на носу выросли две бородавки. В смущении он их почесывал.

А все потому, что не хотели его в запас увольнять.

А все оттого, что служить некому.

— Андронов! — говорил ему комдив. — Кислый месяц выпиздень! А кто служить будет, пролетая над гвоздем кукушки?!!

Видите ли, звания Андрею Петровичу за ясный ум и сил терзанье через пятнадцать лет службы удалось достичь только лишь капитан-лейтенантского, а при таком звании в сорок лет, извините, пенсия, о чем он и доложил комдиву при личной встрече.

А тот на него наорал и сказал, что только что подписал представление на присвоение ему «капитана третьего ранга».

Но комдив не на того напал.

— А зачем мне ваше звание? Мне оно девять лет назад нужно было, но тогда я «эн-эс-эсами» был увешал, как папуас выловленными из воды гондонами! И давали мне их все наши предшественники!

— А я их с вас снимал!

— По одному в пять лет!

— Ну и что?

— Ничего! Не хочу служить!

— Будешь!

— Не хочу!

— Будешь!

Вот такая между ними очень содержательная беседа и происходила, после чего они разошлись в разные стороны, чтобы встретиться потом на плацу, на строевом смотре при опросе жалоб и заявлений.

Вот на этом плацу Андрей Петрович и чесал свои бородавки.

А перестал он их чесать только тогда, когда придумал, что ему делать.

Честно говоря, Андрей Петрович слыл за человека оригинального, ни в грош не ставящего свое собственное начальство.

Вот и теперь, увидев подходящего к нему комдива, он вздохнул и, как только тот открыл было рот, чтоб задать ему вопрос насчет имеемых жалоб, Андрей Петрович сам вышел из строя к нему навстречу и громко попросил:

— Товарищ комдив! Разрешите вас в жопу поцеловать? — после чего, не дожидаясь разрешения, он в один миг оказался за спиной у комдива и там задрал ему сзади шинель, после чего, наклонившись, принялся губами ловить его ягодицы.

Надо вам сказать, что начальство у нас думает только прямо, а в нестандартных ситуациях оно просто теряется.

Вот и комдив стал приплясывать на месте, стараясь огородить свою жопу от подобных посягательств.

При этом он выкрикивал:

— Перестаньте! Немедленно прекратите! Что вы себе позволяете?

А Андрей Петрович все старался исполнить задуманное.

К вечеру его уволили в запас.

БИОПОЛЕ

Иногда просто диву даешься, до чего на подводных лодках служить весело.

Это потому что веселые там люди, и веселые они не просто почему-то, а так — сами по себе.

Боцман Хрицко Григорий Иванович был человеком тупым, но любознательным. В технике он не понимал ни хрена, но зато всюду совал свой нос.

Мичман Крючек Анатолий Иванович служил на экипаже химиком и отличался тем, что при встрече с боцманом Грицко всегда находил повод приобщить его к миру машин.

Вот и теперь они встретились в отсеке в самой середине автономного плавания, и при этом мичман Крючек держал в руках мегомметр, а боцман Хрицко смотрел на этот прибор взглядом новорожденного.

Не то чтобы он его никогда не видел. Нет, он его видел, конечно, так же, как и все прочие приборы. Просто он никак не мог их всех на долгое время запомнить.

От мичмана Крючека не укрылось боцманское любопытство. На виду у боцмана он минут пять совершал с мегомметром всякие движения: то поднимал его вверх, то взмахивал им, то вместе с ним кружился — все это было необычно, непривычно, и глаза у боцмана от всего этого в конце-то концов загорелись нездоровым блеском.

И вот он вымолвил:

— А... чего это у тебя за штука такая?

— Это?

— Ну?

— Это... — тут Крючек сделал себе почти безразличное лицо. — Это... прибор для измерения биополя!

Глаза у боцмана округлились еще больше.

— А... как это? — спросил он, после чего он тут же получил от мичмана Крючека лекцию о человеческом биополе, о его видимом и невидимом спектре и о влиянии и того и другого на человеческое здоровье. При этом Крючек двигался энергично, а лицом пылал и всячески делал себе ответственную рожу.

— Особенно! — закончил он свой рассказ, подняв палец вверх. — Важно измерять это поле в условиях автономного плавания, потому что здесь все меняется, и не в лучшую сторону.

— А мне можно? — выдохнул боцман.

— Что можно?

— Мне можно замерить биополе?

Крючек посмотрел на боцмана с интересом, словно прикидывая, стоит ли доверить ему государственную тайну, а потом сказал:

— Никому ни слова! Прибор на борт перед самым отходом передали. Его еще испытывать и испытывать!

— Ты же знаешь, я — могила! — воскликнул вспотевший боцман, после чего Крючек быстро открыл прибор, вставил концы проводов в клеммы, дал в руки боцману щупы на других концах, сказал:

— Держи крепче!

После чего он крутанул ручку изо всех сил и нажал кнопку «Измерение»...

Сказать, что боцман охуел, — значит ничего не сказать. Он выдавил глаза на лицо так, что показался зрительный нерв — длилось это одну двадцатитысячную долю секунды, а потом он зарорал, как старый охотник Зеб Стамп, увидевший всадника без головы.

Потом они еще долго бегали по отсекам, причем боцман хотел Крючека убить.

НА ЩУК-ОЗЕРЕ

Я же вам говорил — с морской пехотой лучше не связываться.

И прежде всего потому, что эта машина приучена думать строем.

А такую она приучена ходить строем, сидеть строем, спать строем и есть строем.

И дерутся они тоже строем.

Однажды отдыхали мы на Щук-озере — есть место такое, сплошь лохматое, на Северном флоте, там замечательные экипажи подводных лодок после боевых походов отдыхают.

Должен вам сказать, что если морская пехота в своем росте достигает примерно один метр девяносто сантиметров на каждого пехотинца, то средний рост моряка-подводника — где-то метр с чем-то. И вес не очень утешительный.

А все для того, чтоб мы могли легко и непос-

редственно в разные дырки пролезать. Задумано так.

Вот с такими орлами я и отдыхал на Щук-озере.

Да! Нельзя не отметить: подводнички наши, несмотря на рост и вес, весьма отважны.

То есть они сразу же бросаются в драку с превосходящими силами противника.

— МОРПЕХИ НАШИХ БЬЮТ! — раздалось под окнами того самого пионерлагеря, где мы и разместились.

И было это на следующий же день после нашего прибытия.

Я выбежал посмотреть на побоище.

Пока я сбегал вниз, некто матрос Смушкин Вячеслав Алексеевич, ростом с ложку, весом с вежник, на моих глазах сорвал с пожарного щита лопату и, улюлюкая, выбежал с ней на улицу тоже бить морпехов.

Самой дракой я не успел насладиться — все закончилось довольно быстро, строй морпехов смел ряды нападавших, как разогнавшийся паровоз опавшую листву.

А матроса Смушкина Вячеслава Алексеевича внесли назад на носилках уже потерявшим разум. Лопата была у него из рук вырвана и разбита о его же спину.

Деревянная ручка ее при этом лопнула в пятнадцати местах.

КАНДИДАТ ВОЕННЫХ НАУК

Каждый офицер хотя бы раз в жизни чувствовал себя полным идиотом.

Павел Петрович Кашин, капитан второго ранга и кандидат военных наук, смотрел на окружающий мир через толстые линзы своих очков. Так он караулил грядущее.

А дежурным по факультету его назначили совершенно внезапно, поэтому он после заступления и был несколько рассеян.

Из этого состояния его вывел курсант, встретившийся ему на лестнице в час ночи.

Несмотря на декабрь на дворе, он, тот курсант, был раздет, то есть он был безо всякой шинели — ясно, что это самовольщик, а самовольщик — для неподготовленных — это лицо, самовольно оставившее часть.

На всякий случай Павел Петрович ему сказал: — Стойте! — а потом: — Откуда вы идете?

После этого курсант, который был на голову выше Павла Петровича, наклонился к нему и дыхнул ему в очки — стекла немедленно запотели, и Павел Петрович на время потерял свое острое зрение.

Пока он протирал очки, курсант успел пробежать мимо него в ротное помещение, потом в кубрик, где он моментально разделся и юркнул в кровать.

Рассвирепевший Павел Петрович ворвался в темный кубрик, где он остановился, привыкая к темноте и запахам, а потом медленно двинулся вдоль коек.

Он решил найти беглеца, для чего стал трогать спящих за ноги в надежде наткнуться на те ноги, которые еще не успели согреться.

Знаете, говорят, что к лошади нельзя подходить сзади, а еще говорят, что спящего курсанта не стоит хватать за ноги.

Павел Петрович немедленно получил пяткой в лоб.

Он еще месяц чувствовал себя полным идиотом.

НА ДЕЖУРСТВО

Неприятности надо переносить стойко. Этому учит нас жизнь.

Назначение на дежурство — это всегда неприятность, особенно если тебя назначили дежурить за кого-то, о чем тебе сообщили, как и положено, не позже, чем за три часа до заступления, но исключительно от вредности все же это сделали ровно за минуту до срока, отпущенного по уставу, — то есть за одну минуту и три часа.

И самое смешное: ты же с самого утра чуял какую-то тяжесть и неудобство, что-то тебе немогло, что ли.

Причем сообщили сначала тебе, а потом еще триста раз позвонили все твои знакомые и тоже предупредили, потому что, когда тебя искали в первый раз — часов за шесть до того, тебя на месте не оказалась. «А вот где вы были? Где? Пришлось всем вас искать!» — вот

они и позвонили, эти твои знакомые, чтобы ты не опоздал.

И главное при этом сохранять невозмутимость, спокойствие, потому что обязательно имеется еще и тот самый последний идиот, которого первым послали тебя искать, и он-то как раз всех и переполошил, поднял на ноги, а нашел он тебя последним и в самый неподходящий момент — когда ты уже идешь на это проклятое дежурство.

И при этом всем ведь интересно, как ты реагируешь на это последнее на сегодня предупреждение о твоём внезапном заступлении, а ты никак не реагируешь — нате, подавитесь.

Подполковник Десятериков именно так и получил приказание заступить на дежурство.

Ни один мускул не дрогнул на его благородном лице, потому что подполковник Десятериков — это порода.

Про таких офицеров именно так и говорят — это порода.

И вот он идет по городку в сторону КПП, а за ним бегом бежит комендант училища — большой, неопрятный, толстый. На нем при беге все дрожит и ерзает. Он бежит и кричит:

— То-ва-рищ подполковник! Товарищ подполков-ни-иии-к!

Он догоняет, семенит рядом и с одышкой говорит:

— Товарищ подполковник! Вы в курсе?.. Вы сегодня заступаете дежурным... по училищу!

Комендант и есть тот самый последний на сегодня идиот.

Десятериков останавливается, медленно поворачивает голову к коменданту и тихо произносит:

— Я... иду... получать... пистолет... — и все.

Рядом с такими офицерами, как Десятериков, всегда чувствуешь себя хорошо.

ЛЕХА

— Славься, Отечество наше свободное!..
Это Леха поет во все горло.

Он у нас кретин. Он в обеденный перерыв сидит на дучке в гальюне и распевает гимн. На плавказарме адмиральский час — все по каютам хрючат, а гальюн размещается в дальнем конце коридора — так что его все равно никто, кроме меня, не слышит.

Когда ему надоедает петь, он начинает изображать командира эскадры контр-адмирала Путьейко Платона Аркадьича, для чего вещает из-за закрытой двери кабины громовым голосом:

— Люди глупы и туземны! Одиозность! Мать вашу! Сколько я буду вас строить и проверять наличие? Я вам не бюро срочных услуг по профилактике раннего изнасилования! Я, как собака, ношусь по территории, на которой матросы бездумно вздыхают и радуются жизни! А мичмана Рака, как и предписывается его фамилией, надо ставить раком, а не ласкать его добрым, усталым взглядом! Учтите! Я не вчера с пальмы слез! Вот почему у помощника командира корабля такое тихое выражение лица? Весь волос ста-

новится дыбом по сравнению с прошлым годом!
И хватит меня в говно тыкать так, будто мне это интересно!

Я с обидой думаю о том, что меня опять будут пялить и пялить! Куцать и куцать! Лапедролить и лапедролить! Лацать и лацать! Мацать и мацать! А потом опять пялить и пялить! Я вам не певец Кола-Бельды! Я направлюсь туда, куда вы меня подталкиваете, но это будет поездка по вашим телам на танке с очень мелкими и ядовитыми гусеницами!

В ваши годы я страдал только венерическими недомоганиями! Что ж мне теперь? Уписаться от буйной радости! Я имел честь довести до вас все это дерьмо, и это не значит, что я так незатейливо пошутил! Не крейсер, а древнегреческая скампавея! Берутся два родимых подчиненных со следами беспробудного пьянства и вечного мужественного отдыха на лице, и им принудительно делается аборт, весело подпрыгнув! Матрос туп и шаловлив! Хочется теперь остановиться на всех шалавах вашего экипажа! Жизнь этих подлецов и негодяев должна сделаться невыносимой! Когда я на палубе грозного авианосца вижу офицера с полузастегнутой ширинкой, я ему говорю: «Спрячьте своего аиста!»

И не так я вас любил, как вы об том стонали! Вспотеешь, неоднократно выцарапывая дельную мысль из вашей словесной хляби!..

Леха не скоро закончит.

А в приличном городе с ним вообще невозможно рядом находится. Он прямо на улице на-

ходит стройную девушку, немедленно бухается перед ней на колени и, воздев руки к небу, вопит: — Господи!!! Какая ты красивая!

ПОЛКОВНИК ЕЛКИН

Видите ли, офицер должен страдать.

И страдать он должен от многого: от происков врагов, например, или от собственного начальства.

А еще он должен страдать от жары, когда вокруг весна, а ты во всем шерстяном и черном.

Самостоятельно переходить с тужурки на кремовую рубашку с длинным рукавом, а потом и на такую же рубашку, но с коротким рукавом офицеру нельзя.

Нужно, чтоб был приказ: в гарнизоне такая-то рубашка.

А появляется такой приказ только с повышением температуры окружающего воздуха — не помню, на сколько градусов.

Полковник ВМФ Елкин — доктор, профессор и начальник кафедры корабельного питания — в прекрасном расположении духа и в кремовой рубашке прибыл утром на свою службу — в Горьковское военное училище тыла.

Точнее, он прибыл на КПП этого училища, а там, на входе, вместо дежурного сержанта уже стоял первый заместитель начальника училища полковник Вашинг — не доктор и не профессор.

Он держал в руках градусник, которым непрерывно измерял температуру окружающей среды.

Всех офицеров, прибывших в рубашках, Вашин отправлял домой за шерстяной тужуркой, предварительно записав их фамилии в особый блокнотик, потому что температура воздуха не достигала пока того уровня, при котором офицеру разрешено не потеть.

Кстати, Вашин был почти на десять лет моложе Елкина — а это не только среди полковников необычайно важно.

Елкин поднимается по ступенькам на родное КПП и утыкается в Вашина, а тот показывает ему градусник и говорит:

— Почему вы, товарищ полковник, нарушаете правила ношения военной формы одежды?

Елкин, все еще по инерции в прекрасном расположении духа:

— Не внял?

— А тут и внимать нечему! Температура (кивок на градусник) ниже определенной приказом замминистра обороны, значит, вы должны быть в тужурке!

— Чья температура?

— Среды!

— Какой среды?

— Окружающей!

Елкин понял, что Вашин неизлечимо болен, поэтому он и произнес очень мягко:

— Сейчас дойду до кафедры и там, исключительно ради вас, надену тужурку. У меня в шкафу есть тужурка.

— Никуда вы не дойдете!

— Это почему?

— Потому что я вас не пущу!

Елкин попытался войти силой, но Вашин вцепился в дверной проем и сопротивлялся. Так они бодались минут пять — на часах почти девять утра.

«Не убивать же дурака!» — подумал Елкин и попросил разрешения позвонить на кафедру.

Через пять минут ему принесли оттуда тужурку. Он надел ее, и только тогда Вашин его мимо себя пропустил, но, пропуская, все-таки не удержался и заметил:

— Приказы нельзя нарушать, товарищ полковник!

На что Елкин ему и ответил:

— Пошел ты на хуй!

На КПП воцарилась гробовая тишина — там все были на стороне Елкина и мысленно посылали Вашина в ту же самую сторону, и в глазах у них стоял смех. От Вашина это не укрылось, но все силы были уже израсходованы на борьбу с доктором и профессором Елкиным, и потому Вашин ничего не сказал и сразу же направился к начальнику училища.

В кабинет начальника он вошел строевым шагом, после чего доложил:

— Товарищи генерал! Меня Елкин при всех послал на хуй!

Генерал, вызвав Елкина, часа полтора мягко его журил:

— Андрей Аркадьевич, ну как же вы так...

На что тот те же полтора часа ему неизменно отвечал:

— Товарищ генерал! Идет он на хуй!

НА СТРОЕВОМ СМОТРЕ

— Все мои замечания вы, усердно прикусив свой длинненький язычок, должны бодренько в свои блокнотики записывать! Чтоб не носиться потом по всей округе тварью дрожащей! И не распространять повсюду отторгнутый вашей же шкурой ваш же эпидермис! И не надо думать так, что я не чувствую в вас желание немедленно вцепиться мне в шелудивую пятку своими невымытыми зубами!

Мы с Лехой стоим на строевом смотре. Это офицерский строевой смотр, и Леха от скуки развлекает меня тем, что цитирует высказывания командира эскадры. Сам командир эскадры и проводит этот смотр своих офицеров, но от нас он еще далеко, и потому никто не мешает Лехе по памяти воспроизводить некоторые высказывания адмирала:

— Пока я смотрю на вас только как посторонний наблюдатель, и в голову мне лезут разные непостижимые, непонятные и неожиданные вещи! Вот почему вы до сих пор не погибли или же не утонули? Хочу довести до вас неутешительные итоги за август, пользуясь всякими злорадными словами и непарламентскими выражениями!

— Леха, кончай!

— А вы, прежде чем открыть свой рот на со-
вещании, должны были двое суток тренировать-
ся! Читать вслух сказки этих идиотов, братьев
Гримм, набив хлебало камешками для отработки
риторики и дикции! Чтоб не шепелявить потом
тут все! Всякую ерунду и чушь дремучую!

— Леха, они же к нам скоро подойдут!

— А вы не шарахайтесь! Не шарахайтесь тут!
Не надо! Ваше время еще не пришло! И говори-
те долго и умно, пока вас начальство не остано-
вит! А вот эти ваши загробные рыдания должны
быть где-то записаны, чтоб их легко можно было
изъять и использовать при написании приказа о
вашем же наказании!

— Леха! Они же нас скоро услышат!

— Услышат! Конечно! Вас все не токмо ус-
лышат, но и увидят! А все эти леденящие душу
факты надо было собрать, чтоб потом всанда-
лить их вам же по самые гланды с дерзостью и
жесткостью проникновения!

Наконец командир эскадры подходит к нашей
шеренге, и Леха затыкается.

Нас с ним осматривать бесполезно — мы к
смотру всегда готовы и стрижены так, что заты-
лок от колена не отличить. Стоим и ждем, когда
адмирал со свитой своих штабных шакалов вста-
нет перед нами. Уже слышны его замечания дру-
гим офицерам. Они, как всегда, оригинальны. На-
пример, минеру делает замечание в одно слово:

— Щетинист!

Даже не знаю, как он все это будет устранять.

Мне же адмирал сделал такое замечание:

— Недостаточно злобен!

Потом он посмотрел внимательно на остекленевшего Леху и выдал:

— Избыточно злобен!

КУЩА И КУТЯ

Есть офицеры — ну просто загляденье, а не офицеры — все при них: и взгляд, и достоинство, и благородство не теряется при поворотах «все вдруг» направо.

Я уж не говорю про то, во что они одеты — это форма, это непременно форма во все времена. А уж если фуражка — так то чудо что за фуражка — ни одной тебе загогулилки или же морщинки.

А брюки? Невероятные, прекрасные брюки, будто только-только пошиты лучшим портным Монеи Бронштейном, или дядей Монеи, как все его называли, потому что он был просто рад, нет, он был просто счастлив тем, что у него получились такие брюки, он сиял, он приплясывал вокруг них и напевал себе что-то под нос.

Хороши также тужурка и рубашка под ней — она необычайно свежа.

А ботинки? Они сияют, эти ботинки, во что бы они ни ступали, и ничего к ним не липнет. Нет, ничего.

Взор у таких офицеров чужд суеты. Он всегда немного не здесь. Он немного там, где шторма и свершения.

Я служил с такими офицерами — небывалый подъем сил, как стоишь с ними рядом.

Их легко представить в золотых эполетах на высочайшем приеме по поводу крестин наследника престола или же на мостике перед Цусимским сражением.

А в общении с сослуживцами никакого высокомерия.

С любой стороны — один только восторг.

Капитан первого ранга Куща был именно таким офицером. Во времена Второй мировой войны он был юнгой, а заканчивал службу он уже начальником кафедры в пехотном училище — подтянут, спокоен, уверен в себе.

И вот он идет через плац.

А надо вам сказать, что просто так в одиночку через плац в пехотном училище не ходят.

В одиночку — это преступление. Через плац ходят строями, строевым шагом. Почему, спросите вы? А черт его знает, ответим мы. Традиция такая. Пехотный шик.

Но капитан первого ранга Куща был моряком, повторимся для невнимательных. У моряков другой шик. Он состоит именно в том, чтоб неторопливо, прогулочным шагом идти себе через плац.

Это безобразие заметил первый заместитель начальника училища по фамилии Кутя — тоже всегда опрятный полковник, с сапогами, горящими на солнце. Заметил и заорал во все горло:

— То-ва-рищ Ку-ща!!!

А тот не слышит, все бредет себе и бредет.

Тогда полковник кричит снова — и снова неторопливое движение.

Тогда полковник подхватился и помчался вдогонку.

Но как только он ступил на плац, в движениях его появилось нечто балетное — нога одеревенела в колене, носок вытянулся. Так он и запорхал, запорхал, всякий раз вскидывая ножку.

Догнав моряка таким необычным манером, полковник сделал перед ним крутой поворот кругом и принял строевую стойку.

Капитан первого ранга Куща сперва даже опешил от таких маневров, а полковник Кутя между тем обратился к нему, задыхаясь от движенья:

— Товарищ полковник! Почему... у... через плац... почему... И сапоги... у вас... вот... не чищены...

Куща, уже придя в себя, некоторое время с участием смотрел на часто дышащего полковника, после чего он перенес свой взгляд на свою сияющую обувь и спокойно заметил:

— Во-первых, я не полковник, а капитан первого ранга! И, во-вторых, сапог я никогда не носил!

После этого, приняв немного влево, Куща обошел замначальника училища и пошел себе дальше.

А тот ничего не смог ему сказать. Так и остался на плацу.

Надо заметить, что в повседневной жизни после этого случая они всегда относились друг к другу с неизменным уважением.

ПИСЬМА

Служил я мичманом СПСом на «Акуле» (5-й корпус).

Вы же знаете что такое СПС («специально подготовленный сачок») — обязанностей в автономке немного.

Сходил я три автономки, причем одна была на полную автономность — 92 суток.

А вот последняя была в 1993 году. О ней и хочу рассказать.

Был у меня друг на экипаже — Саня. Очень колоритная личность — телевизионщик, радиометрист БЧ-7 и радиолюбитель-самоучка.

Так вот, Сане перед выходом в ту злосчастную автономку кто-то из БЧ-7 презентовал на контрольном выходе вражеский радиобуй, выловленный после пролета «Ориона».

Ну, Саня за отсутствием времени заныкал его в своем телевизионном посту в самый дальний угол до лучших времен.

Ну а потом, после всех сует и первых дней плавания наконец-то и наступили те самые «лучшие времена».

Все взятые с собой книги уже были прочитаны, в голову больше ничего не лезло, а руки чесались.

Радиолюбительские утехы тоже как-то уже приелись, хотелось чего-то свеженького.

Поэтому я изучал в очередной раз закоулки телевизионной выгородки и неожиданно нарвался на мирно лежавший в укромном месте радиобуй!

И тут инженерная мысль заработала ну очень интенсивно.

Сразу припомнился тесть брата, к слову — главный технолог нашего родного 55 цеха СМГП. Так вот, у него дома (а он тоже радиолюбитель со стажем, да еще с каким!) были изготовлены собственными руками колонки для усилителя, где в качестве высокочастотников стояли пьезоэлементы от пассивного гидролокатора и очень прилично излучали свои положенные высокие частоты звукового диапазона.

Поэтому, проводя аналогию, я и подумал разобрать оную конструкцию, дабы извлечь оттуда гидрофон и использовать его по аналогичному назначению.

С первой половиной работы особой трудности не возникло — разобрали.

А вот гидрофон выглядел как-то совсем не пьезоэлектрически и представлял собой круглый стакан из компаунда, заклеенный с одного торца толстой резиновой накладкой.

Данный факт меня почему-то тогда не смутил, и я задумал просто испытать прибор на звучание в переменном музыкальном сигнале. Далеко ходить не надо — в телевизионной системе стоял в открывающейся дверце контрольный динамик звукового усилителя, и я просто решил подцепить параллельно ему вышеуказанный прибор, причем для контроля выходной мощности был в ту же параллель подсоединен вольтметр.

Осталось получить «добро» хозяина поста —

Сани то есть — на разработанный план испытаний, и можно было начинать.

Саня долго не ломался, так как его самого распирало от любопытства, и после коротких разъяснений технологии проверки он сдался.

Если б мы знали, чем все это закончится, то я, во всяком случае, более тщательно все изучил бы без подключения гидрофона к активной линии на выходе усилителя, так как, по сути, этот гидрофон был большим угольным микрофоном.

Но как-то сначала подобная мысль в голову не пришла, а пришли вышеуказанные мысли, которые сразу захотелось реализовать.

В общем, подали на прибор музыкальный сигнал — реакции никакой.

Решили напряжение приподнять — повернули ручку громкости дальше — тоже пока ничего. Решили еще добавить.

И вот когда вольтметр показал беспристрастно на своей шкале что-то около 8 вольт, раздалось сначала сильное шипение, потом раздался довольно сильный хлопок, и из-под резиновой накладки полыхнуло настоящее пламя.

Реакция у нас обоих была незамедлительной — зная, что огнетушителя у Сани в посту нет, я сразу рванул к своему посту на палубу ниже за ОХВП-10, который как раз стоял у моей двери. (Потом Саня мне говорил, что подумал в тот момент про меня: «Вот гад! Сбежал!!!»)

Ну, Саня тоже среагировал моментально. На посту лежало две недели как полученное, но не

разобранное белье и стояла кадушка из-под сухарей с водой в ожидании приборки.

Как Саня рассказывал, с громким шипением и пламенем эта штука вывалилась на пол и закрутилась волчком посередине поста.

Саня не долго думая схватил из стопки пачку белья, набросил на нее, потом схватил и кинул все вместе в кадушку с водой. Соответственно, внутри весь уголь уже было выгорел, а

попав в воду, все это безобразия начало выдавать могучие клубы дыма! В это время прибегаю я, причем на ходу отвинчиваю у огнетушителя головку, а, как известно, у данного огнетушителя при открывании вентиль уже невозможно завернуть обратно — только после новой зарядки. Ну так вот, прибегаю я к Сане со средством огнетушения, из которого уже начинает хлестать пена под давлением, и понимаю, что этот прибор уже не нужен!

Пытаюсь завернуть головку обратно, но, естественно, ни фига уже не получается.

Оставляю его вне выгородки, на палубе, где он радостно истекает пеной, которая постепенно расползается по трапам на палубы ниже (о ужас!). А, к слову сказать, наш 19-й отсек — это, по сути, переход между прочными корпусами гигантского катамарана, в котором еще и расположены все выдвижные устройства (ну почти все, кроме перископов), и имеет он форму яйца, вытянутого вверх — поэтому у нас самое большое количество палуб — блин, четыре.

Погасив пламя (а открытое пламя для подвод-

ника — ежику понятно — источник инфаркта и других не менее непередаваемых ощущений), мы кинулись вниз, к вахтенному отсека, чтобы он, не дай бог, не объявил пожарную тревогу: дыма-то — будь здоров!!!

Ну и пока пробежали половину пути до вахтенного — ее, родимую, как раз и объявили.

Блин, то вахтенный спит, как сурок, — не будишься — бери что хошь, а то проявляет недюжинную бдительность в разгар ночи (а было что-то около 2-3 часов ночи).

Так что, когда мы добежали до нижней палубы, весь корабль уже знал, что в 19-м что-то горит, и все смежные переборки были уже накрепко задраены. Ну, ничего не оставалось делать, как тут же рассказать командиру о своих художествах.

На что он резонно заметил:

— А сейчас будет для вас самое неприятное: будете все то же самое рассказывать комдиву (комдив с нами ходил) адмиралу Сучкову (брату известного на флоте Сучкова).

Комдив не замедлил с прибытием, и через пару секунд, как был в трусах и майке, так и прибежал для выяснения обстоятельств и принятия решения по факту тревоги.

Мы вдвоем построились перед ним в одну шеренгу и с дрожащими коленками наперебой рассказывали про свои творческие изыскания.

Естественно, мы так и не сознались, что был открытый огонь, сказали только, что повалил сильный дым, и мы стали с ним усиленно бороться.

Адмирал первые пять минут не мог ничего

сказать, только хватал ртом воздух, как только что пойманная рыба, потом еще минут десять шла очень информативная речь, состоявшая из одного мата, а потом уже, увидев, что опасность миновала, он изрек:

— Два взрослых долбоеба! — и больше ничего не смог сказать, и я с ним молчаливо согласился.

А Саню прорвало — он на каждую воспитательную фразу отвечал:

— Так точно, товарищ адмирал!!! Так точно, товарищ адмирал!!!

Потом адмирал сходил и все-таки оделся, вернулся в центральный, вызвал нас и, еще раз обстоятельно выслушав, сказал, что придумал нам до конца автономки наказание.

Не помню уже, чем был наказан Саня, — что-то из области приборки, кажется, а я был наказан уборкой в командирско-флагманском салоне каждый божий день, на что я с большим энтузиазмом откликнулся, хотя и так это был мой объект приборки.

А текущее нам наказание было: убрать с палубы отсека пену, которую мы собирали часа два, заодно и отсек помыли.

Мы готовы были драить весь корабль, лишь бы этот случай не получил огласки на берегу и тем паче в штабе, позорище было бы на всю оставшуюся службу — задолбали бы подколами.

Но, к чести Сучкова, все это так и осталось внутри прочного корпуса.

Вот!

Вовиком меня зову.

Здравствуйте. Хочу историю рассказать.

Ночью просыпается жена от дикого смеха, доносящегося из туалета. Подходит и видит: дверь в туалет открыта, сидит муж на унитазе и смеется, читая книгу. «Ну все, — думает она, — с ума сошел». Время под утро. От смеха просыпаются дети. Выходят в прихожую и видят: сидит их мама возле туалета, папа все еще на унитазе, и оба они смеются. «Ну все, — думают дети, — мама и папа сошли с ума». Подходят, а мама с папой вслух книжку читают, и называется она «Расстрелять!».

Саня! Хочу тебе рассказать!

Лето. В Североморске кобелиный сезон. Все жены с детьми уехали на Большую землю. Остались только корабли с экипажами. Офицеры редко бывают дома в пустых квартирах. Уезжая, жена попросила поклеить обои в детской комнате. Сказано — сделано. В начале лета я приготовил обои, выложив рулоны в большой комнате, затем вытащил всю мебель из детской. К середине лета я ободрал старые обои и поклеил на стены газеты. Дал время подсохнуть клею и в конце лета, вечером, перед тем как утром встретить жену, решил поклеить новые обои. Не тут-то было. Обоев не было. Перерыл всю квартиру. Обоев нет. Нашел только несколько обрезков от предыдущих ремонтов, причем трех цветов и четырех рисунков. Магазины уже закрыты. Что

делать? Решил клеить. На стену против входной двери поклеил самые красивые обои. На стену, остающуюся сзади после входа, поклеил обои того же цвета, но другого рисунка, рассудив, что в маленькой комнатке, особенно войдя в нее первый раз после ремонта, жена не будет смотреть одновременно и вперед, и назад. Слева под ковром поклеил зеленые, оставшиеся после ремонта кухни, а за шкафом поклеил красные, что остались от ремонта коридора. Была уже глубокая ночь, когда я затащил мебель в детскую. Получилось очень даже прилично. Особенно если учесть обнаружившиеся якобы потерянные рулоны обоев, лежавшие все это время в большой комнате под вытащенными из детской вещами. Приехавшей назавтра жене ремонт понравился. Присутствие в одной маленькой комнатке четырех типов обоев замечено не было.

Это Александра.

Я из семьи, воспитавшей не одно поколение военных — и моряков в том числе. Мой отец капдва (минер), однако я не считаю, что это «то, к чему приводит безотцовщина» или «отродье с идиотскими шутками», хотя последнее за ним замечалось неоднократно! Я, своего рода «дочь полка», в детстве долго жила у папы на корабле: на суше есть категорически отказывалась...

Сейчас отец служит на гражданском судне — никак он не может расстаться с кораблями. С ним случаются всякие истории. Как-то батя был стар-

помом на одном корабле в Крыму. Там все время проходили разные собрания по воспитанию духа. Ну так вот. На очередном собрании встал вопрос о порядке. Был у отца на корабле один рабелепствующий гражданин (боцман, по-моему, не помню...). И вот он встает с места и, откашлявшись, со знанием дела начинает:

— Вот, товарищи, зашел к механику, а у него, понимаете ли, голая женщина на стене висит! Ну, я ее, конечно, и отодрал!

Все упали... и долго-долго не могли подняться!

А как-то командир по трапу на корабль шел. Шел так прогулочным шагом. В руках нес барсетку (папа упорно называет ее пидараской) и ею размахивал. Ну а барсетка возьми и между досками провалилась: «Бульк!» — и пошла ко дну! А надо вам сказать, перед этим командир все совал ее папе под нос и повторял:

— Вот, Никитин, учись! Все всегда должно быть при себе!

И были у него в этой барсетке все важнющие документы (в том числе и личные), деньги, ключи от сейфа с корабля, еще какие-то корабельные ключи! В общем, все, без чего корабль не выпустят и не впустят, и вообще, по утере всего этого добра корабль автоматически превращается в сувенир в натуральную величину! Вот. Командир был один и ничего не придумал, как подпрыгнуть «солдатиком» и в эту дырочку, заткнув все свои отверстия, уйти! Ну и застрял он, конечно. Повис он на локтях, как на распорках! Ни туда, ни сюда! Одна только лысая голо-

ва торчит. И начал он орать! Народ прибежал — прыгают вокруг и не знают, кого доставать — драгоценную барсетку или кэпа, который, ну, реально, сейчас там умрет от недостатка воздуха и переживаний!

Решили кэпа первым — а тащить не за что! Под локотки не подсунешься, а на башке волос-то нет! Говорят, достали всех — и кэпа, и имущество, но полсостава в ходе операции умерло от смеха!

Кэп был единственным грустным человеком на корабле, а отец долго злорадно всем эту историю рассказывал! Трап сменили, а барсетку кэп все равно с собой таскает.

А в нашей родной Лиепайской ОВРе придумали такую «фишку», которая использовалась при заступлении народа на дежурство в летнее время. Сам понимаешь, лето, жара, а надо носить рубашку, галстук, синюю куртку. А придумали вот что: рубашка обрезалась по периметру — на спине вдоль шва над лопатками, потом рукава отымались, а на груди линия отреза шла над карманами... Ежели комбриг Вова Поздняков был на сносях, то есть мальчика не в себе, то он шел вдоль строя на разводе и задирали всем куртки, из-под которых у абсолютного большинства вываливались волосатые животы. Самое смешное, что «манишки» получили такую популярность, что их потом начали носить и под тужурками, так как форма соблюдалась, а стирки-то — минимум.

Это Андрей.

Вспомнилась одна история из моей самолетной жизни в Амдерме.

Называется она «Сан Саныч и Нидерланды».

Сан Саныч недолюбливал Нидерланды.

Почему он их недолюбливал — этого не знал никто.

Сан Саныч — инженер эскадрильи истребителей-перехватчиков со своими подчиненными, молодыми лейтенантами, разговаривал всегда так:

— Что вы стоите тут передо мной, как целка бельгийская? Я вам не хуй голландский, чтобы все это терпеть!

И подчиненные Сан Саныча знали: если с точки зрения Сан Саныча работа сделана плохо, то ты — целка бельгийская, а он — не хуй голландский.

Так что было к чему стремиться.

Вот так при помощи нелюбви к Нидерландам Сан Саныч и поддерживал боевую готовность. И самолеты у него взлетали в любую погоду.

Даже по первому варианту — так в Амдерме назывался ураганный ветер от сорока метров в секунду.

Есть такие «странные» войска в нашем Отечестве, в которых офицеров больше, чем солдат, и очередные звания они получают, как грибы после дождя (в центральном аппарате я знал людей, которые досрочно получили все звания и стали полковниками в 35 лет).

Таких еще называют «дикорастущими офицерами».

Так вот, один генерал на совещании, распекая своих подчиненных за их работу, честно сказал:

— Это полный идиотизм под моим руководством! — и далее, развивая мысль о последствиях подобной деятельности, он подытожил: — После этого нам только и остается, что надеть противогаз и умереть гордо!

Александр Михайлович...

Читала ваши «Скороговорки о смерти...» на сайте.

Читала на работе... У меня отдельный кабинет... Я закрыла дверь и плакала...

И сейчас плачу... Ушла домой... сказала, что заболела...

Очень страшно....

А как-то папа сказал, что где-то молодые мальчики умирают от голода... на государственной службе... Зря сказал...

У отца на корабле, в годы его еще военной службы, страшно погиб водолаз: на большой глубине порвался скафандр. Здорового мужика затолкало в шлем, как консервы. Давление воды... не представляю, что такое бывает.

И в винты пару раз мужиков сбрасывало.

Так вот думаешь, КАК ОНИ ВООБЩЕ ВЫЖИВАЮТ?!!

И зачем мальчишки до сих пор туда идут и идут!

Но, как бы страшно ни было, мне кажется, мы (люди!) должны об этом знать!

А я бы смогла ждать ЕГО, только бы пришел! Неважно какой! Главное ЖИВОЙ, МОЙ! ГОРЬКИЙ, ГОРЯЧИЙ! Шинель в снежинках...

Помню отца, когда была еще совсем маленькой. Жили в части, в Приозерске...

Папа приходил редко, поэтому для меня это всегда был праздник!

Помню только черную шинель, усыпанную снежинками, молодой, почти волчий оскал, пахнувший табаком. Высокий, черный, он хватал меня на бегу и, визжащую, подбрасывал под потолок, ловил, а сам хохотал громко, даже рычал, как мне казалось.

Помню, упиралась ладошками в ледяные погоны, мочила платье о талый снег, а потом он сжимал и сжимал меня в объятьях, выдавливая из меня нечеловеческий, радостный писк! Не знаю, почему так любила эти моменты.

Наверное, мне казалось, что так подбрасывать и ловить никто в целом мире не может!

Помню ждала, все время ждала, когда из коридора крикнет мама:

— Саша, папа пришел! — и сразу его железные ледяные руки на моих детских ребрах, а потом — в воздух! И орать! И обниматься! И стучить ладони о грубую ткань... Папа дома...

Слово «ПАПА» до сих пор ассоциируется у меня только с черной шинелью, снегом, горьким запахом и обледенелыми красивыми пуговицами...

Александра.

1981 год. Польша бунтует. Под предлогом очередных учений рядом с ее берегами собран почти весь натовский и советский флот: и с Тихого океана, и с Севера, и с Черного моря — отовсюду пришли десантные корабли с морской пехотой, артиллерийские крейсера и масса других кораблей. Вся эта армада висит над польским побережьем в ожидании команды «фас». Слава богу, этого не случилось.

Но пришел шторм. Шторм на редкость мощный. И досталось всем флотам. И натовскому, и советскому. Было оборвано шесть якорных цепей, а два ракетных катера ФРГ потеряли ход и в форс-мажорной ситуации были снесены в советские терводы. И на фоне почти начавшегося конфликта случилась крупная неприятность с большим десантным кораблем БДК-55. Из-за личной безграмотности командира бригады, давшего недопустимо большой ход против волны, и, по всей видимости, из-за недостаточно обтянутых дополнительных креплений в штормовом море открылись носовые ворота десантного корабля. Каждая из створок весила по 11 тонн. И начали они, эти створки, хлопать на качке, как форточки в грозу. С огромным трудом и риском для жизни удалось их отловить, закрепить и в аварийном состоянии войти в базу.

Подвиги кончились, начались раздачи наград.

Комиссия, назначенная командиром бригады — главным виновником происшествия, — должна была найти героя, чтобы прилюдно его растоптать.

Поисков и подумав, виновником назначили механика, кстати, высокопрофессионального офицера с соответствующим чувством собственного достоинства.

И вот в кают-компании, в присутствии высоких чинов всех штабов и народа, из механика делают козла отпущения.

Безосновательные обвинения сыплются со всех сторон, и механик, как может, отбивается от штабных прихлебателей командира бригады. Причем обе стороны понимают, что всей правды говорить нельзя. Обвинительные вопросы накаляют обстановку до предела. Звучит очередной вопрос:

— Механик! Так как вы объясните, что раскрылись крепления створок в месте их соприкосновения? Ведь огромные крючки входят в петли. Как?

Механик сделал паузу, обвел глазами знатока собравшихся в кают-компании офицеров и адмиралов и сказал:

— Вам когда-нибудь приходилось снимать с женщины бюстгальтер? — пауза, мертвая тишина. — Так вот, — продолжил механик, — обнимая женщину, кладешь ей на спину ладони, нажимаешь на лямки бюстгальтера ладонями, как волна на створки ворот, а потом так же резко, как и волна, отпускаешь их — и все! Ворота десантного корабля открываются, а женский бюстгальтер падает!

Механик был наказан как главный и единственный виновник происшествия. Его лишили трех окладов.

Я потом проверил слова механика. Бюстгальтер действительно расстегивается в одно мгновение.

С уважением. Слава.

Был у нас механик. Человек очень энергичный. И далеко не всегда ему удавалось направить свою энергию в безопасное для него самого русло.

Когда я пришел на корабль лейтенантом, механик был уже капитан-лейтенант.

Когда я получил звание капитан-лейтенант, механик был уже лейтенант.

Вот только один из его фортелей.

Идет погрузка ракет. Дело очень хлопотное, напряженное, ответственное и длительное.

Весь экипаж обязан быть на борту. Но механику явно скучно. Он не в центре событий.

И механик без «добра» сходит на берег.

Никто на его отсутствие не обратил никакого внимания.

В два часа ночи мех решил незаметно проникнуть на корабль, но вот беда, на корабле в это время очень тихо, а офицеры у нас спят чутко.

Любой необычный шум мгновенно прерывает сон. Ты не проснешься, если по трапу в нескольких сантиметрах от твоего уха пробежит матрос, грохоча ботинками, но мгновенно пропадает сон от щелчка дверной ручки в ночное время.

Так что, чтоб не будить народ, механик решил попасть к себе в каюту с причала через ил-

люминатор. При его росте — метр с шапкой — и расположении его иллюминатора недалеко от земли это не составляло бы большого труда. Но! Загрузив левый борт ракетами днем, корабль к вечеру развернулся и встал к причалу правым бортом.

Так что наш доблестный механик лез не в свою каюту, а в каюту старпома.

А теперь рассказ старпома, рост которого почти два метра.

— Ночь. В каюте темно. Просыпаюсь я от грохота упавшей со стола лампы. А стол у меня стоит под иллюминатором.

И вот на фоне иллюминатора вижу я на столе нечто совершенно бесформенное, и оно шевелится. Страх. Холодный пот. Включаю ночник над койкой. И что же я вижу?

Вижу я нижнюю часть спины механика, стоящего на четвереньках у меня на письменном столе. Естественно, я спросил его в «очень вежливой форме», что он там делает.

Ответ был крайне лестным. Повернув голову в мою сторону и приложив палец к губам, механическое чудо произнесло: «Т-с-с-с. Тихо! А то старпом услышит».

Вышли на боевую службу 10 января, у меня день рождения 11-го, должны были вернуться с боевой 9 августа, у жены день рождения 8-го.

Для этих двух случаев жена выдала мне две бутылки коньяка.

Каждую из них подписала датами, чтобы не перепутал. Одну бутылку датой 11 января, а вторую — 8 августа.

А я перепутал. Вышли из порта Печенга, как и было запланировано, 10 января.

День в полярную ночь был морозный, так что уши трещали, парила от мороза вода.

Шли по фиорду, как в дыму.

Я шел на боевую службу в качестве штурмана. За сутки хода мы отошли от берега настолько далеко, что даже самый тупой вахтенный офицер не смог бы за 8 часов моего сна добраться до берега.

Запросив «добро» у командира, спустился вниз в каюту, впереди нам предстоял еще месяц интернационалистического плавания до пролетарско-негроидной Анголы плюс шесть там и месяц обратно.

Пригласив двух офицеров морской пехоты, моих хороших знакомых по предыдущим выходам в море, я объявил, что сегодня мой день рождения, накрыл стол, поставил бутылку коньяка. Посидели, поговорили о судьбе.

Кстати о судьбе. Этот батальон морской пехоты шел на вторую боевую службу подряд в одном и том же составе. Тот батальон, что был обязан идти на боевую, сняли со службы за неудовлетворительную подготовку. Зимой в сопках во время учений насмерть замерзли два матроса, их не успели донести до тепла. А это значит, что офицеры и прапорщики, идущие спасать свобододолюбивую Африку от них же самих, четыре

месяца назад уже были там ни много ни мало 8 месяцев. Месяц переход, 6 месяцев стережем ангольскую революцию и месяц переход на севера, домой. В наше отсутствие там свои полгода сидит морская пехота Балтийского флота. И сейчас эти ребята шли на вторые 8 месяцев.

Семей после этой боевой почти ни у кого не осталось. Под такую беседу бутылка коньяка высохла в мгновение ока. А так как пить что-то надо было, сидим, пьем чай. Вдруг один из пехотинцев спрашивает:

— Слава, а где вторая бутылка?

Конечно же, я, как дисциплинированный муж, с абсолютно честными глазами и удивленным до беспредела голосом заявил, что второй бутылки просто не существует в природе.

В следующее мгновение я был разоблачен предьявленной мне датой, написанной на этикетке. А было там написано: «8 августа». Пришлось срочно менять тактику обороны. Изобразив лицо строевого офицера, коим я и был, заявляю:

— Вторую, с надписью 11 января, получите 8 августа.

В последующие месяцы ребята неоднократно пытались заполучить вторую бутылку, но она была надежно спрятана, а я непреклонен.

И вот долгожданный возврат с боевой.

Идем по плану. Остались последние сутки до Печенги. Корабль — одна семья в 300 человек со своими радостями и проблемами. Живет ожиданием райской земли за Полярным кругом после Африканских фиговых или фиговых пальм.

Ударение сами ставьте, где и когда хотите.

Наступает 8 августа, записываю на 00.00 место корабля и погоду в журнал.

В этот момент в штурманскую рубку заходит командир батальона морской пехоты и обыденным, спокойным голосом говорит:

— Слава, командир дал тебе «добро» спуститься вниз. Пошли.

Я сразу и не сообразил, в чем дело, и только спускаясь вниз по трапу, догадался о предстоящем событии. Подойдя к каюте, мы с комбатом попытались открыть дверь. Это удалось не сразу. Внутри были все, кто хотел поздравить мою жену с днем рождения.

Прочитал несколько статей о гибели «Муссона». У меня был схожий случай на стрельбах в 1980 году. По дивизиону пускали три ракеты-мишени одновременно с трех направлений. Перед этим на всех зенитных ракетах сделали доработку. Я считаю это причиной и моего случая, и трагедии «Муссона». Напомню тебе, что ракета наводится по трем видам лучей: широкому, среднему, узкому — и перед самой встречей с целью открывается радиовзрыватель, при получении трех ответных посылок (трех отражений от цели) происходит подрыв. Считалось нормальным, если ракета наводилась с точностью плюс-минус 40 метров, но бывали случаи, когда ракета проходила на этом расстоянии, но не успевала получить третий ответный импульс. По-

лучался завал стрельбы. Специалисты по желанию военных решили заменить эффективный подрыв вблизи цели на малозффективный, но высоковероятный фейерверк на большей дистанции. Я думаю, ты помнишь, что по условиям стрельбы, если был подрыв, стрельба выполнена. То есть боевая готовность отступала на второй план.

Так вот, ракеты были пущены. Мы свою ракету обстреляли, но из-за ошибочной регулировки, сделанной технической позицией, неправильно выставившей дальномер на локаторе, взрыватели на ракетах открывались уже после цели.

Поэтому две наши ракеты улетели туда, а мишень сюда. Просвистев над головами, она возвестила нас о завале стрельбы.

Оставались еще две ракеты-цели — мы для них, они для нас.

Так вот, одна из оставшихся ракет повела себя очень похоже на ракету, попавшую в МРК (малый ракетный катер) «Муссон». Зенитная ракета подорвалась рядом, а мишень полетела дальше, медленно теряя высоту. Мишень шла в нашу сторону, и только при окончательном сближении стало понятно: ракета уходит нам за корму и со снижением падает в воду метрах в ста за кормой в наш кильватерный след. Дальше везенье продолжилось, и, видимо, мы отобрали это везенье у МРК «Муссон». На подстраховке дальше шел «Бурун», а на нем же 630-ка. Как только ракета упала, у нас по корме в нескольких десятках метров встала вода, будто кто-то ударил прутom

по ней. Это была очередь 630-ки с МРК «Бурун», выпускающей сотню 30-мм снарядов в секунду. Это уже третий ужас на сегодня.

Первый — промах своих ракет и завал стрельбы с предвкушением будущего разноса плюс пролет мишени над головами; второй — падение второй мишени у нас по корме; третий — режущие корабли нашего класса, словно раскаленный нож масло, снаряды «Буруна». А потом за спинами мы услышали взрыв. Обернулись: произошел подрыв зенитной ракеты при соприкосновении ее с поверхностью воды из-за потери ею цели, опять же в 100 метрах, но уже по правому борту.

Силы к этому моменту у нас уже кончились, наступила апатия, и, если б тунгусский метеорит, прилетев, начал виться мотыльком над нашей мачтой, вряд ли кто-либо удивился. А на самом деле нам повезло.

У каждого своя судьба.

Вячеслав.

Привет, Александр! Хочу историю рассказать. Вы же знаете, что некоторые поступают в училище, чтоб продолжить династию флотоводцев. И не всегда это делается добровольно. Часто под нажимом паукопогонных предков.

Был и у нас в системе орел. Не яркая, но запоминающаяся личность. Дадим ему аристократическую фамилию Копытов.

Славное училище им. М. В. Фрунзе, куда устроили Копытова, больше года выдержать его не

смогло, и, забрав свой аттестат, двинул Вовочка согласно предписанию на юг, в легендарное училище им. С. М. Кирова, откуда, два года помучив командиров и преподавателей и повеселив курсантов, был отправлен на довоспитание в наше незабвенное Калининградское ВВМУ.

У Копытова только одна цель — он хотел отчислиться из училища.

Что только он не предпринимал, но самовольные отлучки, пьянство и прочие проказы должного эффекта на командование не производили.

А учился Копытов, надо сказать, неплохо. Обычно учился, как все. И отчисляться по неуспеваемости не хотел, хотя фокусы устраивал.

Идет летняя сессия. Сдаем мы экзамен по специальности. Принимающий — начальник кафедры. Входит в аудиторию наш Вовочка.

— Товарищ капитан первого ранга! Курсант Копытов для сдачи экзамена прибыл!

— Берите билет, — начальник кафедры взглядом указывает на стол, где в три шеренги лежат белые прямоугольнички.

Копытов смело берет ближайший билет.

— Очко! — осклабился он.

Каперанг медленно поднимает голову с вопросом в глазах.

— Билет номер двадцать один! — поясняет Вовочка.

— Ознакомьтесь с вопросами, — раздражения в голосе еще нет, но чувствуется, что минус один балл Копытов уже заимел.

В этот момент дверь аудитории раскрывает-

ся, и входит начальник училища Герой Советского Союза вице-адмирал Пилипенко В. С. — ужасный барин.

— Встать! Смирно! Товарищ вице-адмирал!..

— Вольно, вольно, — улыбается Владимир Степанович, сцепив руки на животе и покачиваясь с пятки на носок.

Слышно, как муха бьется о стекло в надежде полетать над Советским проспектом.

Но пауза не успела затянуться. Вовочка быстро въехал в ситуацию.

— Товарищ капитан первого ранга! Курсант Копытов доклад на билет номер двадцать один закончил! — звонкий и уверенный голос нарушил тишину, но потом она наступила снова. Даже муха охуела. Только чьи-то наручные часы тикали, отсчитывая минуты пребывания Копытова в училище.

— И как у нас товарищ Копытов отвечал? — с той же улыбкой интересуется Пилипенко у начальника кафедры.

— Удовлетворительно, товарищ адмирал! — выдыхает каперанг и ставит в ведомость «удовл.».

— Что ж вы так, Копытов. Потомственный флотский офицер, понимаешь.

— Ну дык... Разрешите идти, товарищ адмирал?

— Идите.

— Есть!

А вот что было зимой.

Замерзший и уставший к окончанию суток от

бестолкового хождения по периметру училища начальник патруля в звании майора (с кафедры физкультуры), отпустив патрульных курсантов в ротное помещение, идет вдоль училищного забора в направлении КПП, где дежурный по училищу принимает увольняемых. Не дойдя метров восьмидесяти от входа, офицер натывается на тело в шинели курсанта четвертого курса.

Луч включенного фонарика освещает лицо, знакомое всем.

— Копытов! Что с тобой?! Живой? — майор потряхивает курсанта за плечо.

Нечленораздельное, но явно недовольное бормотание и мычание опровергает худшие опасения.

— Вставай! Замерзнешь ведь! — заботится офицер, пытаясь помочь Вовочке подняться.

Через некоторое время ему все-таки удалось поставить Копытова в стойку «вольно» и, подсев под него, водрузить себе на спину.

Дистанция далась майору легко, благо, что он физкультурник.

Уже при подходе к КПП дежурный по училищу, увидев нечто — курсант четвертого курса едет верхом на майоре:

— Это еще что такое?

Копытов распрямляется в «седле», вскидывает руку к шапке и лихо докладывает:

— Товарищ капитан первого ранга! Курсант Копытов из увольнения прибыл! За время увольнения замечаний не имел!

Все. Цель достигнута! «Отчислен из училища».

Новый год Копытов встречал на борту десантного корабля Балтийского флота.

Виктор Чичин.

В 1998 году к нам на Камчатку приехал в гости к одному моему знакомому бизнесмену (оказывающему постоянную продовольственную помощь одной из подводных лодок, кстати, одного типа с «Курском») американский партнер. Надо сразу сказать, что этот «америкос» отлично владел русским, так как у него бабушка была из белоэмигрантов. На Камчатке ему все понравилось: рыбалка, грибы-ягоды, медведи, вулканы, но мой приятель решил его сразить наповал — организовать экскурсию на подшефную лодку, благо она стояла у стенки. Приглашен был и я, а «америкос» был жесточайшим образом проинструктирован, то есть в целях избежания конфуза ему пришлось косить под «россиянина».

Приехав на лодку, мы попали в руки замкомандира дивизии атомных лодок, и тут началось шоу....

Зам оказался бывшим замполитом, красноречию его могли позавидовать римские патриции, но самое удивительное было то, что самым главным слушателем он выбрал «америкоса», прямодушно посчитав его своим по национальности. Слушая его комментарии и переползая из отсека в отсек, «америкос» просто потерял дар речи и только крякал вместо удивленных возгласов «вау» (помнил, гад, о светомаскировке). Но потом пришел в себя и стал осторожно задавать

вопросы: «А сколько платят у вас офицерам?» и «Как вы тут питаетесь?»

Зам же, приобретя второе дыхание, начал откровенно «травить» при нашем молчаливом согласии. Но самый пик его экскурсии был в конце красочного описания боевых возможностей лодки.

Вот что он сказал:

— Короче, бля, когда мы выходим в море и американский спутник нас теряет, то Клинтон, бля, памперсы не успевает менять! Ты понял, мужик?! — и хлопает нашего «америкоса» по плечу, на что тот под наш гогот трясет головой, как конь гривой, и шепчет:

— Йес, бля!

Это Слава.

Расскажу историю.

Большой десантный корабль «Петр Ильичев», боевая служба, третья неделя.

Должны подойти к борту нашего тральщика рядом с Западной Сахарой, страной, где нет страны, а есть только племена.

Над территорией Западной Сахары шефствует ООН. А если нет государства — нет территориальных вод, нет рыболовной зоны, не надо никому платить, а значит, все кому не лень ловят там рыбу. Марокко, что рядом, с этим не согласен и периодически высылают свои боевые катера кого-нибудь арестовать. А так как наших там гораздо больше, чем других, они и попадают. Чтобы вызволять и отпугивать, мы держали по-

стоянно там тральщик, плюс все корабли, идущие мимо, должны были проходить через этот район и пугать марокканцев.

Мы повернули к берегу и идем к тральщику, вот только есть проблема: мы уже неделю идем в зоне действия харматана — африканского ветра, каждый год дующего из Сахары в сторону океана, и не день-два, а больше месяца без перерыва.

Это ветер выносит в океан песок на расстояние до 1500 километров.

Видимости просто нет. Слегка различается гойс-шток, солнце над головой — это всего лишь яркое пятно. У нас на борту в то время уже был прибор космической навигации. В северных широтах он давал место примерно каждые 20 минут, а у экватора всего лишь пару раз в сутки.

Так вот, перед подходом к тральщику оба сеанса со спутником сорвались, ни солнца, ни, тем более, звезд не видно, никакие радиосистемы там не работают — уже сутки иду по счислению. Думаю: подойду к берегу, тральщик стоит на якоре в 10 милях от него, по локатору измерю дистанции до суши, да и к тому же тральщик прекрасно виден при любой видимости в локатор.

Не тут-то было! Подходя к району якорной стоянки тральщика, я обнаружил на экране локатора десятки целей. Это рыбаки. Их была просто уйма. Берег, который появился на локаторе, через пару минут разорвался и расползся в разные стороны. Это была всего лишь волна песка, несущаяся из Сахары в моря-океаны. И осталось

у меня место корабля по счислению в течение 24 часов, а это десятикилометровый круг с полусотней радиолокационных отметок на локаторе от кораблей, ночью, при почти нулевой видимости. Командир перешел в общении со мной с имени отчества на звание, а это значит, что следующим со мной будет беседовать прокурор. В официальном тоне он запросил, когда будем в точке. Что я мог сказать? Рассчитал, доложил. После чего по временному графику мы сбросили ход с «полного» до «среднего», затем до «малого», дали «стоп». Корабль прошел по инерции расстояние в несколько корпусов и остановился. Слева под скулой корабля, метрах в двадцати, светились чьи-то огни. Командир спросил:

— Это тральщик?

Мне оставалось ответить только одно:

— Да, тральщик!

— Ну пойдем посмотрим» — произнес командир. От его сарказма застыла не только кровь в моих жилах, но и, кажется, спирт в магнитном компасе.

Мы вышли на крыло мостика, посмотрели вниз — там был тральщик.

Я не верил своим глазам. Этого не могло быть, но случилось.

Я до сих пор не верю.

Знаю, как вы любите театр, поэтому о театре.

Город заказал нашему театру к выборам детский спектакль дать (хотя какая связь между вы-

борами и развлечением для малолетних — в упор не вижу).

Детские спектакли в нашем дивном коллективе спокон веков были предметом всеобщих издевательств и средством резкого повышения креативности актеров, которые в ходе репетиций умудряются создать альтернативное произведение.

Казалось бы, и хрен с ними, но только вот эти альтернативы частенько в ходе самого спектакля вылазят (ясен перец, расслабляется народ. Детки-то все равно ничего не поймут, да вот жаль только — режиссер-то все у нас понимает). На этот раз в качестве жертвы был выбран «Аленький цветочек», и помимо уже традиционного: «Поверни кольцо на пальце и вмиг ОЧУДИШЬСЯ!» — и фирменного жеста Чудища (у него на руках многострадальных мохнатые перчатки с почти негнуцимися пальцами, и, когда он протягивает Аленушке свои руки, такое впечатление, будто он ей средний палец демонстрирует) добавилось еще кое-что.

Например, купец по репетиционной привычке сказал: «Антон! Антон! Убежал парень с водкой!» (имелась в виду, конечно же, лодка). Кикимора вошла в историю фразой: «Зову, зову Бабу-ебу!» — а Баба-яга, однако, доплюнула (точнее, доплюнул — у нас это мужик) и переплюнула Кикимору, произнеся заклинание: «На доске — доска, под доской тоска, высь под высь! — с эффектным завершением: — Заебись!» Сказал он это, Аллах Акбар, тихо, но за

кулисами было слышно, так что все закулисье медленно вымерло.

Аленушка была осмотрительней. На репетиции неизменно звучало: «Если не вернусь ровно к двенадцати с пивом, помрет мой хозяин неведомый!» — а на спектакле получилось: «Если не вернусь ровно к двенадцати с пивом, то с последними петухами помрет мой хозяин неведомый!»

В целом, было очень похоже на сказки Шуры Каретного: «Да не «Я — дробистый изумруд!», а «ядра — чистый изумруд!».

Но детям все равно понравилось, с радостными такими мордажами сидели.

Примерно с такой же мордажей главный режиссер потом насиловал всю труппу паяльником.

Эта история произошла на борту тяжелого атомного ракетного крейсера «Адмирал Нахимов», у стенки 8 причала, главной базы Северного флота в г. Североморске. Бывает так, что иногда не все идет по намеченному плану, но бывалые люди привыкли, а для «чужака» это в диковинку. Ну, подумаешь, перебой с питанием с берега, ну «вырубилось» освещение отсеков, ну сработало включение аварийного освещения, ну по одной тусклой лампочке в отсеке — но все ж видно. Опытный моряк уже на ощупь по родному кораблю бегом из носа в корму попадет. Так надо ж такому случиться, что в этот самый момент проверяющий из ГЛАВПУРа в красивой зеленой форме, с погонами генерал-майора, с пап-

кой (!), обходя кубрики личного состава на предмет житься-бытья, погрузился «во мрак», аккуратно находясь рядом с рубкой дежурного, и в недоумении застыл, явно оценивая обстановку. Далее привожу практически дословный диалог «военно-политического» генерала и дежурного по кораблю в звании капитан-лейтенанта

— Товарищ капитан-лейтенант, пожалуйста, проводите меня ко мне во флагманскую каюту.

— Товарищ генерал-майор, да все же хорошо видно. Проходите по правому борту сорок первый коридор, дальше несколько отеков, поворачиваете налево в коридор двадцать два, дальше два трапа вверх, еще налево... Все же хорошо видно...

Дежурный не договорил, так как выражение лица генерала менялось с каждым загадочным для его слуха словом — отсек, трап. Но больше всего его слух резала невозмутимая фраза «Да здесь все видно...».

И генерал изрек классическую фразу:

— Это вам (!), ебаны в рот, все видно! А я всю жизнь на танке ездил!

Александр.

Это опять Александр.

Тут еще у меня один случай.

Начало девяностых, март, боевая служба, Средиземное море, борт тяжелого атомного ракетного крейсера Северного флота.

Старший матрос А. службу проходил в дивизи-

зионе самообороны БЧ-2, но в силу того что был родом из Москвы, больше тяготел не к постоянным смазываниям маслом и протиркам «шилом» вверенного Родиной и командованием ракетной установки, а к интеллектуально-творческой работе по написанию нетленных статей в «Боевой листок» и получению почты, приходящей на дивизион. Поэтому подаренная экипажу корабля комсомольскими шефами видеокамера открывала всеобъемлющие просторы для дальнейшей реализации творческих планов, которые, в свою очередь, при грамотно выбранной стратегии смогли если не исключить, то резко сократить количество личного участия в приборках, проворачиваниях, ухаживаниях за ракетной установкой и прочее и прочее. Поэтому доложенная «большому заму» (заместителю командира корабля), идея срочно организовать (при непосредственном участии самого автора идеи) выпуск корабельной телепередачи, которая будет «способствовать укреплению боевого духа личного состава», нашла в его душе («большого зама») самую искреннюю поддержку. Да и зам сможет включить в отчет вышестоящему политическому начальству информацию об интереснейшей инициативе — о выпуске своими силами корабельной телепередачи, «прожектора перестройки и демократии», «светоча», я бы сказал, «рупора корабельной жизни» (очень кстати, что начпо эскадры является старшим политработником похода и тоже будет безумно рад подобной инициативе, что, в свою очередь, ляжет в виде отчета

замкомфлоту по политчасти, который однозначно будет рад подобной инициативе и отметит сей факт в своем отчете в политуправление ВМФ. И так далее и тому подобное, как говорится, вверх по трапу).

Редколлегия «Восхода» (так называли ТВ-проект) была назначена сразу: оператор — старший лейтенант И. (пропагандист корабля), так как видеокамеру можно доверить только офицеру; корреспондент — старший матрос А. (что открывало для него, как уже было сказано, в том числе возможность резко уменьшить количество заступлений в дежурства и на вахты в силу «профессиональной занятости на телевизионном поприще»); монтаж программы был возложен на матроса Д., оператора системы «Экран-32» (корабельная телестудия). Главный редактор проекта, генеральный продюсер и руководитель программы в одном лице, конечно же, замести-тель командира корабля.

Справедливости ради надо заметить, что программа выходила регулярно и была очень любима экипажем, в ней можно было увидеть много интересного, в том числе спящих на вахтах моряков (что особенно почему-то нравилось представителям южных республик: ну где еще можно увидеть себя родного по «тэлэвизору»), проведение приборок, швартовок и прочей дребедени со стороны, послушать интервью начфина на темы: «Денег нет и не будет»; «А зачем они вам на боевой?» и «Лучше думать о защите Родины, чем о собственных меркантильных интересах».

В общем, теперь у корабельной телегруппы была только одна головная боль: что бы еще заснять, у кого взять интервью и что показать любимому экипажу, чтоб, значит, было интересно. Гениальная идея нового сюжета пришла быстро, ровно с такой же скоростью, с какой на борту корабля появился очередной «пассажир» с грустным лицом в звании капитана 2 ранга. Как донесла «корабельная разведка», кагдва с грустным лицом оказался офицером по международному морскому праву, представителем походного штаба от Черноморского флота. Судя по занимаемой им должности, на борту нашего крейсера он просто маялся от безделья и к предложению ответить на ряд вопросов от корабельной масс-медиа откликнулся с радостью. Капитана 2 ранга с грустным лицом попросили прокомментировать одну пленочку, которую засняли месяцем раньше. Представьте себе тяжелый атомный ракетный крейсер, рассекающий Гибралтарский пролив под двумя флагами на мачте — СССР и... Марокко.

Дело в том, что, как было уже поведено раньше, корабль впервые пересек границы Союза, и вахтенный офицер, старший лейтенант О., вспомнив, вероятно, по училищу, что при прохождении судна в территориальных водах иностранного государства также поднимается флаг данной страны, отдал приказание сигнальщикам поднять флаг Марокко (данный участок пролива действительно был терводами этого африканского государства).

Но вот в чем неувязочка: если пролив явля-

ется общесудоходным, флаг иностранный поднимать не надо, но, видно, это старший лейтенант не вспомнил.

В общем, жаль, арабы не увидели данное чудо, думаю, что они бы просто обалдели от гордости за свои марокканские военно-морские силы. Еще бы, такой корабль американцам не снился, а здесь имеется на вооружении апельсиновой республики!

Надо было видеть выражение лица капитана 2 ранга, который, узнав об этом вопиющем факте, который мог разразиться международным скандалом, спросил только одно:

— А вы его точно поднимали?

— Конечно, тащ капитан второго ранга, у нас и пленочка имеется.

В общем, через десять минут по громкой связи корабля прозвучала команда: «Старшему лейтенанту И., старшему матросу А. прибыть в ходовую рубку к начальнику походного штаба».

На ходовом находились: начальник походного штаба контр-адмирал Ч., вахтенный офицер старший лейтенант К., капитан второго ранга с еще более грустным лицом, сигнальщики с грустными лицами и представители корабельной масс-медиа в лице оператора и корреспондента. Между начальником походного штаба контр-адмиралом Ч. и «тележурналистом корабельного масштаба» старшим матросом А. происходит следующая беседа:

— Ты флаг марокканский видел?

— Так точно!

— Точно видел?

— Так точно, у нас и пленочка... вот...

— Так он точно был марокканский?

— Так точно, красный с зеленой контурной звездой в центре, флаг Марокко, на картинке видел раньше...

Выражение лица начальника походного штаба меняется, старшему матросу А. передается невидимый для посторонних (прежде всего, для капитана 2 ранга с грустным лицом) сигнал, и тут он начинает понимать, что флаг он как бы видел, но вроде и не видел.

— В общем, видел, наверное...

— Иди к сигнальщикам, спроси, какой флаг они поднимали.

И сигнальщики, предварительно обработанные, сообщили (по секрету), что флаг Марокко поднимали, но для капитана 2 ранга с грустным лицом не поднимали.

— Товарищ контр-адмирал, разрешите доложить. Яркое средиземноморское солнце ослепило глаза, флаг действительно был, красный (даже вроде два одинаковых), но с родным желтым серпом и молотом. А пленка, как вспоминается, вообще была стерта за ненадобностью.

— Ну вот, товарищ капитан 2 ранга! — начальник походного штаба обращается к капитану второго ранга с грустным лицом. — Ошиблись все, флаг был и есть в настоящее время такой же, наш родной советский, красный.

И только тут выражение лица у капитана 2 ранга изменилось с грустного на менее грустное. Он облегченно вздохнул, так как совесть у

него сейчас же очистилась, да и межгосударственного скандала удалось избежать.

Это Петр!

В бригаде ОВРа Лиепайской военно-морской, можно сказать даже, базы (в начале 80-х годов) комбриг кавторанг Вова Поздняков (прозвища не имел, так как любимый личный состав просто заменял первое «о» на «и», и все было в порядке) на построение личного состава дивизиона малых противолодочных кораблей (МПК) заявлял, что:

на МПК № X в результате того, что матрос боевой части пять Ака Акаев, рожденный своей многострадальной мамой под знойным туркменским солнцем прямо на гору туземной ветоши, что-то там не вовремя повернул, засунув куда-то внутрь боевой техники свои шаловливые ручки, заклинило турбину;

на МПК № У вконец обнаглевшие крысы перегрызли-таки один из силовых кабелей от артустановки АК-725 (57-мм), и сделали они это именно в момент выполнения стрельбы по воздушной цели боевыми снарядами, отчего сдуревшая пушка, покотившись по горизонту, успешно сорвала стопора ограничения и единым залпом снесла половину ходового мостика, чуть не убив комбрига, который расчувствовался до того, что своей легендарной жопой развалил весь трап на главном командном пункте (ГКП), падая с него вниз;

на МПК № Z одуревшие от безделья старослужащие («годки»), насмотревшись предостав-

ленных замом фильмов о великой Гражданской войне, истыкали кого-то вилками, а офицеры штаба дивизиона, отмечая получение очередного звания одного из своих высококлассных специалистов, проникнув в женское общежитие музыкального училища, упились до того, что заняли жесткую оборону от прибывшего коменданта гарнизона, выбрасывая из окна различные предметы дамского обихода и мебель, в том числе и настенные часы, и, не сумев выкинуть пианино, не пролезшее в окно, выбросили его по частям.

Потом комбриг сказал о противоестественном происхождении личного состава вверенной ему бригады, большинство из которых были детьми «свиней и шакалов», после чего он закончил свою речь как обычно:

— В то время, когда Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и лично Генеральный секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов прилагают невероятные усилия для того, чтобы поднять боеготовность наших Вооруженных Сил, это блядское отродье делает все наоборот, так что с полной уверенностью можно сказать: СТРАНЕ НУЖНЫ ГЕРОИ, А ПИЗДА РОЖДАЕТ ДУРАКОВ! ПОЭТОМУ НАПИШИТЕ ВАШИМ МАМКАМ, ЧТОБЫ НЕ ЕБЛ-Л-ИСЬ В ПАРАХ «АГДАМА!!!» — Потом он поворачивался к сомлевшему от таких речей начальнику политотдела и говорил: — Я все правильно сказал?!!

Четвертый курс военно-морского училища, сменился я с наряда, а в увольнение не пошел — было уже поздно. В 23.00 включили ночное освещение. Отбой. Лежу в койке и смотрю, как ребята возвращаются из увольнения. Поворачивая с освещенного центрального коридора в проход между шкафами и койками, каждый немного замедлял движение, но не останавливался, а продолжал идти — просто в момент входа в темноту, пока глаза не привыкнут ко тьме, ничего не видишь, а идти продолжаешь. Мне было грустно и чуть-чуть завидно оттого, что они-то побывали в увольнении, а я — нет, поэтому я встал и поставил в начале темноты табуретку.

Первый же повернувший в проход врезался в нее голенью — как это больно, я сам почувствовал через неделю, вернувшись из увольнения. Интересно другое: ни один человек из тех, кто в тот вечер играл с табуреткой в футбол, не убрал ее — нет! Каждый вернул ее на прежнее место, так сказать, с «любовью», для следующего.

Это чтоб, значит, не он один в нее врезался.
Так грустно иногда чувствовать себя одиноким!

Было когда-то в городе Баку Каспийское высшее военно-морское училище (КВВМКУ) имени Кирова и было в нем несколько факультетов. Причем на некоторых из них готовили комсостав флотов Кубы, Ливии, Вьетнама и даже Гер-

манской Демократической Республики (ГДР), которую мы ниже и помянем.

Баку в те годы был дружелюбным и даже приветливым городом. Красивый и просторный, он предлагал всякие возможности для отдыха курсантов всех мастей.

И отдых этот на улицах города охранялся знаменитой Бакинской милицией, укомплектованной в основном национальными кадрами.

Вот с этими кадрами курсанты-каспийцы очень часто имели различные мелкие неприятности в виде всяких мордобоев.

Было дело в 1984 году, мы — пятый курс, а пятый курс — люди серьезные. Им даже доверяют дежурить помощниками дежурного по училищу, и они на этом деле подменяют двух офицеров — дежурного по училищу и его старшего помощника — с часу ночи и до пяти утра, сидя на телефоне в стеклянном аквариуме — рубке дежурного.

Один мой друг заступил помощником дежурного по училищу. В этот же самый день два курсанта четвертого курса штурманского факультета с фамилиями Зайцев и Кадерли, переодевшись в гражданское платье, как водится, в ротном помещении, убыли в увольнение в город Баку. Убыли они в классической манере — через КПП-3, где всем на все было наплевать, в отличие от КПП-1, где народ в таком виде иногда ловили.

(Нужно заметить, однако, что Бакинская милиция знала о существовании иностранных факультетов в КВВМКУ им Кирова.)

После бесцельного шляния по городу Зайцев и Кадерли остановились в баре ресторана «Интурист», где они очень быстро надрались в сиську, после чего там же и учинили гигантский мордобой.

Милиция их повязала и начала писать протокол, результатом чего стало следующее событие, о котором и поведал мой друг.

В полвторого ночи — звонок на пульт дежурного по КВВМКУ им Кирова.

Мой друг снимает трубку:

— Алло! Эт Каспийский училищ-эээ? Эт капитан Мамэдов каварит!!!

— Да, да, слушаю вас! Помощник дежурного по училищу на связи!

— Ал-лла, слющий, памощнык! Мы тут ваш два нэмецкий курасант взял в «Интуруыст» савсэм нажрат-ва! И полный мардабой учинил-ва! А парусски савсэм нэ панимаит-ээээ!!!! Мне чего с ным делат? Савсем буйный, слющ!

— Мы сейчас вышлем дежурную машину, однако у нас вроде все с третьего факультета (социалистические страны) на месте. Хм!

— Ара-эээ, какой на местэ!!! Какой?!! Такой патасовка! Такой патасовка!!! Буйный! Савсэм буйный-эээ!

— Ладно, вы протокол составили? Дайте их фамилии, я сейчас буду высылать машину за ними!

— Канечна составил пратакол! А как жи? Пици фамилий: один... эта... Карл... Либкнехт, а другой... слющай... самый гад-эээ!!! Другой... Эрнст Тельман!!!

Пауза на том конце трубы и потом вопрос:

— Слушай, Мамедов, а с ними случайно Клары Цеткин и Розы Люксембург не было?

— Ара-эээ! Как нэ бил?! Бил!!! Бил-лллять немецки!!! Бил, но они убежали-эээ!!!

Зайцева и Кадерли потом привезли в училище, где им немедленно вкатили по пять суток ареста.

А на подведении итогов, где все это зачитали, все от смеха просто лежали, и даже суровый начальник факультета Сергеичев улыбался:

— Революционеры! Эти иху мать!!!

3

Упоительно! Именно такое слово и приходит на ум, когда я о флоте вспоминаю.

Упоительно! А старпом мой говорил:

— Мне тут в голову пришла одна мысль!

На что я ему немедленно замечал, что в голову может прийти одна только пуля, а мысль приходит на ум, после чего старпом объявлял мне выговор «за неумение вести себя со старшими и чудовищное чувство непонимания всего смысла корабельного устава».

А еще у меня были выговоры «за издевательство над временем проведения общественных мероприятий» и «за нежелание ясно отдавать себе отчет в необходимости социалистического соревнования».

Мы тогда в городке жили. В доме номер 59. У нас там с Саней Гудиновым на двоих была квартира, где мы делали приборку два раза в год: один раз зимой, другой — летом.

Спали мы как попало, а пьяных друзей выносили в коридор.

Там был общий коридор. Длинный-предлинный. Так что их очень удобно там было раскладывать. Прямо в шинелях Николая Васильевича

Гоголя. А все потому, что ночью они могли встать и на нас с Саней нассать.

Было уже такое: встал, как сомнамбула, и пошел со стоном в шкаф, а мы проснулись и кричим ему:

— Куда, блядь!

Тогда он повернулся и пошел на нас, не забывая стонать.

Еле простыней успели отгородиться.

Вот поэтому и выносили их прямо в коридор. Там-то мы особенно ненадежных и клали на глянцевою политическую карту мира, которая для этих целей у нас всегда имелаь. Там еще все страны НАТО были очень красиво обозначены. Она какое-то время на стене висела, и по ней Саня всегда проверял совесть и память. Он говорил мне:

— Ну-ка, посмотри там: точно ли то, что Андорра — это государство с двумя буквами «эр»?

И я смотрел, и говорил ему:

— Точно!

После чего он замечал, что, наверное, можно было бы нам с ним еще чего-то выпить.

А если вы подумали, что мы с Саней горькие пьяницы, то зря вы так подумали. Пили-то мы с ним только на берегу и только после автономки и только три дня, потому что было такое время, когда мы только эти три дня на берегу и находились.

А однажды в две автономки подряд сходили. Только пришли — как опять в море на полные девяносто суток. Представьте себе: все, радостные от ерунды, носятся по ПКЗ, готовятся к отпуску, и вот приходит командир из штаба, и вмес-

то отпускных мы через полчаса уже получаем на борт продукты на следующий поход — какво! Просто тенью о плетень!

Первым об этом узнал, конечно, Саня. Он вбежал в каюту весь растрепанный, обвел всех присутствующих безумным взглядом, сказал:

— Нас в автономку посылают! — И в отчаянии добавил: — И это хорошо!!!

Конечно хорошо. Мы потом не помню как в Хосте, в санатории, оказались — птички, зелень, сосны, запахи смолы, моря. Мы стоим с ним и нюхаем воздух, а к нам медицинские сестрички подходят и спрашивают:

— А чего это вы, ребята, девушками не интересуетесь?

На что им Саня и говорит:

— Да идите вы все на хуй! — А потом он опять нюхает воздух и добавляет: — Заебали! — после этого он поворачивался ко мне и произносил следующее: — Нюхай, Саня, и никого не бойся! Я прослежу, чтоб тебя не беспокоили!

А еще нам там делали полоскание десен сероводородными водами. В рот вставляли трубку и включали орошение, после чего Саня утирал себе губы платочком и говорил:

— Мне будто в рот насрали! Ты точно знаешь, что все это полезно? — после чего он шел к врачам и требовал от них отчета в том, что все это полезно.

А на входе в зону режима радиационной безопасности у нас прямо к скалам был привинчен громадный плакат, на котором радостный матрос

огромными руками судорожно сжимал автомат Калашникова. Надпись под ним гласила: «Бдительность — наше оружие!» — а внизу кто-то приписал: «Североморец! Не води ебалом!» — это, значит, для разъяснения. То есть чтоб с бдительностью все было понятно.

А когда мы стояли после очередной автономки на подъеме флага, то Саня всегда приставал к доктору:

— Док! А чего это у меня на правом яйце вчера такая нашлепка обнаружилась?

— Какая нашлепка? — вступал в разговор доктор.

— Откуда я знаю? Щупаю я вчера яйцо под одеялом, — говорит Саня, привлекая к разговору окружающих, — а там что-то такое сверху! Может, опухоль какая, думаю? А потом я решил, что если это опухоль и жить осталось полную чушь, то надо бы пойти к бабе. Встал и пошел к бабе, а наутро опять яйца щупаю!

— Ну и как? — забеспокоились остальные.

— А никак! Нет опухоли! Кончилась! — И сейчас же все стали прямо в строю проверять свои яйца на предмет отсутствия опухоли.

А доктор при этом смеялся, как ненормальный, после чего нам и дали выходной.

Первый за семнадцать месяцев.

Я даже с вечера радио приглушил, чтоб в шесть часов утра нам гимном не ебнуло. А то ведь пошелестит, пошелестит, да как влупит: «Таддам!.. Со-юз не-ру-ши-мы-й...»

А Саня пошел к бабе. Причем с вечера. Предупредил меня:

— Я из гарнизона смываюсь в город-герой Вьюжный. Там у меня баба. Вот тебе адрес. Чуть чего, ты за мной сбегашь?

И я ему обещал сбегать, потому что есть еще на свете настоящая мужская дружба. Пообещал и тут же вырубился.

А проснулся я утром оттого, что кто-то в дверь молотит.

Я сейчас же посмотрел на часы и почему-то на радио, которое вчера еще выключил. На часах было без пяти восемь утра, а радио молчало.

Значит точно: в дверь колотят.

Я встал и поперся открывать. За дверью стоял рассыльный:

— Старший лейтенант Гудинов есть?

— Нету!

— В 13.00 в штабе флотилии состоится КБР, и командир приказал ему быть!

— Хорошо, передам! — сказал я и пошел одеваться.

КБР — это корабельный боевой расчет, я-то в нем не участвую, а Саня там — главное действующее лицо.

И приспичило же КБРу случиться в воскресенье. Не иначе как командир лично попросил командующего.

До КПП на выезд из городка — два километра; до Вьюжного по дороге счастья — еще восемь. Но это только до поворота. А после поворота до первых домов — с километр будет. И там покружить, пока я этот адрес отыщу, еще считай километра два всяко. То есть в сумме у нас вы-

ходит 13. И это в одну сторону. Где-то у нас были кроссовки.

Через десять минут я уже бежал в сторону КПП.

И хорошо, что дело было летом, а то однажды с Саней бежали зимой в полной темноте полярной ночи. А тут еще снег повалил. Причем снежный фронт нас нагнал и немедленно сделал из нас двух белых медведей.

А впереди по дороге шел мужик из отпуска и пинал перед собой чемодан. Видно, ему наскучило его нести. Пнет он чемодан — тот отъедет метра на два, он догонит его и снова пнет. Так и шел.

И вдруг он почувствовал, что его нагоняет кто-то. Обернулся, а потом схватил свой чемодан и помчался быстрее рыси. Так мы с Саней страшно выглядели среди снегов.

А теперь — лето, то есть красота.

Вот только я давно после моря не бегал, так что надо бы бежать аккуратно, чтоб нога не подвернулась. А то ведь подвернется, не приведи господи, так, как только и может подворачиваться военно-морская нога в военно-морском ботинке — туда и обратно. А потом она распухает на глазах.

До Выюжного я добежал за два часа. Еще минут тридцать искал тот адрес, что мне Саня оставил. Потом нашел и позвонил в дверь.

Дверь открыла женщина лет сорока пяти. Сане нашему двадцать шесть, и выглядела она, как его приемная мама.

— Вы не скажете, — начал я вежливо, — не

у вас ли сейчас находится Александр Гудинов?

— У нас, — сказала дама, и рядом с ней появилась физиономия Сани. Судя по его внешнему виду, он опять всю ночь восстанавливал себе яйцо.

— Саня! — сказал я, — КБР в 13.00 во флотилии.

Минут через пять мы уже бежали в обратном направлении. Саня всю дорогу дышал, как раненая зебра, сморкался и харкался, а перед самым КПП его вырвало на обочину.

Ровно в 12.00 мы ввалился к себе, Саня переоделся во все военное и умчался на КБР.

А я упал в постель. У меня потом все кости еще неделю болели.

Командир тут же узнал про наши с Саней приключения и сперва захотел его на месте просто убить, а потом посмотрел пристально на то, в каком он виде, и простил.

ДЫРКА

— Пиздыкин шварц! — произнес Саня Гудинов, и я с ним не мог не согласиться: именно пиздыкин и именно шварц, что в переводе означает «черный пиздец»

Ни я, ни Саня не были бы столь радикальны, если бы Палыч прибыл на построение в новой шинели. Но он прибыл в старой. Палыч жил на горе. Там бежать в беспомощности вниз по кочкам в темноте полярной ночи, скользя и поми-

нотно припадая на жопу, ровно пять минут, а потом — опять паровозиком в гору, а потом опять с горы и опрометью до казарм, а там, задыхаясь, на третий этаж — дверь рывком на себя, и мы уже в казарме, и ну проверять любимый личный состав... Вот только что-то беспокоило все время на бегу нашего Палыча, что-то покалывало в спине, что-то пощипывало.

А пощипывало вот что: у него из шинели сзади домашние накануне вырезали огромный кусок сукна, потому что младшему сыну он понадобился на уроки труда.

Мама, не долго думая, подошла к вешалке, нашла там старую шинель и вырезала из нее поле. На этом поле младшенький должен был еще цветочки нашить.

А Палыч утром вскакивает совершенно отуманенный, потому что очень спать хочет. У вешалки он натягивает на себя все, что под руку подвернется, — там все равно все военное, а просыпается он уже на второй горе, после чего он влетает в казарму, где немедленно начинает воспитывать дорогой его сердцу личный состав.

В прошлый раз он воспитывал его в домашних туфлях, которые он так и не поменял на ботинки, промчавшись в них, цокая совершенно одревеневшими пятками.

Просто пятки у Палыча от постоянного бега по полярному бездорожью давно отвердели, как копыта у Маугли.

И это цоканье, между прочим, и ввело его в заблуждение, потому что оно его убаюкивало, и

с этим цоканьем он ощущал себя совершенно нормально.

А в этот раз он напялил истерзанную шинель, в которую сзади будто стая голубых акул вонзилась, и, не забывая на бегу почесывать спину — заноза там, что ли? — примчался на осмотр формы одежды вверенного ему подразделения, где немедленно учинил всем громкий разнос за полный хлам, в который они были одеты.

При этом он был бодр и вращался во все стороны, спеша то к одному подчиненному, то к другому так резво, что только лохмотья сзади чертили за ним по воздуху пируэты монастыря Шао Линь.

— Палыч! — сказали ему все, когда терпеть это уже сил не было, потому что не только подчиненные, но и начальство от сдерживаемого смеха давно уже глотать не могло. — Тебе что медведи сзади жрали?

— Г-xxx-де? — выпучил он глаза, а потом, сбросив с себя шинель, под общий гогот еще долго недоуменно трогал пальчиком края огромной дырки.

ПАЛЕЦ

Лето и тишь — время для развлечений.

Для развлечений нужен палец.

Указательный, конечно.

Такой палец имеется.

У боцмана Дим Димыча.

Он у него размером с нежинский огурец.

А вот развлечения у нас такие: боцман стано-

вится под люком центрального поста, и когда кто-нибудь спускается в шахту люка (лучше молодой мичман), то он движется, движется, движется по вертикальному трапу, спускается то есть в люк, и тут, на последних ступеньках, его задница встречается с напряженным пальцем боцмана.

Боцман у нас огромный, усатый. Как только он втыкает свой указующий перст несчастному прямо в пенал, то тут же, оглаживая усы свободной рукой, произносит следующее:

— Почтенная публика! Всемирно известный аттракцион! Мальчик на шесте!

После этого боцман чуть поднимает руку вверх, а бедняга в это самое мгновение все еще по инерции пытается преодолеть неожиданное препятствие и старается продвинуться вниз.

Так что какое-то время он барахтается, мотает руками и ногами, а боцман в этот момент раскланивается, держа его на руке, как ручного сокола.

В этой затее участвует множество людей, потому что надо отследить молодого мичмана и до того, как он начнет сползать по трапу, настроить боцмана, а тот уже настраивает палец... в общем, всем работы хватает.

Но однажды вышло вот что. Есть у нас мичман Колотько, и этот мичман не только молодой, но и проворный.

Так вот, перед самым спуском вниз Колотько обогнал в рубке заместителя командира корабля, капитана второго ранга Зайкова, вес которого после обеда достигает неполных ста двадца-

ти килограммов. Перед самым люком Колотько вдруг засуетился и пропустил старшего по званию впереди себя на спуск.

А там его уже ждала подлая шайка старых мичманов вместе с боцманом, потому что им сверху передали, что спускается мичман Колотько, а про зама забыли передать.

Давно замечено, что все происходит только тогда, когда нарушается организация.

Вот сработай организация вовремя, и ничего бы не было. То есть я хотел сказать, что все было бы, как и всегда: надели бы мичмана на палец и успели бы посмеяться и снять его с этого предмета повседневного обихода до подхода заместителя.

А тут...

А тут пришлось снимать с него зама.

Должен заметить, что обычный мичман с пальца снимается легко и непринужденно, чего нельзя сказать о заместителе командира.

Вместо того чтоб повисеть на пальце, дергая руками и ногами, зам зачем-то пукнул и полез было назад наверх, быстрый, как гиббон, но, не сделав и двух стежков по вертикальному трапу, он оборвался и упал.

А ошарашенный боцман в это время стоял, совершенно окаменев от происходящего и, открыв свой рот, все еще держал под люком свой долбаный палец размером с упомянутой овощ.

В общем, зам, падая, еще раз попал на палец, после чего он и обосрался.

Да! Вот еще что: палец-то он боцману сломал.

ВОЙНА НА МОРЕ

Опа-на! Нас опять в море выгоняют обеспечивать торпедные стрельбы.

Опять на тэ-эл сажается маневренная группа во главе со старпомом.

Нашего старпома, Переверзиева Андрея Антоныча, все побережье знает. Он теперь у нас весит ровно сто пятьдесят килограмм при росте сто девяносто пять сантиметров.

А тэ-эл — это торпедолов. Он торпеды находит после торпедной стрельбы, для обеспечения которой и сажается на него Андрей Антоныч, штурманенок, мичман-связист и парочка лейтенантов — так, на всякий случай.

А отправлять Андрей Антоныча с ватагой должен я, поскольку я стою дежурным по кораблю.

— Саня! — говорит мне старпом, — там, на пирсе, мне кое-что привезли в коробочках, так ты посмотри, чтоб, значит, зама нашего не нервируя, их аккуратненько сейчас на борт тэ-эла оттаранили.

И я пошел посмотреть, что это за коробочки нашему старпому привезли.

— Хабибулин! — спросил я вечного вахтенного на верхушке матроса Хабибулина, — где тут коробочки старпому передали?

И он мне кивнул на эти коробочки. Коробочки были до боли знакомого зеленого цвета. Где-то я все это уже видел. Я открыл одну коробочку и понял, что видел я это на занятиях по стрелковому вооружению — в коробочке лежал гранатомет.

Интересные у нас теперь выходы в торпедную атаку! То есть наш старпом отправляется в море на торпедолове не совсем, скажем так, для того, чтоб торпеды ловить?

— Совершенно верно! — раздался за моей спиной голос Андрей Антоныча, который и помог мне закрыть крышку зеленой коробочки.

— Андрей Антоныч! — успел сказать я.

— Саня! — заметил мне он очень устало, — я тебе чего сказал? Я сказал: оттащить все это на тэ-эл так, чтоб ни одна собака, в том числе и заместитель командира, это все не видела. Кстати, ты в число тех, кто ничего не видел, тожеходишь!

— Андрей Антоныч!

— И не надо делать себе глаза матери вождя!

— Андрей Антоныч, это же гранатомет!

— Нет! Это не просто гранатомет! Это целых два гранатомета! А еще там два миномета, два ПТУРСа и один пулемет ДШК — Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный с кучей патронов, и еще ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс) мне ребята обещали подвезти. Это у меня все для друга Джонни из Бостона приготовлено. А то мне надоело на него с АКМами ходить.

Видите ли, Андрей Антоныч наш посылается с торпедоловом на обеспечение торпедных стрельб с удручающей регулярностью, а там их ждет американский крейсер, который при нашем приближении вывешивает флажки, мол, «не могу управляться», а потом начинает маневрировать так, что мама дорогая, только и успевай

уворачиваться. Вот Андрей Антонычу и надое-
ло бегать. В прошлый раз он в крейсер из двух
АКМов стрелял.

— Андрей Антоныч, так это ж война! — за-
метил я, соображая, как бы мне все это богат-
ство незаметненько от зама на тэ-эл перетащить.

— Саня! — Андрей Антоныч так зевнул от ску-
ки, что цыпленок ему в рот запросто поместился
бы, — да какая, на хер, тут может быть война!
Какая война на море, если у меня нет ничего,
что принято на вооружении в военно-морском
флоте.

— То есть?

— А ты сам взгляни! Все же сухопутное!

О! Ловко! То есть сухопутное вооружение не
в счет?

— Именно! — поднял Андрей Антоныч свой
палец вверх. — Именно, друг мой! Изучай морс-
кое международное право! Там все сказано!.. Ка-
жется... А может, и не там это сказано. Я-то, ста-
рый, уже многое не помню. Я же по ящикам
деревянными стрелять собираюсь. По плавающим
ящикам. Не запрещено это, надеюсь?

— Но... я не знаю...

— Зато я знаю! Чтоб через пять минут все
это на тэ-эле было.

Так что через пять минут это все было на тэ-
эле, а через десять минут они в море вышли.
Что у них там потом было, мне Витька-штурман
в красках рассказал.

Как только лодочка отстрелялась торпедами
и наш торпедолов отправился их искать, немед-

ленно на горизонте нарисовался Джонни из Бостона вместе со своим крейсером.

А дальше было, как и всегда: Джонни вывесил флажки.

А Андрей Антоныч вывесил другие флажки, мол, «произвожу стрельбы», после чего за борт были сброшены два ящика, которые, надо ж такому случиться, оказались прямо по курсу у американского крейсера.

После этого они были зверски расстреляны залпом из гранатомета.

Крейсер от изумления лег в дрейф.

А когда его отнесло в сторону тэ-эла, на палубе появился сам Джонни из города Бостона.

— Андрей Антоныч! — радостно воскликнул Джонни на чисто русском языке с помощью специального громкоговорящего устройства, — Как здорово вас снова видеть!

— Здравствуй, Джонни! — отвечал ему наш старпом.

— А чего это вы палите непонятно из чего?

— А чего нам не палить? Имеем право! И заметь, Джонни, что попадать под залп из ПТУР-Сов, которым смешна броня всех мне известных современных танков, крейсерам и вовсе не рекомендуется. А еще у нас есть один пулеметик, который обожает низколетающие воздушные цели. У тебя есть на борту низколетающие воздушные цели, а, Джонни?

— Здорово придумали, Андрей Антоныч! — прокричал Джонни. — Скажу своим, пусть они это все обмозгуют.

— Ну, если есть мозги, — заметил наш старпом вслед уходящему крейсеру, — то почему бы ими не воспользоваться по прямому назначению?

Вот такая у нас вышла история.

Зам, конечно, все узнал, как только с моря пришли.

— Андрей Антоныч! — ворвался он к старпому, — как это понимать?

— А что такое?

— Вы же напали на американский крейсер в полигоне боевой подготовки! — визжал зам.

— А кто тебе пожаловался? Уж не Джонни ли? — усмехнулся старпом.

— По линии МИДа... — начал было зам.

— Значит так, Сергеич! — со старпома мигом слетела вся его вальяжность. — А твой МИД поинтересовался хотя бы один раз, как я здесь обеспечиваю уважение к моей державе? А? Капитан второго ранга Переверзиев, идите с голыми руками на крейсер? Так, что ли? Где был твой МИД, когда нам лодку в прошлый раз чуть пополам не переехали? «Андрей Антоныч, отгоните крейсер!» Ты мне рожу-то не криви. Я твой МИД прекрасно понимаю. Хочется и рыбку съесть, и на хер не оступиться! Очень удобная позиция!

— Андрей Антоныч, вы знаете, куда вас вызывают?

— Знаю! В ООН! — в этот момент старпом захохотал так, что всех бакланов на заливе распугал.

А вызывали его в штаб, где он долго потом рисовал всякие курсы — свои и американца.

ПОРТРЕТ

Наш старпом — Андрей Антоныч — застал зама в кают-компании с портретом президента в руках.

— Вот, Андрей Антоныч! Надо бы повесить где-нибудь! — сказал зам.

Старпом имел вид хмурый и невыспавшийся, поэтому сперва он буркнул заму:

— Давно пора! — а потом устался на то место на стене, где у нас еще недавно портрет Ленина красовался. Лик Владимира Ильича был когда-то набран разноцветным шпоном на доске, после чего он был покрыт сверху слоем лака в палец толщиной. Висел он в кают-компании с незапамятных времен, с самого схода нашей лодки со стапелей, так что все к нему привыкли, как к части интерьера.

— А куда у нас делся портрет Ленина? — спросил старпом зама.

— Ленина? — зам выглядел смущенным.

— Ну да, портрет на доске? Куда он исчез? Он, кстати, входит в состав имущества кают-компании вместе с морским пейзажем! Пейзаж на месте, Ленина нет! Ну? И где наш деревянный Ильич? — старпом смотрел на зама в упор.

— Ленина?.. — все еще размышлял зам.

— Да, да, его! Ленина! Нашего! Прошлого! Вождя! Портрет! Где он?

И тут в глазах у старпома появляется чертовинка.

— Сергеич, — начинает он вкрадчиво, — это ведь не я у нас хранитель идеи. Это ты.

Так вот, скажи мне, яхонт изумрудный, куда мы все время попадаем с такими хранителями? А? Все место себе достойное не можем найти! Все тянет нас в места недостойные и жопой называемые!

Зам становится пунцовым.

— Значит, выбросил Ленина к ебням, за необходимость? — старпом притворно вздохнул и воздел глаза в подволок.

— Андрей Антоныч, я...

— А теперь ищешь место для нового вождя?

— Я...

— Так вешай сюда, место-то пустует... святое. Так что вперед! Вешай вместо Ленина.

Андрей Антоныч посмотрел еще раз на зама с интересом и продолжил:

— А ты ведь наверняка Ленина-то не выбросил. А, Сергеич? Спрятал его под матрац! Со знайся! Спрятал? И спишь теперь на вожде? А? Но вот пришла замена. Дождались. Пришла замена вождю. Дай-ка на замену повнимательней посмотрю!

Андрей Антоныч взял портрет президента и начал его разглядывать. На портрете в профиль был изображен наш верховный главнокомандующий, одетый во все наше морское, да еще и в шапке с ручкой.

— Мда-а-а-а! — сказал старпом задумчиво. — А вот мне такую шапку с ручкой, видимо, уже не дадут...

Этот момент я посчитал удобным для того, чтобы доложить старпому о суточном плане дивизии.

— Андрей Антоныч! Разрешите доложить о плане?

— Погоди, Саня, на хер! — остановил меня старпом. — Не видишь, мы делом заняты. У нас еще президент не повешен. Мы хотим поместить его вместо Ленина, но все еще терзаемся. Сомнениями. Совесть нас гложет.

Наконец старпом оставил зама в покое и спустился к себе в каюту.

— Вот, Саня, какие у нас дела. Зам портретами занят, а мы — планами дивизии. И у каждого, заметь, есть свой кусок для повседневной обработки. Кто-то пулю ловит, кто-то дырки сверлит. Или использует старые дырки. Под портреты. Страна на откупе у разных ведомств. И все при деле, что характерно. За нами — море и держава, а за ними — смена декораций.

Старпом вздохнул и продолжил:

— Да, так вот! Если кто-нибудь помрет из верхней шайки внезапно, не забудь мне доложить. Будет повод наполнить бокалы. Ну, так где там твой суточный план? Давай его сюда.

НА ТЕМУ БРАТСКОЙ ЛЮБВИ

— Андрей Антоныч, Атаев Хабибулину в морду дал! — это я, стоя дежурным, докладываю старпому о происшествиях за ночь.

Собственно, не доложить я не могу, хотя все и так все знают — у Хабибулина фингал под глазом в пол-лица, и зам вокруг него с самого утра вился.

Старпом наверняка уже в курсе, но есть же еще и официальная часть.

Официальная часть гласит: дежурный должен доложить командованию о случившемся за ночь.

Вот я и докладываю.

Старпому доклад не понравился. Он вообще сегодня не в духе. Вид у него хмурый, удавистый.

— Ну и что, товарищ дежурный?

Когда Андрей Антоныч говорит мне «товарищ дежурный», лучше называть его «товарищ капитан второго ранга».

— По факту избиения мной проведено расследование, товарищ капитан второго ранга! — Вот так. Мы тоже не лыком шиты.

— А меня ваше расследование меньше всего волнует. Вместо того чтоб расследовать, вы бы делом занялись! Или заняли народ! Тоже делом! Вот почему у Атаева руки оказались настолько свободны и не вымучены, что он смог одну из них не только поднять до уровня собственных очей, но еще и дать ею, сжатой в кулак, в соседний глаз матросу Хубибулину? А? Бардак по-прежнему развивается по спирали? Почему Атаев до сих пор не в трюме? Почему оттуда не торчит его задница в классической для всех индейцев позе собаки?!!

— Она уже торчит, Андрей Антоныч!

— Где зам?

— Убыл в дивизию.

— Что он там забыл? Что он там все время ошивается? Последние слухи проверяет? Значи-

ца, так! Зама сюда! Атаева достать из трюма, отмыть по возможности, и после этого всем в кают-компанию.

Через десять минут в кают-компании были все — зам, Атаев, я и Андрей Антоныч.

— Так вот! — начал старпом. — Довожу до всех собравшихся, что на нашем корабле последний случай рукоприкладства произошел лет пять назад. Я тогда только вступил в должность и не успел сразу и навсегда всем привить любовь к ближнему. А эта любовь, как известно, прививается шестичасовой строевой подготовкой на плацу в любую погоду и походами к дяде прокурору, чтоб ощутить дыхание тюрьмы. Атаев!

— Я, тащ-щц-ка! — глаза у Атаева уже круглые.

— Вы что, на этом корабле большой годок, чем я?

— Никак нет, тащ-щц-ка!

— А почему вы позволяете себе то, что не позволяю себе я? А? В глаза мне смотри, восходящая звезда увядающего Востока! Где это принято? В вашем ауле? Так вот, здесь вам не аул! Запомните! Зарубите себе где попало! Здесь подводная лодка, где все люди братья! И все охраняют друг другу спину! И сон! И жизнь! Вот как теперь Хабибулин будет охранять тебе жизнь, спину и сон? Одним глазом! А если я сейчас прикажу ему тебе в глаз дать? Для справедливости! Уравняем вас в возможностях! Прямо при заме! Сейчас придет и вмажет тебе! Чтоб глазное дно мозжечка коснулось! Как это? Не

очень больно будет? Вы будете жрать у меня дерьмо из трюма немытыми ладонями до конца своей жизни! А конец этот установлю только я! Когда ДМБ? В мае? Не будет его в мае! На сколько мы можем его задержать по закону? — вопрос адресован мне.

— До конца июня, товарищ капитан второго ранга!

— А без закона?

— На сколько угодно, Андрей Антоныч!

— Вот! Слышал, Атаев? Я здесь закон!

— Так точно, тащц-ка! — у Атаева глаза квадратные.

— Я здесь мама, папа, аллах, отец небесный и дух святой! И еще я здесь государство, суд, прокуратура и место для исполнения наказания! А во время учения я тебя расстреляю к едрене матери, после чего я тебя спишу на боевые потери! Войдешь в три процента! Понятно?

Атаев головой уже дергает.

— Так, дежурный, в трюм его на три дня. Потом на плац на шесть часов. На гауптвахту сажать не будем, я его лучше в тюрьму сразу упрячу. Заместитель командира! (это уже заму) Провести занятие на тему братской любви! Объявить всему личному составу, что если любви не будет, то я всех сгною!!! А теперь все свободны в пределах веревки. Дежурный! Ко мне в каюту!

Когда я зашел в каюту, Андрей Антоныч уже выглядел почти мирно.

— Значит так, Саня! Завтра этого урода на плац! И чтоб выл! Но по плану! План строевого

занятия чтоб был! Я проверю! И так каждый божий день! Конец забрезжит на следующей неделе! Может быть! Я сказал, на неделю его в трюм? Я ошибся! На месяц! Все понятно?

И всем все стало понятно.

Атаев пахал, как Папа Карло.

Забегая вперед, скажу, что через месяц Андрей Антоныч его простил и отпустил на ДМБ в мае.

ГИМН

— Андрей Антоныч, — нарисовался я в проеме старпомовской каюты, — группе командования следует сдать зачет по гимну в дивизии.

Андрей Антоныч посмотрел на меня с большим интересом.

— Что группе командования следует сделать? — переспросил он.

— Сдать зачет то гимну. Гимн у нас теперь новый, вот все и приглашаются на зачет. А потом в каждом экипаже надо принять экзамен у всего личного состава, о чем и доложить рапортом.

Андрей Антоныч снял очки и, задумчиво обсосав одну дужку, бросил их на стол. Потом он откинулся на спинку стула.

— А где зам? — спросил он вполне мирно.

— Я здесь, Андрей Антоныч! — зам возник за моей спиной почти из ничего.

— Сергеич! — сказал старпом после некоторого разглядывания всего, что было разложено на столе перед ним. — Это у нас чья же инициатива будет?

— Спущено сверху! — не задержался зам с ответом. — Весь штаб сдает зачет по знанию нового гимна начальнику штаба, а он — командующему!

— А командующий — главнокомандующему? А тот — верховному главнокомандующему? Так, что ли?

Зам пожал плечами.

— Никакой зачет по гимну я сдавать не пойду, — хмуро буркнул Андрей Антоныч, снова уткнувшись в бумаги. — Сами там с этой херней разберетесь!

— Андрей Антоныч, приказ... — начал было зам.

— Что «Андрей Антоныч»? Что «Андрей Антоныч»?!! Вы вообще понимаете, что происходит, или нет? — голос у старпома начал наливать полудрагоценным металлом. — На моем веку это уже третий гимн! И если все на этом свете охуели, то меня прошу во все это не мешать! Я и первого-то гимна слова не помню, не то что последнего! И кстати, прошу заметить! — старпом воздел палец к небу. — Я их и не должен помнить! Все эти ваши гимны! Я служить должен! Понятно? Служить! Я замереть должен при первых же звуках этого великого произведения по стойке «Смирно!» и так оставаться, пока не остынут его последние аккорды! А петь я не должен! Я вообще с трудом воспринимаю песни в строю, потому как считаю, что флот следует навсегда освободить от этой буденновщины! А тут вы являетесь ко мне!!! И предлагаете в трезвом уме гимн прокукарекать?!! Да еще и не просто так!

Утром над раковиной! А в присутствии высокого проверяющего лица!!! Так, что ли? То есть оно — то лицо таким замысловатым образом будет судить о том, насколько горячо я родину люблю? А? Пение как проверка профпригодности? Я что?!! Лучше от этого в море ходить буду?!! Ну?!! Или это проверка на лояльность? А может — на природную идиотию? Вы на что меня проверять вздумали! А?

— Андрей Антоныч, это не мы! — успел вставить я.

— Молчать! Когда я разговариваю! — голос старпома теперь гремел на весь корабль. — Петь должны певцы! Они на это заточены! Горло драть! И это все, на что они способны!!! Понятно?!! А плясать должны плясуны! А Я НИ ПЕТЬ, НИ ПЛЯСАТЬ НЕ ДОЛЖЕН! Зарубите себе везде! Слушать гимн по радио — пожалуйста! За милую душу! Ежедневно, ежечасно, ежесекундно! Но! Никто! Слышите? Никто не имеет права проверять, насколько я его впитал!!! На этом кончено! Побежали вдоль реки, канделябры захватили! На сегодня все!!!

Мы с замом тихо отошли от каюты.

Зачет сдавали без старпома.

ПИСЬМО МАМЕ

Мы завтракаем в кают-компании. Это старпом наш, Андрей Антоныч, поставил нас на довольствие на корабль, хотя тыл сопротивлялся изо

всех сил. Оно и понятно, на береговом камбузе воровать-то легче, вот тыловики и суеются. И приказ есть: всем кораблям питаться на берегу, и только для нашего экипажа из-за Андрея Антоныча сделали исключение, потому что ему на все это чихать. Он приказал: питаться на корабле, и я, как исполняющий должность еще и помощника командира, сделал для этого все, то есть я пошел в тыл и сказал им, что если они нас на корабль на довольствие не поставят, то через пять минут увидят у себя в кабинетах Андрей Антоныча. Так что немедленно наше корыто стало питаться на себе самом.

Чай мы по утрам пьем молча — я, Андрей Антоныч и наш зам.

В то утро мы тоже сидели абсолютно молча и пили, пока Андрей Антоныч не достал из кармана какую-то бумагу. Он надел на нос очки и, прихлебывая из стакана в любимом подстаканнике, начал читать:

«Дорогое командование корабля! (При первых же звуках зам насторожился.) Пишет вам мама Козлова Сергея Ивановича. Как только он попал в вашу часть, было от него только одно письмо с адресом, а потом, вот уже три месяца, не имеем мы от него никакой весточки. Жив ли, здоров ли наш Сереженька...» — старпом посмотрел на зама поверх очков, как змея на мышь, и произнес:

— Вот и мне тоже стало интересно: жив, здоров ли наш Сереженька? Кто это, Сергеич?

— Андрей Антоныч, это... видимо... из ново-

го пополнения... — засуетился зам, не попадая в рот сушкой. — Их определили на береговой камбуз, и вот они там...

— И вот они там потерялись, что ли? Помощник командира! (Это уже мне.)

— Я, Андрей Антоныч!

— У нас на корабле людей не хватает, а вы их куда-то посылаете?

— Так... штаб... — начал я.

— А мне плевать! Слышите? ПЛЕВАТЬ! Почему я не в курсе? Почему у вас из-под носа людей воруют? Штаб! Ничего не хочу знать! Почему люди служат у нас, а на корабле я их не вижу? Сегодня же! Нет! Сейчас же! Отправляйтесь в дивизию, и чтоб он был на борту вместе со всеми остальными! Заблудившимися! Кстати, заместитель командира!

— Да, Андрей Антоныч!

— А почему он домой не пишет?

— Так я же его тоже не видел, Андрей Антоныч!

— Как это? Как это вы, товарищ боевой наш зам, до сих пор не видели человека, который у нас служит уже более трех месяцев? Почему вы не ознакомились со всеми его родственниками? Почему не удосужились сесть с ним рядом? Поговорить? Вы для того и существуете! Здесь! Вы для того и нужны, чтоб говорить! Остальное делаю я! А теперь я должен за вас писать письмо маме? А? Я покажу вам, как надо писать маме! Я проведу с вами со всеми занятие по написанию писем в родные пенаты! Поупражняемся! В эпистолярном жанре!!!

В общем, через полчаса в кают-компании сидели уже все: я, матрос Козлов (срочно отмытый в три руки от камбузных жиров), зам и Андрей Антоныч.

Перед Козловым лежали ручка, бумага, конверт.

— Родная мама! — диктовал ему Андрей Антоныч — Пишет вам ваш сынок Сереженька! Как только до дорогого командования корабля дошли вести о том, что я не посылаю вам писем, немедленно собрались все мои командиры, и вот теперь я в их присутствии пишу вам эти строчки. А попал я сначала на камбуз, где и находился целых три месяца. А кормили меня там... (Кстати, как его там кормили, Сергеич? А? Хорошо? Ладно, так и запишем!)

А кормили меня там хорошо. Я даже поправился. (На сколько он поправился? А? Помощник командира? Не знаете? Ну так узнайте! И вообще, после камбуза надо бы проверить всех на яйцеглист! На чем мы остановились?) И теперь же я переведен на корабль, где и будет проходить моя дальнейшая служба. Передайте мой привет бабушке Агапье. (Как бабушку-то зовут? Глафирой?) Бабушке Глафире. (Хромает бабушка?) Как там ее нога? Правая. И комбайнеру Дмитричу. (Михалычу? Пиши Михалычу!), а также...

Андрей Антоныч не успокоился, пока не передал привет всей деревне. Потом он оставил в кают-компании меня, зама и продолжил:

— Значит, так! Я чувствую, что без меня ни-

как не обойтись! В деле написания писем! Саня!

— Я, Андрей Антоныч!

— Зам выделит время от своей потрясающей политинформации (или как она там теперь называется) и дважды в неделю всем писать домой письма под диктовку!

И начали мы писать письма домой под диктовку. Я диктовал — все писали. Про распорядок дня писали и про то, что они едят, где спят и как себя чувствуют.

Через две недели Андрей Антоныч на завтраке опять достал из кармана бумагу и надел очки. Зам смотрел на все эти приготовления с плохо скрываемым беспокойством.

«Дорогие наши командиры! — начал читать старпом. — Пишет вам опять мама Козлова Сергея Ивановича! Уж как мы все порадовались, когда узнали, что наш Сереженька служит на самом что ни на есть дальнем севере. Хорошо, что сам он здоров и чувствует себя хорошо. Особенно хочется вам сказать спасибо за доброту и заботу. Вся наша деревня тоже передает вам привет и желает долго здравствовать...» — ну и так далее... — Андрей Антоныч сложил письмо и сунул его в карман.

— И как вы правильно все придумали, Андрей Антоныч! — немедленно засюсюкал зам.

Старпом лениво на него глянул.

— Сергеич! — сказал он чуть погодя, — вот этот прогиб я тебе засчитываю, но если я опять письмо буду писать всей деревне, то извини. Оттрахаю за каждую маму!

— Андрей Антоныч!
— Прилюдно! Я тебя предупредил!
На том и порешили.

О РОСТЕ ПАТРИОТИЗМА

— Андрей Антоныч, повсюду наблюдается небывалый рост патриотизма!

Иногда мне отчаянно жаль нашего зама.

После произнесения этой фразы он победоносно оглянулся.

А оглянулся он в основном на меня — Андрея Антоныч-то напротив него возвышается.

На завтраке в кают-компании только мы втроем сидим.

Не дождавшись от нас со старпомом никакой реакции, зам проговорил не очень уверенно:

— Эти данные поступили из Москвы!

Андрей Антоныч с хрустом разжевал очередную сушку.

— И что самое ценное: в различных патриотических движениях участвуют совсем еще молодые люди!

Старпом вздохнул, зам посчитал это за добрый знак.

— Ширится движение в поддержку армии и флота!

Старпом глянул на зама и наконец заговорил:

— Неужели?

— Да!

— А вот меня другое беспокоит!

— Что, Андрей Антоныч?

— Ты диспансеризацию давно проходил? Кстати, Саня (это уже ко мне), что у нас со сроками на диспансеризацию?

— На той неделе начинается, Андрей Антоныч!

— Хорошо! И проследи, чтоб все, включая и группу командования, обязательно прошли. А то ведьхватишься — а уже и поздно! Вот моя бабушка как-то с утра встала и сказала: «Московское время восемь часов!» — так и не уберегли, сердешную. А почему? А потому что профилактику душевных заболеваний надо проводить в плановом порядке. Чтоб не было потом мучительно больно. Так, говоришь, Сергеич, наблюдается рост?

— Небывалый, Андрей Антоныч! — оживает зам.

— Саня! (Опять мне.) И повнимательней там. Чтоб, значит, все специалисты посмотрели...

Не хватит — в Североморске найдем!

— Понял, Андрей Антоныч!

— А в чем этот патриотизм находит сегодня свое конкретное выражение, Сергеич? Дороги они, что ли, подметают или старушкам доживать помогают?

— Дел много. Тут и памятники героям войны, и захоронения, и агитация в школах, и начальная военная подготовка!

— Это когда пацаны в противогазах бегают?

— Не только! Вот увидите, все возродится. Авиация уже получает новую технику. А там и до нас очередь дойдет!

После этого Андрей Антоныч шумно поднялся с места и, сделав мне знак, чтоб я следовал за ним, вышел из кают-компани, сказав перед этим заму:

— Извини, Сергеич, мне с Саней надо поговорить об одном деле!

В каюте, заметив ухмылку на моем лице, старпом проронил:

— Что за веселье?

— Да нет никакого веселья, Андрей Антоныч!

— Значит так, Саня! — старпом был непроницаем. — Ежу понятно: никто на флоте никогда не говорит о патриотизме. На море этим не страдают. Это синдром твердой почвы. А наш зам на моем веку заводит этот разговор уже во второй раз. Так что налицо, я считаю, душевный излом, и все эти свои хихиканья можешь засунуть в одно очень укромное место!

— Андрей Антоныч...

— Все это серьезно. Ты помнишь, чем закончился разговор Герберта Уэлса с Владимиром Ильичем?

— ?

— Они, кстати, тоже говорили о патриотизме. Не помнишь? Сухоткой мозга он закончился! Так что на диспансеризации за замом глаз да глаз! Все понятно?

Я вышел от старпома и подумал: «А черт его знает! Может, действительно душевный излом?»

ПИСЬМА

Здравствуйте, Александр!

Я подводным лодкам отдал девятнадцать лет, из них семнадцать лет подводным аппаратам.

В 1988 году мой экипаж работал на Камчатке, и мы тоже участвовали в подъеме одного и в обследовании другого объекта.

Ситуация была аналогична той, что случилась со «знаменитым» АС-28, едва не потонувшим в августе сего года в бухте Березовая.

Только ходили мы под водой около объекта на цыпочках.

А эти полудурки при неработающей акустике носились там чуть ли не на полном ходу.

Да по сравнению с «Золотой рыбкой», наши 3–4 узла — насмешка.

Видимость у грунта там, насколько я помню, 10–12 метров. И иллюминаторы на подводных аппаратах есть, и сильные светильники, и визуальное наблюдение постоянное.

Но попробуй остановить почти мгновенно полсотни тонн. Обгадишься с ног до головы, но не получится.

«Нету на аппарате мгновенного «стопа». Пяточками в грунт не упрешься».

Я тогда был каплеем, за спиной в отсеке стоял каприз и требовал, чтобы я «подлез» под эту «решетку».

А эта дура размером в половину футбольного поля и поставлена вертикально на длинную сторону.

Ее со времен царя Гороха не обследовали и не чистили. Рыбаки, естественно, на ней после своего траления такого понаоставляли.

Ну, в общем, лезть под нее только в пьяном угаре можно. Пришлось напомнить начальнику, что, несмотря на разность в звании, командир на аппарате я, а не он. Хорошо, мужик умный попался, не стал это оспаривать.

Не полез я под нее.

Тем более, за год до этого, в 1987 году, там уже сидел на зацепе АС-12.

Они вырвались через несколько часов только потому, что рвались с зацепа, как только могли. Откачивали уравнительную, продували балластные и на максимальном ходу (благо на винт ничего не намотали) оторвали что-то там у себя на легком корпусе (сейчас уже не помню что).

Вы же понимаете, глубина непрофессионализма не прощает. А из командиров на АС-28 и на «Георгии Козьмине» профи не было.

И я не профи. Но котелком-то пытался думать.

А в данном случае я даже не знаю, о чем они думали и думали ли они. А если и думали, то чем?

Ну какого хера лезть вслепую. Одно слово: долбоебы.

И такие продолжают служить. Повеситься хочется от стыда.

Могу еще продолжать, но не хочу надоедать.

Честь имею.

Георгий.

Это Никита.

В Тирасполе, конечно, таких боев, как в Бендерах, не было. Но постреливали. Да и вообще там молдаване приглашенные... Навязали нам на шею иностранных журналистов — двух мужиков и двух же баб. Американцы и, кажется, австралийцы. А может, австрийцы, но по-английски все базарили. Ну, они что-то все время снимают на камеры свои, записывают в блокноты тоже. Нам главное, чтоб их не подстрелили. А то ведь могут — не чужие, так свои. Казачки там особенно лихие были, даже типа разъездов по городу устроили. И вот — банальный обстрел перекрестка. Мы их скоренько плечами закрыли, пару очередей дали, за шкуру — и давай мотать.

А на перекрестке явно буча — шмаляют со всех сторон. Ну, этих ведь надо сберечь...

Бегали, стреляли, таскали за шкуру. Потом даже пообедали (у них консервы классные — как открываешь, суп греется или там лапша с мясом, все теплое становится).

А ужинали у казачков. Они их (иностранцев) подпоили самогонкой, а фотографа научили в дурака играть. И спать уложили — в земляночке. В два наката.

Утром бабы умываться вздумали.

Зубы почистили — мало им. «Надо, — говорят, — голову помьть, и вообще...» Я доложил сразу.

«Найди им баню, где хочешь», — говорят, — «это инокорреспонденты, информационная ситуация...» и т. д.

Солнышко, тепло, хорошо... Едем с этими

друзьями на «батоне». Вдруг очередь по крыше. Но эти даже не испугались. «Щаур, щаур, плиз» — то есть больше всего в душ они хотели. А где он, душ-то?..

Водила этого «батона» от перекрестного обстрела зарулил в очень чистенький двор. Трехэтажное здание прямо перед нами.

Крылечко. И мужик курит. В белом халате. «Поликлиника?» — спрашиваю. «Ага», — отвечает. И курит. И видать — пьян мужик. «А душ есть?» — спрашиваю. «Сколько душ, не знаю, а помыться можно, конечно», — загадкой ответил этот перец.

Входим. Бело-серый кафель. Кстати, забыл: воды-то, естественно, не было в городе. В смысле — нормального водоснабжения, разрушено все, бои...

Ну вот, кафель. Мужик этот приносит им шланг. «Из ит щаур?! (Это душ?!))» — спрашивает одна девица. «Другого нет, поливайтесь», — отвечает мужичок. Как его звали, не помню. Он не уточнил.

В общем — двое ребят у входа караулят омовение, я непосредственно в бане с оружием их защищаю (им даже ширмочку повесили посреди зала). И в этот момент мужичок вкатывает прямо к ним такую каталочку никелированную, а на ней — мертвец, ручки скрючены, и давай из шланга его поливать...

Бабы — в ор, мужчины стушились и гуськом к своим шмоткам...

А мужичок со шлангом: «А морг-то у нас краснотназначный!..»

Наше летное училище, расположенное в самом центре города, по периметру было обнесено сплошной каменной стеной высотой метра так под три. Одна из казарм располагалась как раз вдоль этого сооружения на расстоянии примерно 15 метров от нее. Окна ее выходили на забор. А возле окон, конечно же, вечно торчали курсанты в состоянии постоянной готовности увидеть проходящее по ту сторону забора какое-нибудь прелестное создание и крикнуть этому созданию что-нибудь галантное.

Освещение вокруг хорошее, так что даже ночью все видно.

И вот однажды после отбоя один из курсантов спокойно сидел на подоконнике у окна с сигареткой в зубах и предавался мечтам.

А комендант училища именно в этот момент и приступил к своим обязанностям по поиску и поимке преступников-курсантов, не желающих мириться с четырехлетним заточением.

И вот, проходя мимо вышеозначенной казармы, он вдруг услышал шорох. Комендант напрягся, как струна, и весь обратился в слух. С той стороны через забор кто-то лез.

Комендант, как истинный охотник, окинул взглядом пространство между казармой и стеной в поисках укрытия для засады. Взор его остановился на перевернутом набок мусорном контейнере, расположенном прямо под забором.

А набок сей полезный предмет был специально заблаговременно уложен господами курсан-

тами для удобства преодолевания ненавистного забора. Комендант, недолго думая, ныряет в мусорный контейнер и притаивается там в три погибели, ожидая приближения удачи.

Он даже немного прикрыл за собой крышечку.

Тем временем курсант, так беззаботно предававшийся мечтам, сидя на подоконнике, видит, как его товарищ по оружию пытается вскарабкаться на забор.

Карабкается он долго. Романтик тут же бросился на помощь своему товарищу. Выбежав из казармы, он потихоньку подкрался к мусорному контейнеру, в котором притаился комендант, а затем он быстро ударил ногой по крышке контейнера и захлопнул крышку, на конце которой была приделана петелька для запираения (почему-то) этой крышки на замок.

Потом он продел в эту петельку небольшую веточку, валявшуюся рядом с баком, и тем закрепил ее навсегда. В это мгновение с той стороны забора на контейнер грузно свалилось тело, после чего одно тело подхватило другое тело, и вместе они скрылись в казарме, оставив коменданта одного бодаться с контейнером.

Комендант сильно шумел.

Прошло часа полтора, и дежурный по училищу, совершая свой ночной дозор, услышал шум у забора. Мусорный контейнер ходил ходуном.

Дежурный с опаской подошел к контейнеру и прислушался. Контейнер на секунду затих, а потом опять загрохотал.

Приняв все меры предосторожности (а вдруг

там чудо лесное), дежурный открыл злосчастную петельку.

Тогда-то на свободу и вырвался джинн.

Всего комендантов было три.

Все трое были схожи образом мышления.

Один наш комендант отличился следующим.

Представьте себе: лето, открытый бассейн в центре училища, десятиметровая вышка. На вышке с биноклем в руках комендант. Он устроил себе здесь наблюдательный пункт. Очень удобно наблюдать.

А наблюдает он все за тем же забором.

(Просто я не знаю, наблюдать, что ли, не за чем?)

И вот с десятиметровой высоты он видит, как внизу курсант перелез через забор и побежал в казарму. И тут комендант так увлекся этим делом, что, не отнимая бинокля от глаз, он делает шаг в сторону курсанта, видимо, желая его схватить. На его счастье, бассейн был наполнен водой.

А кричал он криком перелетной жабы.

Еще один наш комендант прославился тем, что с пистолетом гонялся за маленькой собачкой, которая каждый день посещала территорию нашего училища.

Курсанты, выходя из столовой, всегда подкармливали собачку. Собачка эта так привыкла к строю и походным песням, что всегда ходила за строем и подвывала.

А на плацу, стоя за спиной комбата или ротного, когда они подавали какие-то команды, она

лаяла им в тон, то есть на своем собачьем языке, видимо, тоже пыталась что-то втолковать «бестолковым» курсантам.

Вот поэтому на нее и повесили бирку с фамилией коменданта.

У коменданта от всего этого постепенно съехала крыша. Он все время гонялся за собакой с пистолетом, полным патронов. Собаку он так и не ликвидировал, а коменданта потом в психушку отправили.

С вами был Игорь.

Уважаемый Александр! Железо заговорило — спасибо, нравится. Вспомнил Северный Двинск и пароходы, завод этот сраный, но могучий. Помню, зимой у сварщика электрод попросил — ватник на дебаркадере повесить. Он открыл каптерку, а они (электроды) греются на электроплитке. Сухие!

В зеленке, если брал молочный суп и рисовую кашу, бабы накладывали по самое некуда, мол, пропился мужик, а я любил эту жрачку — блокадное дите.

Было херово, но хорошо.

Говна много, но и великие мужики попадались — позже не встречал.

Удачи. Георгий.

Было это в самом начале девяностых, когда вдруг все стали независимыми, и остатки Балт-

флота, все, что не успели списать и продать в базах, стали срочно вывозить и выводить из Германии, Польши и прочих союзных республик в оставшиеся нашими Калининград и Балтийск.

Причалы нашей тридцать шестой бригады тоже стали прирастать всевозможными «Титаниками», и вот одним из них и оказался «Кугуар».

Был это эсминец лохматого, сталинского еще, проекта, с клепаным корпусом, и поэтому на воде он держался отменно, как ни пытались его утопить в бригаде кораблей консервации в Лиепавевке, откуда он и прибыл на вечную стоянку в Балтийск с попутным ветром и двумя буксирами.

Привязали его намертво правым бортом к плавпирсу, где, пришвартованный левым, тихо дремал мой лихой МРК (малый ракетный корабль, между прочим) проекта 1234.1, где служил я механиком, дожидаясь дембеля по «дискредитации высокого звания советского офицера».

Ну не было тогда таких статей, как «сокращение», не было, и все тут, хочешь уволиться — дискредитируй, что и делалось регулярно под шило и тушенку «Великая китайская стена». Другой еды не было.

В общем, пришвартовали «Кугуар» к нашему плавпирсу и счастливо забыли о нем до лучших времен. А времена были такие, что тащили с пароходиков кто что может, и как-то органично и всеобъемлюще началась в бригаде отчаянная охота за цветным металлом. Я об этом всерьез не задумывался, пока не прихватил своих же матросиков, пытающихся вытянуть с парохода ла-

тунный кусок противопожарной магистрали длиной метра четыре и пару пожарных кранов от нее же. При помощи палки и такой-то матери матчасть была восстановлена, но спокойствия мне это не придало. Кто знает, что могут открутить шаловливые ручонки матроса темной ночью на вахте и чем это может обернуться во время очередного проворачивания?

В море, по счастью, почти не ходили (солярки тоже не было), так что оставалось ходить и смотреть, не откручено ли где еще чего-нибудь и не утянуто ли ясным утром по росе. Старпом и штурман от этой «борьбы с призраками» тоже сатадели день ото дня, но сделать ничего не могли.

И вот на самом пике «цветметной» лихорадки кто-то из военных открыл для себя сокровища «Кугуара». Экипажа там не было, зато там было все: медь, латунь, алюминий, короче, мечта бомжа и сладкий сон сталевара. Это было начало конца. Первым агонию эсминца заметил дежуривший как-то по бригаде старпом.

Вышел утром из рубки, потягиваясь, и застыл удивленно... Мачты «Кугуара» демонстрировали уверенный крен в четыре-пять градусов на левый борт, явно выпадая из привычного ландшафта. Старпом сыграл тревогу аварийной партии. Прибежали, откачали, забили в борта деревянные чопики, сменились со службы и забыли ровно до следующего утра, крена, аварийной тревоги и т. д.

Комдив не долго искал ответ на два извечных русских вопроса.

Ответственным за живучесть калеки был назначен я (а кто же еще, как не механик соседей). И что теперь мне было делать? Отвечать — что же еще.

Первым делом я решил ознакомиться с новым заведованием. Взял фонарик, матроса и полез. В трюмах было страшно, но мой матросик ориентировался во чреве «Кугуара» лучше меня, «железный дровосек», блин, и поэтому мы быстро нашли главное. Это были задвижки, клинкетные задвижки кингстонов, те самые, которые открывают, чтоб быстро и с известной песней затопить пароход.

Осмотрев их, я понял, что «Кугуар» не жилец. Они были БРОНЗОВЫЕ! Да, не сэкономили на флоте при генералиссимусе.

Мелом на переборках темных трюмов я написал: «Придурки, не трогайте задвижки!» — и, вернувшись в свою каюту, быстро написал рапорт на отпуск.

Когда вернулся, от моего нового заведования торчали только мачты, но так как нового крайнего на время моего отпуска назначить забыли, то ни с кого и не взыщешь, а то платил бы я до седых волос за свой «Титаник». Повезло.

Тимофей.

У нас на крейсере из офицеров служил единственный майор. Все обычные капитаны разных рангов, капитан-лейтенанты, морские старшие и просто лейтенанты, ну, в конце-то концов, капи-

тан один, так и тот медицинской службы. А этот, вдумайтесь, МАЙОР.

По-моему, эти два слова на одну букву, в смысле Море и Майор — просто несовместимы. Тем не менее Сидоров был не только майором, а целым начальником финансовой службы. Как занимающий такой важный пост, от вахт и дежурств он был освобожден, поэтому все время в закрытой каюте перебирал свои ведомости, отчеты и прочую финансовую макулатуру. При этом делал ужасно важный вид, и в период тотальной многомесячной задержки жалованья в трудные девятые годы просто выводил из себя весь офицерский и мичманский состав, тянувший дежурства и вахты, так сказать, не вынимая.

Но майор — он и есть майор, маленький, поленький, иногда создающий впечатление случайно попавшего на крейсер сухопутного офицера, ему и применение в дежурно-вахтенной службе было найти крайне проблематично. Помощник командира, видно, из большой любви к майору и нелюбви к вечному отсутствию у последнего денег на зарплату постоянно ставил майора в график ночных проверок несения службы дневальными по кубрикам. Исключительно в «классное» время, то с 3 до 4 утра, то с 4 до 5.

Сидоров честно относился к возложенным на него обязанностям, обходил кубрики, записывал в журнал ночных проверок спящих и отсутствующих дневальных. Каких только перлов в этом журнале не было. Но замечание майора Сидорова о том, что «дневальный по кубрику № 5

матрос Татымбеков не знает воинских званий» повергло в шок старпома и помощника. Сидоров написал его без тени шутки, на полном серьезе, так как обиделся, что его «обозвали» капитаном 3 ранга. Татымбеков признался, что, когда, стоя на тумбочке в «задыхающе сонном состоянии», очнулся от пристального на него взгляда в 4.30 и при ночном освещении увидел фигуру с погонами, на которых видно «одну звезду и две полоски», то, приложив руку к пилотке, представился фигуре. В смысле, что он, матрос Татымбеков, приветствует капитана 3 ранга. После этого Сидоров 15 минут объяснял сонному узбеку, чем отличаются погоны майора ВМФ от капитана 3 ранга, да, видно, объяснением того, «что в темноте красные полоски от черных не отличить» остался недоволен.

Самый чудный прикол с Сидоровым случился на боевой. После четырех месяцев утомительного несения вахт (а с выходом в море их значительно прибавилось), метаний офицеров «через день на ремень», в смысле с ходового мостика в рубку дежурного, делегация офицеров пришла к командиру с просьбой найти, наконец, целому майору ЛЮБУЮ ВАХТУ. Денег все равно в море нет, а видеть его без дела уже нервов не хватает. Единственное на корабле место, куда безболезненно для безопасности боевого крейсера можно пристроить майора, помощник предложил дежурным по низам.

Надо отметить, что в основном на эту вахту заступали старшие лейтенанты, но что делать,

так хоть за ним дежурный по кораблю присмотрит, да и помдежами по низам заступали опытные мичмана. В общем, командование корабля терпело торможение майора на этом ответственном посту только пару заступлений. Но впечатлений от этого всему экипажу на всю корабельную жизнь хватило. Представляете, дежурный по кораблю — старший лейтенант Петров, дежурный по низам майор Сидоров. Только развод чего стоит! А как он боялся микрофона КГС! Ужас в глазах при каждой подаче команды по кораблю. После того как горнист подсказал объявить майору не просто «Команде пить чай», а «с сахаром», это экипаж неделю обсуждал. А как начфин давал звонки! Видно, не дано выпускнику Ярославского финансового училища нормально отыграть звонками «Слушайте все». Не существует для него три коротких звонка. После четырех месяцев морей уже на пилоте готовишься к любым командам, слушаешь каждый звонок, готовишься бежать по команде «Учебная тревога» на пост. Бывало, слышишь: дзинь, пауза, дзинь, пауза, дзинь, а в голове уже горн, ты в позе низкого старта в сторону поста. А тут, опа, опять, дзинь, пауза, дзинь, пауза, дзинь и... «Дежурной службе наверх». Елки-моталки, уставший мозг соображает: так, майор на вахте. И сразу спокойно так становится. В конце концов командир принял решение, что для боеготовности крейсера и спокойствия экипажа пусть лучше майор дальше бумажки перебирает. Да и заход в иностранный порт скоро, может, и денежки

иноземные дадут, хоть и фантики финиковые, все же деньги, а они счет любят. А для этого в экипаже целый майор есть. Так что Сидоров опять стал важным и незаменимым.

Александр.

Это Тимофей.

Расскажу несколько историй.

Ко мне, молодому лейтенанту, на каникулы жена приехала, студентка пятого курса. Хотя лейтенант я был тогда уже не молодой, год прослужил, аж погоны помялись, но с парохода выходил редко и чаще всего только на ночь, а утром, опережая собственный визг, и не к подъему флага, а к зарядке, да-да, рысью, галопом, скачками...

Спасибо заму соседей — он в отпуск уехал и нам квартиру оставил, только рыбок, говорит, кормите. Ну, кормим, конечно, только жене все равно скучно дома одной. Служили мы в Балтийске, а кругом лето, солнышко, если облепиху пальмами заменить — курорт просто. И решила как-то моя благоверная сходить на городской пляж. Ну правильно, чего дома-то париться? А пляжи на Балтике (для тех, кто не был) — это лоса песка шириной метров восемьдесят, с одной стороны море, с другой дюны, и так до горизонта.

Ну, вышла моя девушка на пляж, смотрит — загорают человек десять, и все (Балтийск тогда закрытым городом был). Думает, чего я буду в такой толпе валяться, отойду я чуть в сторону

и, о чем-то девичьем задумавшись, вроде бы недалеко и отошла. Прилегла на песок, море, солнышко, народу никого, красота да и только. Лежит и изредка горизонтом любуется.

Через некоторое время появились на горизонте две маленькие точки. Еще через некоторое время точки стали больше. Потом послышался нарастающий рев, свист и грохот, и точки превратились в два больших десантных корабля типа «Зубр» на двух воздушных подушках соответственно. Кто близко видел, а главное слышал, что это такое, меня поймет. Тот, кто не видел и не слышал, пусть представит себя висящим под вагоном несущейся электрички. Представил? Так вот, «Зубры» еще хуже.

И тут два этих крокодила выходят на траверз моей тихо залегшей жены и, обойдя ее с флангов, лихо выскакивают на берег (они и это могут), опускаются аппарели, и сначала выходит техника, а потом, как рассказывала изумленная жена, из них высыпаются черные человечки и, что-то закричав, убегают в дюны. Крокодилы, обменявшись победным рыком, разворачиваются и исчезают в море, а пляжа на месте их стоянки не остается, сдувает его на фиг. И все это происходит за каких-то три-четыре минуты. Когда жена сейчас все это вспоминает, у нее такие глаза, как будто видела она высадку инопланетян...

А интересно было бы послушать диалог командиров «Зубров», когда они, глядя в оптику на берег, примерялись к месту высадки десанта... М-да.

Пушка корабельная, АК-720, скорострельность неимоверная и вообще — ствол, башня, короче, самый наглядный атрибут военного корабля, легко идентифицируемый и издалека видный. Вообще-то автоматическая, но есть возможность и ручного управления, а для этого есть специальный лючок в башне, а там кресло бомбардира с педалью стрельбы, прицелом, в общем, все честь честью. Кстати сказать, педаль эта снабжена хитрым фиксатором, который может обеспечивать стрельбу, даже если на педаль уже не давит нога убитого комендора.

И очень любили матросы, особенно подлежачие скорой демобилизации, в этом кресле пушкаря фотографироваться, приосанившись и ручки и ножки на приборы управления артиллерийским огнем корабля положив. Не нравилось это комбату Сереге Персичкину и гонял он личный состав от пушки и от греха подалее часто и с упоением.

И вот как раз перед одним из очередных приказов министра обороны, как-то в воскресенье, дежуривший по дивизиону Серега выгнал из своей пушки штук пять полупьяных дембелей с фотоаппаратом. Одного успел поймать. Пока возился с ним, пока вызывал комендатуру, пока сдавал его с рук на руки свирепым морпехам комендантского взвода, то-се, закрутился, в общем, и внутрь сбереженной пушки заглянуть забыл.

В понедельник утром, отцепившись от пистоля и сдав дежурство, Серега у себя в каюте тихо собирался смыться домой, используя рельеф

местности и занятость командира и старпома на проворачивании машин и механизмов. Оно шло вовсю. Сыграли тревогу, разбежались по боевым постам, перешли на питание собственных генераторов, осмотрели и провернули все, что осмотрелось и провернулось, и... выполнили команду «Подать питание на цепи стрельбы!»

И тут пушка (с нажатой педалью) сказала свое «Тррах!» над головами кормовой швартовой команды. Команда, враз испачкав говном казенное обмундирование, перестала выполнять свои обязанности.

Ну не готовы оказались люди, не готовы. Да.

А очередь снарядов, просвистев над крышей штаба бригады, ушла куда-то на материк...

Первым от всеобщего оцепенения очнулся в своей каюте притаившийся Серега. Через полторы минуты он, выскочив на верхнюю палубу с банником в одной руке и матросом-комендором в другой, уже лихорадочно чистил еще теплый оружейный ствол. Зачем, спросишь, а вот зачем.

Через полчаса вдоль стенки медленно ехал «УАЗик» с особистами. (Штаб бригады еще медленней выходил из столбняка.) Все кормовые пушки бригады осматривались, нюхались, многозначительно обходились вокруг, с пристрастием допрашивались попавшиеся под руку матросы. Оказалось, что никто ничего не видел, не слышал, а что на «Метеоре» внеплановую помывку личного состава организовали, так это потому, что в субботу не успели — в аварийной партии дежурили люди...

Артпогреб на всей бригаде не вскроешь, опечатаны они, да и снаряды все не пересчитаешь, много их, блин...

По всему выходило, что не было ничего, не свистело ничего над крышей удивленного штаба, не залегал в придорожную канаву поспешавший куда-то начальник ГСМа, не лежал на полу пугливый дежурный по КПП...

А на окраине Балтийска почетный садовод Федорыч участок под картошку вскапывать собирался. Совсем заела его супруга Мария Захаровна, пора, дескать, Федорыч, все уже копают, один ты лентяйничаешь.

Попил садовод почетный с утра чайку, собрался, лопату поточил и на участок вышел. Глядит, а все четыре его сотки, что под картошку предназначались, вскопаны аккуратно, будто тимуровцы поработали. Федорыч лопатой ковырнул — не идет в землю лопата. Еще ковырнул — железный звяк услышал. Хорошо легла очередь, аккуратно на картофельник и даже пугало огородное не сбила.

Вот так вот.

На дворе девяносто третий год, денежная реформа, а мы в КУГе сидим. КУГ — это корабельная ударная группировка, пятнадцатиминутная готовность к выходу, сходу — дробь, стоим у стенки, изредка проворачивая. Была такая форма боевого дежурства в условиях трудностей переходного периода. И тут, в самый разгар бое-

вого дежурства, зарплата — детский смех, безобидные шутки и вообще — всеобщая любовь и ликование.

На берег срочно снаряжается мичман Петя Малышкин, в миру — старшина команды электриков, а по совместительству еще и выдавальщик зарплат — «финик». К Пете прилагается чемодан и общее благословение. Умчался Петя и через двадцать минут вернулся с чемоданом, радостно в руках его перехватывая. Деньги принес, кормилец.

Чуть ли не на руках внесли Петю на пароход, и начал он священнодействовать, то есть с ведомостью в одной руке и чемоданом в другой обходить всех, начиная, естественно, с каюты командира, важный вид при этом сохраняя и проливая золотой дождь согласно штатному расписанию. А деньги новенькие, будто только что из печатни (ну или монетного двора, какая разница?), разноцветные, как фантики, и типографской краской пахнут. Рвал Петя госбанковские упаковки и, заглядывая внутрь чемодана, взывал почему-то.

Начал он, как уже говорилось, с каюты командира, продолжил собой любимым, ну а потом уже благодетельствовал старпома, командира БЧ-раз, два, три и так далее до последнего матроса. И везде открывались ему двери, везде встречали его как родного, и везде были рады ему, как никогда. И вот, неумолимо приближаясь в ведомости к финишной черте, под которой уже маячила чья-то незнакомая фамилия «Итого»,

взволновался Петя. Не хватило денежных средств, ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ не хватило, и небо упало на землю, померкло солнце и открылись врата чистилища, как сказали бы раньше. В Пете как будто лампочка погасла. Перетряхивание чемодана, заглядывания под него, за него, неоднократные открывания и закрывания ощутимых результатов не дали.

Ведомость нужно было возвращать в финчасть.

Бедный «финик» бродил по пароходу, как тень отца Гамлета, пока смятение чувств и мыслей не прибило его к каюте механика. Мех со штурманом уже отмечали получку. Были возвращены и получены почти все долги, накрыта поляна, извлечена на свет добытая еще до начала сидения в КУГе бутылка «Столичной» (да, да!) и происходил процесс рассматривания только что полученных новеньких бумажек. Даже вид «Столичной» не взбудрил Петю. Свою беду он излагал долго, сбивчиво, размахивая незакрытой ведомостью, как белым флагом капитуляции.

Мех сказал, что дело пахнет расстрелом на краю долговой ямы, а штурман, поковыривая спичкой в зубах, уселся напротив Пети и, ласково улыбаясь, сказал, что сходу на берег — дробь, значит, все на борту; ведомость, а следовательно, порядок выдачи денег у Пети на кармане; а главное (да не дрожи ты!) ПАЧКИ БЫЛИ НОВЫЕ, а это значит, что купюры в них лежали строго по номерам, и, пройдя сейчас согласно ведомости по всем осчастливленным и сверив

номера купюр, Петя вычислит того (только не в губы, Петечка!), кого он так щедро проавансировал.

Последние слова штурмана слышал только механик. Петя исчез, испарился, его не стало. Международный валютный фонд, Счетная палата, все банки и бухгалтерии мира не знали таких проверок, какую провел мичман Малышкин за полчаса, и, пересчитав в итоге свои деньги, оказался перед дверью в каюту КОМАНДИРА. Все говорило о том, что именно там, за этой дверью, находилась заветная тысяча, с которой так нелепо и торопливо расстался Петя. Тихо постукивая и подвывая, «финик» постучал и попросил разрешения. А там: «Тщ командир... вы на могли бы... у меня денег... по номерам... посмотреть...» И наконец: «Штурман говорит...»

Мичман был отправлен с глаз долой, а штурман вызван и: «Как смеешь, литинант, своим нечистым рылом... Ты ХТО?!. Ты ЧТО?!. Пенсии лишууу!..»

А денег Петя так и не вернул.

С антиалкогольной кампанией конца восьмидесятых Балтфлот боролся мужественно. Были талоны, шило и, конечно, самогон, регулярно приобретаемый у местных селян. Селяне моряков любили — ни скандалов, ни дебошей, берут всегда по литру на брата, платят аккуратно, в долг не просят и «Жалобную книгу» не требуют.

А к нам в Балтийск сахар возили пароходами

с братской Кубы и разгружали на островных причалах, потому что не могли океанские сухогрузы прямо к стенкам подходить — мелко им там везде. Причал этот — это такой островок с краном, сухогруз к нему подваливает и опорожняется там не спеша. А местные бутлегеры повадились к островку этому, завидев сахаровоз, на челноках своих углых подходить и ловить вдруг роняемые оттуда (за долю малую) мешки с сахаром-сырцом. Он коричневый такой, нерафинированный, но первач из него, доложу я вам... Все бренди и виски мира просто отдыхают.

И приняли эти рейсы в какой-то момент регулярный характер. И стал сахар на этих яликах вывозиться просто тоннами. И озаботилось этим портовое руководство и обратилось в милицию. И развела руками местная милиция, так как за порядок на море она вроде бы не отвечает...

А кто отвечает? ВМФ отвечает. И обратилось портовое руководство к ВМФ. И ВМФ в лице командира нашего дивизиона малых ракетных кораблей Коли Великанова обещал помочь незамедлительно, тем более, что порт у нас в шефах ходил — то муки прелой подбросит, то гнилой картошки или тушенки времен Очакова и покоренья Крыма...

А мы только с артиллерийских стрельб пришли. Отстрелялись быстро и сразу, только хотели к родному плавпирсу — Коля тут как тут и командиру новую боевую задачу ставит. Плюнул командир, и отвалили мы от стенки, встали на якорь между берегом и сахаровозом, злобно на

него (сахаровоз) поглядывая. Стоим, «обеспечиваем безопасность разгрузки».

Смеркалось. Глядь, а от берега два ялика на веслах отваливают и чапают напрямик к нашей «священной корове». На «корове» все оживляется и начинает заготовленные мешки к леерам подтаскивать. В общем, процесс пошел, как говорил тогдашний Генеральный секретарь. Мы за всем этим тихонечко наблюдаем, а замуля наш по мере загрузки яликов начинает исполнять вокруг командира какой-то загадочный танец с приседаниями, всхлипами и подвыванием: «...Ну, Николай Иванович, ну давай... ну чего же ты ждешь?.. уйдут же, гады...» — и так далее. Командир молча за погрузкой наблюдает, а штурман мешки считает (надо же ему что-то считать).

Вскоре челны пиратские, изрядно отяжелев, к берегу направились, вот тут-то Николай Иванович шоу и устроил. Врубили мы весь свет, прожекторы и громко попросили мышей украденное обратно в сахарницу вернуть. А мыши на весла налегают и голосом посылают нас к едрене фене. Придете, орут, к нам еще за бутылкой, гады... Командир помолчал немножко и говорит, что приказывает остановиться или открывает огонь, а те опять его маму вспоминают.

Дальше Иванович, не стесняясь, командует пушке «пли», и комбат Серега немедленно начинает это «пли» исполнять (мы ж со стрельб, отстрелялись быстро, патронов еще как у дурака фантиков, да и когда еще постреляешь?). Первую очередь Серега у них над головами пустил

(челны прекратили движение), а вторую — строго поперек курса (челны с матюгами развернулись «все вдруг»). Подошли они обратно к сахаровозу и стали об его борт колотиться, возьмите, дескать, у вас тут упало... А там после наших аргументов тишина — никто ничего не видел, вы откуда взялись-то вообще?

В общем, долбились они долго, разгрузались еще дольше, а когда одна лодка пару мешков попыталась недовыгрузить, мы ей еще стволом помахали, мол, давай, давай, у штурмана все подсчитано... Так что стрельбы у нас только утром закончились.

А за самогонкой все равно ходили, и покупали, и пили, а как же, кампания же антиалкогольная...

Малый ракетный корабль проекта 1234.1 он хоть и корабль, но все ж таки малый, поэтому трубы паровой у него нет, а газовыхлоп главных двигателей осуществляется в воду, где-то в районе ватерлинии по бортам находятся эти приличных размеров отверстия, и поэтому мы борта на полкорпуса в черный цвет красим, закоптытся иначе. Чуть выше воды находятся эти дырки, для дальнейшего повествования это важно.

И жил у нас на пароходе Кошак. Вообще-то, когда работяги с СРЗ сватали матросам маленького котенка, назывался он Машкой, считался кошкой и царапался отчаянно. И был он Машкой, пока боцман, старший мичман Гаврилыч, не обнаружил во время телесного осмотра явные при-

знаки КОТА и, пристыдив матросов, предложил звать животное ну хотя бы Мурзиком, что ли. Но никакая кличка к коту как-то не прилипла, и звали его все, кроме Гаврилыча, просто Кошаком. Ходил Кошак, как и положено, сам по себе, годков и офицеров сторонился, уважал мичманов и особенно Гаврилыча, крысаков давил исправно, короче, службу нес как все. Был он бело-рыжего окраса, форму носил с гордостью и за ее состоянием регулярными вылизываниями следил.

Как-то в конце сентября стояли мы в Военной гавани города Балтийска, вторым корпусом пришвартованные к СКРу ОВРы и собирались на стенд размагничивания. Стоим, никого не трогаем и вот часов в двенадцать ночи весь наш крейсер просыпается от диких кошачьих криков. Чуть помедлив, СКР просыпается тоже. Источник криков с верхней палубы был не виден, а только слышен, и слышен почему-то откуда-то снизу, с воды то есть. Стихийное совещание двух экипажей, а также освещение фонариками межбортового пространства никаких результатов не дали. Источник криков был слышен, но не виден, и только механик, похоже, все понял, но молчал. В общем, этой ночью два экипажа не спали.

Утром картина стала потихоньку проясняться. Подняв под дикие кошачьи вопли флаг, командир, пришедший из дома (выспавшийся!) и выслушавший доклад старпома, предпринял тщательное расследование. Оказалось, что какая-то сволочь сбросила ночью Кошака в воду. Может, за крысой погнавшись по верхней палубе,

промахнулся наш Акела в красивом прыжке и сам за борт улетел, кто знает? В общем, в воду он шлепнулся и, очумев от такого поворота, увидел у себя перед мордой прямо в борту дырку (НОР-КУ!), в которой, казалось, такое близкое спасение. Залез туда наш Машка, а когда понял, куда попал, заорал от тоски и безысходности...

На вопрос к механику, почему у него в газовыхлопе кошки, командир услышал в ответ, что забортные кошки в заведовании БЧ-5 не состоят. «А в чем состоят, в чем?! Боцман!!!» — и к воплям Кошака присоединился рев командира. В итоге боцман, страдающий за кота, как за родного, страдания свои существенно пополнил.

Но командир быстро устал, а Кошак и не думал утихать. Механику было сказано делать что хочет, но животное из выхлопного коллектора достать, и вся электромеханическая боевая часть, забыв о предстоящем размагничивании, принялась с азартом ломать орущую трубу со стороны машинного отделения. СКР робко предложил помощь — мы гордо отказались и к вечеру убедились, что сложная система колен и клапанов, препятствующая морской воде залить главные двигатели, препятствует также и проникновению забортной кошки внутрь корабля. К ночи коллектор собрали. Вой не утихал. Командир, плюнув, сказал старпому разбираться и убыл домой. И старпом разобрался: сыграл тревогу и дал команду на запуск главных двигателей. (А давай, механик, задушим его, гада, на хрен!)

Это была мысль. Механик, просветлев ликом,

ушел в машину, и через десять минут главные двигатели взревели радостно и обнадеживающе. «Как думаешь, мех, полчаса хватит?» — аж приседал от восторга старпом. «Пять минут хватит...» — подтверждал мех старпомовскую «Барбароссу», но быстрой победы не получилось, и когда через полчаса воя турбин и грохота дизелей наступила тишина, над водой сначала тихо, а потом все громче и отчаянней разнесся кошачий вой. «Ну, мля, уважаю...» — тихо сказал механик.

Мы с СКРом не спали вторую ночь.

Утром командир, скомандовав в абсолютной тишине, оглашаемой воплями Кошака, подъем флага, принял спасительное для всех, включая ополоумевшего Машку, решение. СКР и мы, снова сыграв тревогу и разбежавшись по постам, отшвартовались от стенки и друг от друга, чуть растолкали борта аварийными брусьями и, помолясь, пустили меж бортов надувную лодку с боцманом Гаврилычем и куском колбасы. Гаврилыч, действительно рискуя быть раздавленным в блин, до заветного отверстия все ж добрался, пару раз кыскакнул и колбасу в направлении криков протянул. В ответ крики прекратились и из газовыхлопа, влет сожрав колбасу, в облаке копоти вылетело нечто и в своего спасителя радостно впилося. Подняли на борт Кошака, который Гаврилыча из лап ну никак не выпускал, отмыли в умывальнике пеной для бритья, накормили и с богом пустили погулять...

И исчез кот, не стало его, будто и не было,

решил, видно, покончить с жизнью корабледской такой и списаться на берег... А жаль.

Это Александр.

Вот вам история.

Называется она «Первый переезд на практику в Севастополь».

Шло долгое распределение полезного места в двух плацкартных вагонах для предстоящего переезда на практику первого курса Каспийского училища.

Для этого командир роты с позывным «Зяблик» (он же в миру капитан-лейтенант Савенко) долго и мучительно рисовал план-схему вагона с целью найти максимум полезной площади для вмещения 138 курсантов в один вагон (пассажировместимостью 58 спальных мест).

— Эврика! — вскрикнул он. — Есть же третьи верхние полки («Но даже и с таким их количеством двенадцать человек должны будут сами искать место, как бы и где им устроиться на ночь!» — сказал ему внутренний голос.)

— Ну ничего, — сказал командир своему внутреннему голосу, — все утрясется, когда поезд тронется.

На том он и решил, дабы не обременять себя более мыслями.

На перрон начали подавать поезд.

Волосы у командира зашевелились при виде предстающих его взору вагонов.

Остановившиеся вагоны представляли со-

бой зрелище боя железнодорожников с «Мессершмитами» во время Второй мировой войны.

По левому борту вагона окон, имевших стекла, было только четыре, краска вся ободранная, местами закопченная. Лесенка для подъема в вагон была помята, будто бы она побывала под траками танка. Часть вентиляционных грибков на крыше вагона отсутствовала, другая часть была дико искорежена, видимо, вследствие рикошета неразорвавшихся бомб...

В пустом проеме одного из окон, не имевшего стекла, одиноко развевалась ткань грязно-коричневого цвета, в прошлом напоминавшая собой занавеску. Весь колорит увиденной картины завершала широкая змеевидная полоса, процарапанная по всей длине вагона.

Пять секунд замешательства — лицо мучительно вырабатывало решение.

Есть, есть оно, решение: Зяблик выслал группу ревизоров-курсантов для фактического описания состояния вагона.

Было описано все, как внешнее, так и особенно внутренне состояние: разбитые, треснутые окна, количество болтов, шурупов, медных шильдиков, и так далее, и так далее, дабы бригадир поезда не предъявил потом нанесенный материальный ущерб.

Труды описания толстой пачкой мелко исписанных листов легли в дрожащие от волнения руки командира.

М-да! А воды в вагоне на предстоящий пере-

езд в г. Симферополь нет и не будет — этот приговор мы тут же прочитали на лице у кэпа...

Первое утро после первой ночи — показались Минеральные Воды.

Курсанты в предвкушении долгожданной остановки и всевозможных вытекающих отсюда последствий тихо перешептывались, куря прямо в вагоне, благо ветер гулял в зияющих проемах межоконного пространства.

И вот он, долгожданный перрон...

— Бабуля, почему у Родины сегодня ведро яблок? — спросил один из курсантов, свесившись в окно.

Бабуля, торопливо крестясь, закрыв подолом цветастой юбки ведро, спросила:

— Сынок, откеля везут и куда, и охрана-то где?

— Охрана? А там! — сказали бабуле и кивнули куда-то вперед поезда.

Роба у нас была черная, только вчера сменили на новую взамен синей. Боевой номер на левом кармане груди еще не был пришит, а отдельные личности уже обрили голову под бритву и, успев отполировать молодой череп об курсантскую подушку еще в стенах родного училища, теперь с суточной щетиной и закопченным лицом от гари тепловоза выглядывали из проемов окон. Ну чем не ээки?

— Из Баку везут нас, бабуля, из Баку. В Севастополь направляемся. Прямо туда. Севастополь — гордость русских моряков! Не слышали про такое?

— И много вас тут, соколиков?

— Да почитай, два отряда будет, бабуля! — ответил курсант.

— Вот! Опять наступают старые времена, недаром мне седня сон приснился! — запричитала бабуля.

С эти словами она, схватив ведро обеими руками, бросилась к гуще торговков, не переставая глаголить:

— Вернулось времечко-то, вернулось, родимое!..

После чего, дико озираясь, бабушки, тетушки и все, кто торговал, спешно начали хватать свой товар и с молниеносной быстротой покидать перрон.

Тем временем из главных дверей вокзала появилась небольшая группа милиционеров и где-то рядом дико завывала милицейская сирена.

Здравствуйте, Александр.

Меня зовут Женя, мне 18, и я никогда не служила в армии. И не буду. Но я хочу вам кое-что рассказать.

Мой отец — капитан-лейтенант в запасе. Служили мы в городе Таллине (я говорю «мы», так как тяготы и лишения, о которых вы пишете, переносят не только военнослужащие, но и их семьи, и дети в том числе). Потом отец уволился, и мы вернулись на историческую родину, Белгородскую область. Здесь стоит отметить, что мои родители родились и выросли в военной

части ***, недалеко от города (гордо сказано) Грайворон.

В простонародье часть называли Городком (Помните песенку про улицу в три дома?)

Мне всегда казалось, что это про нас). И хотя переехали в цивилизацию мы четыре года назад, с Городком у меня связано все плохое и хорошее, все яркое.

Хочу вам немножко рассказать о детях военных. Почему? Вы почему-то мало об этом пишете. Вот, например, мое первое воспоминание о военных кораблях. Новый, 1993 год, корабль — не помню какого проекта, и мой отец дежурит на нем в эту дивную праздничную ночь. (Он был старпомом на самом молодом экипаже, поэтому и дежурил.) С тех пор военный корабль для меня стал чем-то вроде дополнения к Деду Морозу (пьяный матрос с марлевой бородой). Уже переехав в Городок (его еще почему-то называют Почтовым), я начала наблюдать за военными, теперь уже сухопутными. А так как ребенка на работу не брали, я имела счастье лицезреть их большей частью во время всякого рода сборищ и пьянок. Весело было.

Например, есть у нас гаражи. Это такая территория, полностью застроенная сарайчиками для машин, довольно большая. И был у одного офицера день рождения. И пригласил он полгородка, и пришли они к нему в гараж частично с детьми (а куда их еще девать?), частично с собаками (для прикрытия), и поголовно с вилкой, железной тарелкой и железной кружкой. Карти-

на маслом: человек в форме, местами красный, в остальных местах зеленый ходит с трехлитровой банкой самогона и спрашивает:

— Господа офицеры, кому подлить?

Потом пошел дождь. И господа офицеры, дабы не загубить своего государственного здоровья, решили спрятаться в гараж, для чего выталкивают оттуда машину. Происходило это так: трое толкают слева, трое — справа, а один — организатор и активист — сзади. Каково же было мое детское удивление, когда организатор и активист, исполнив лихой пируэт, ухнулся в открытый люк подвала, замаскированного машиной. Он сломал себе ногу.

Но я немного не о том. Хочется вам сказать (надеюсь, вам будет приятно), что мы, дети военных, не такие. Совсем другие. Мы, например, гимн пели в школе перед уроками. Это, правда, министр обороны приказал, но для нас над ним только Бог. Приказал — поем. Или стена, кирпичная такая стена вокруг части. Сколько раз мы ее форсировали! Сколько вещей было порвано о колючую проволоку! А гордость! Какая гордость нас разбирала, когда на 9 Мая все военное население части маршировало. Для нас 9 Мая очень серьезный праздник!

Но особое умиление я испытала, переехав в Белгород. Таких наивных в военном плане людей я видела впервые. Есть, например, у нас сирена, противно воющая, которая должна нас в случае чего оповестить и мобилизовать. А пока все тихо и мирно, ее по понедельникам, ровно в

14.30 врубают, чтоб не сгнила окончательно. Когда мои новые «гражданские» знакомые об этом узнали, то предположили буквально следующее:

— Вы, наверное, когда она выть начинает, по подвалам прячетесь?

Наивные! Часы мы сверяем, часы.

И еще много-много таких мелочей. Я вот как-то приехала друзей навестить, еще до дома не дошла, а мне сообщают:

— Ставицкая, у тебя балкон обвалился!

Но, конечно, балкон обвалился не у меня, а у соседей, я потом долго по крупицам эту историю восстанавливала, рассказ даже написала, люди смеялись, но мало кто поверил.

Ваша книга «...Расстрелять!» появилась в Городке давно, она такая зеленая была, с золотыми буквами, благородная. Мне тогда лет 12 было, показалось, что папа классика притащил, только фамилия у вас какая-то не классическая. (Кстати, дети офицеров, в отличие от остальных, читают. Я знаю, о чем говорю, я общалась и с теми, и с другими). И тираж у нее был какой-то смешной, очень маленький. И обошла она почти всех. Дошла очередь и до моей семьи. Сначала читал отец, читал всю ночь и при этом очень громко смеялся. А мы с мамой на него ругались. Потом читала я, тоже всю ночь. От корки до корки. Что могло заставить 12-летнего подростка прочитать вашу книгу? До сих пор не знаю. Ну смеялась я над «Бабочкой», потом, через год, я перечитала. Потом еще. И еще. Надеюсь, что поняла, хотя я бы не советовала некоторые ваши

произведения детям. Есть в них что-то тяжелое, отчего грусть появляется в глазах совсем взрослая, хотя смешно. Очень смешно. Спасибо вам.

В Белгороде началась война с «Книгомиром» (это у нас такой супермаркет есть книжный). Прихожу туда и говорю:

— У вас есть...

— У нас есть все! (Так пионеры говорили: «Всегда готов!»)

— Покровский?

— ???

Ну не знали они о вас, не знали. Пока фильм не вышел. Тогда уже и книжечки ваши на самый лучший стенд поставили, бестселлером называли, и бюджет фильма под ней написали.

Кстати о фильме. Его специально в наш ГДО завезли (там со времен «Неуловимых мстителей» ничего не крутили). Аншлаг был. Плакали люди. Но до этого я смотрела его в городе, всей школой нас туда водили, чтобы наш патриотизм пробудить. Я там оказалась самой просвещенной: знала, что такое ВВД, и так далее. Весь сеанс объясняла. А потом, когда мы вышли, многие с надеждой спрашивали:

— Жень, они ведь выживут?

А что я им могу сказать? Что рассказ «72 метра» — это единственная вещь, над которой я плакала?

Но неважно. Они не пойдут в военные училища; туда пойдут дети военных, а когда в августе они приезжают в Городок... Наверное, нигде августа не ждут и не проводят так, как у нас. Кста-

ти, 5 августа у нас «День города не-героя Белгорода» — города первого салюта. Но! 5 августа курсантов переводят на следующий курс, это дело у нас называется ДПК (день пьяного курсанта, хотя, наверное, везде так), так что о первом салюте я узнала сравнительно недавно и весьма случайно.

Кстати о системах. Папа тоже закончил Каспийское училище, выпуск 1987 года. Я ему когда книгу «Система» принесла, он на кухне закрылся, читал и курил, не переставая. А потом ходил весь такой грустный! (Кстати, он сказал, что ваш курс как-то вагон спалил, это правда?)

Внешность у папы пионерская: голубые глаза, светлые волосы.

Он как-то на море к какому-то чурке подошел и начал по-ихнему говорить. Этот человек плов готовил в ресторане. Так он разве что не кричал, глаза у него очень большими стали.

Я как-то дала своему белгородскому однокласснику вашу книгу почитать. Он военным хочет стать (единственный из класса). Медиком. Так вот, он как узнал, что медик — низшая стадия офицерского падения, — смеялся долго. И тараканов принялся изучать усиленно.

Но медик? Медик — это не минер (это я его так успокаивала). В фильме герой Башарова проносит «минер» с очень интересной интонацией. Я думала это так, режиссерская находка, пока не услышала, как это говорит папа (он штурман).

Часть нашу хотят расформировать. Ей 45, а срок эксплуатации различных сооружений 50.

Или если Украина в НАТО войдет. Мы от границы за 20 км, а надо 80. Хотя я там и не живу, так, в гости приезжаю, мне будет печально. Очень. И не только потому, что там лес кругом и речка. Сама атмосфера кастовости, что ли. Так больше нигде не дружат. Таких людей сейчас не найти. Я думаю, вы поймете.

Ну вот, хотела написать вам что-нибудь приятное, а получился — плач Ярославны. В общем, знайте, вас читает молодежь, мы даже вас понимаем. Спасибо вам, и пишите побольше.

(Я тут еще свой рассказ помещу, просто историю эту вам хочется рассказать.)

Женя.

ДИВАН

Саня Ч., отец троих детей, сидел на улице и смотрел в пространство. Сидел он на диване. Спрашивается, что тело в звании майора делает на улице в минус десять, на диване, в шинели и печали? Да ничего. Думает оно. Или страдает, в конце концов. Причиной, заставившей Саню задуматься о смысле жизни, был этот самый диван.

Диван был призван раз и навсегда примирить Саню с женой, повергнув последнюю сначала в шок, потом в восторг, умиление и щенячью любовь к Сане, дарителю и благодетелю, а затем — глаженные рубашки, обед в судочках на работу и нежный поцелуй перед уходом.

Но это все в перспективе, а пока благоверная находилась у тещи, а Саня на улице. Диван не хотел выполнять священную миссию миротворца: не проходил в дверь, и все. Хоть пили (диван) и ломай (дверь). Сей памятник нашей бестолковости (тело на диване) был обнаружен тремя проходившими мимо офицерами — двумя майорами и одним капитаном.

Они возвращались из гаражей (есть такое место в военном городке, куда идут, когда жену видеть уже не можешь, а пива хочется). Вечернее возлияние расслабило их тела и мысли, продуктивный вечер подходил к своему логическому завершению и настроение располагало... располагало, в общем.

Помочь товарищу в беде — святое дело.

Из проходящих мимо был отловлен один лейтенант («Слышь, чего не отдаешь честь старшему по званию, а?!»), после чего тщательно проинструктирован и повернут в сторону Военторга. Выпили. Подумали. Еще выпили. Примерно через час диванной вечеринки между двумя криками: «Господа офицеры, кому подлить?» — когда разговоры плавно подошли к вопросу «начальник — сволочь», лейтенант, самый неопытный и наивный, вспомнил вдруг, для чего же они все тут собрались.

— Надо бы (встал, упал)... надо бы (приподнялся)... нам (нечеловеческие усилия по принятию вертикального положения)... диван... того, измерить (язык остановился).

И измерил. Для измерения он подошел с тор-

ца, раздвинул руки на ширину дивана и, не меняя расстояния между ладонями, пошел к подъезду, траекторией движения напоминая африканскую гадюку, укушенную в хвост, благо, что нужная квартира находилась на втором этаже. Через некоторое время («Где он? Водка испаряется!») из подъезда появляются все так же расставленные руки, а за ними и само тело.

— Не пройдет.

Черт поberi!

Нет, конечно, все и так понимали, что не пройдет, но чтобы так, окончательно и бесповоротно? Нет, даже не верится как-то!

Вы думаете, что диван так и остался на улице? Ничего подобного. Пришла идея.

Чтобы понять всю безысходность Саниного положения (а именно в таких ситуациях и приходят идеи), лирически отступим и обрисуем ситуацию.

Люба (два метра, бывшая баскетболистка и активистка) поручила Сане купить стиральную машинку в ближайшем очаге цивилизации (80 км и трясет ужасно). Нет, не то чтобы она не понимала всего риска, но деваться то некуда! Сане была выдана простыня-инструкция. Среди прочих ЦУ там был список фирм, достойных всяческого уважения и доверия, отсортированных по алфавиту. Начинался он фирмой на «А» и через полтора метра заканчивался фирмой Zanussi. Магазин открывался в 10.00. Чек был выбит в 10.02. Фирма-производитель значилась в списке первой. Но машинка не работала!

Не удивительно, можно даже сказать закономерно, что жена обиделась, оскорбилась, испарилась... В общем, диван.

Идея цеплялась своими корнями, ветвями или что у нее еще там есть, за веревку. Обычная веревка, которая спокойно себе висела в маленьком загончике, призванном служить сушилкой, могла восстановить мир в семье Сани!

Конструкция была гениально проста: веревка несколько раз обматывалась вокруг дивана, свободные концы через балкон попадают в квартиру, а вслед за ними в квартиру попадает диван. Все счастливы, занавес.

Но! (И еще один раз: но!). Военные балконы (как, впрочем, и военные нервы) не рассчитаны на столько лет безупречной службы в таких условиях. Поэтому, когда нечеловеческими усилиями энного количества лошадиных сил, заключенных, как ни странно, в господах офицерах, диван был затянут на перила, они не выдержали. И балкон, и нервы.

Балкон отвалился. Вы спросите: неужели весь? Нет, там остался маленький кусочек, без перил и других деталей. Сначала в бездну канули перила. Сверху на перила упал диван. А что упало на диван? Сверкая военными пятками, по красивой дуге, влекомый веревкой (для разнообразия намотанной на руку), изящно изогнувшись в лучах заходящего солнца, сверху на диван приземлился Саня Ч., отец троих детей.

Утром всех наказали. Жена носила Сане в госпиталь апельсины.

Всего вам хорошего.

Я служил связистом на 216 в Гаджиево с 1972-го по 1980 год. Старпомом у нас был В. И. Гаврилов — очень я с ним дружил, однако ему не мешало драть меня за опоздание на подъем флага, хотя весь вечер мы с ним у него дома до поздней ночи пробовали шило. Но главная история не об этом. В начале 70-х я был командиром ГАГ (гидро-акустической группы) на К-32, штурманом был А. Зверев, известный на флоте своими иллюстрациями к корабельному уставу и к другим руководящим документам. Так вот, как вам известно, накануне Нового года по квартирам офицеров и мичманов ходили с подарками Дед Мороз и Снегурочка. Правда, редко кто в истории Гаджиево доходил до последних домов. Я был холостяком, жена Зверева в отъезде, и выбор замполита пал на нас. Я был назначен Морозом, а Шура — Снегурочкой. Однако вместо Снегурки мы придумали черта — это канадка наизнанку и маска. Деду сделали из кумача халат, на меховую шапку красный чехол, на лицо — нос с усами и очками (мы назвали его армянским носом). Перед походом мы провели инструктаж, на котором попросили не наливать Деду и черту ничего или при невозможности сделать это — наливать только коньяк: мы хотели дойти до конца. 31-го в 14 часов мы начали обход. Понятно, что наливали, и не только коньяк, но мы

держались, успевая иногда по просьбе жителей заходить в чужие квартиры. Дедов Морозов было много — некоторые бродили расстегнутые и очень пьяные, один носился с посохом, пытаюсь ударить им всех, особенно патруль. Как выяснилось позже, он нашел патруль и прошелся по нему посохом. Посох был железной трубой, обшитой материей. Через некоторое время я стал замечать, что состояние моего спутника ухудшилось, и мы решили, что он будет пропускать некоторые квартиры, особенно на верхних этажах. Таким образом мы добрались до последних домов, и около одного из них Шура остался сидеть на ступеньках, а я поднялся в квартиру один. Спустившись, обнаружил, что черта нет... Я успешно закончил обход, но после праздников выяснилось, что из другой квартиры этого же дома вышел весьма пьяный другой Дед, и мой черт автоматически пошел за ним, причем, как рассказывали очевидцы, никто из них не заметил подмены. Говорят, в истории 3-й флотилии того времени — это единственный Дед Мороз, который поздравил всех детей экипажа, умудрившись перевыполнить план.

Я — жена кадрового офицера Военно-морского флота.

Сейчас мы вместе с мужем на пенсии и часто вспоминаем былое...

Какие только истории не приключались с нами и нашими друзьями и знакомыми!

Пожалуй, трудностей в нашей жизни было больше, чем радостных дней. За время службы мужа видела дома редко, и приходилось весь быт, всю кочевую неустроенность, воспитание детей брать на себя. Самое трудное — это научить детей уважать и любить отца, который приходил, когда дети уже спали, а уходил, когда дети еще спали. При слове «папа» они, маленькие, смотрели на фотографию отца на стене над кроватью. Дух отца витал в доме всегда. Воспитывая детей, говорила: «Вот папа придет, и чем мы его порадуем?» Или: «Папа придет, увидит и скажет...», «Нет, папа не порадует...», «О, вот это папа одобрит!»

Так жили почти все семьи нашего военного городка.

Когда дети подрастали и уже могли побороть сон и дожидаться поздним вечером отца, уровень общения был уже полувзрослым. Мой муж с удовольствием рассказывал детям сказки на ночь, а в редкие выходные дни обучал детей чтению и счету. Я же с детьми повторяла пройденное, слегка расширяя и углубляя уже выученное. Авторитет отца рос, но сказать, чтобы дети были привязаны к нему, не могу. Отношения у них были с детства больше деловыми. И только начиная со старшего подросткового возраста, появилась и привязанность детей к отцу. Но такой благополучный путь проходили не все семьи, если не сказать единицы. Как правило, этой доли не выдерживали жены. В семьях начинались маленькие и большие скандалы. Мужья после службы

начинали ходить не домой, а в рестораны, где «разведенки» было много в поисках очередного мужа. Так распадались одни семьи, создавались другие — и тоже как временные союзы. Маята да и только!

Среди благополучных семей выделялась видная семейная пара. Судьба свела двух очень красивых людей, как будто созданных не для повседневной жизни, а для кинематографа.

Особенно выделялась Валентина. У нее была немодная по тем временам прическа. Черные прямые волосы были разделены посредине и гладко зачесаны назад, где внизу у шеи собраны в крупный блестящий валик. Таким образом открывался красивый матовый лоб и изумительный нежный профиль.

Игорь был тоже хорош! Рослый, стройный, черноглазый, с правильными чертами лица, всегда пышными аккуратными усами, особенно во флотской офицерской форме выглядел романтическим героем.

Игорь с Валей жили дружно и растили голубоглазую дочку Марусю. Голубые Марусины глаза чуть не поссорили их в начале семейной жизни. Но врачи их успокоили. Оказывается, у черноглазых родителей может родиться голубоглазый ребенок.

В военном городке жизнь текла своим чередом. Мужья в который раз готовились уйти в океан на «боевую» службу на полгода.

Мы их проводили, и потянулись постылые дни ожиданий, окрашиваемые письмами «оттуда» и

немедленными ответами о своем житье-бытье, о детях и родственниках.

Через три месяца городок стал оживать. «Оттуда» стали возвращаться первые отпускники офицерско-мичманского состава. Они прибывали на судах обеспечения, и каждый оставшийся на корабле старался передать домой письмо или бандероль с небольшими гостинцами или морскими сувенирами, которые изготавливали своими руками из даров моря. То-то радости детям и жене!

Игорь тоже не забыл своих Валюшу с Марусенькой. И вот два молодых порученца, ошалевших от отпускной свободы и легкого алкоголя навестили Валю, чтобы передать гостинцы. Радостная, она пригласила их на чай, но у подъезда их ждали подружки, интересные мероприятия, и, передав посылочку и письмо, быстро попрощавшись, весело перепрыгивая через ступеньки, они уже бежали по лестнице вниз. Валя, стоя на лестничной площадке, кричала им вслед «спасибо». И вдруг услышала снизу: «Вася, жена командира брюнетка, а та блондинка в Севастополе кто ему? Ха-ха-ха!..»

Хлопнула дверь парадного, как выстрел...
Валя оцепенела...

Мы ничего этого не знали. По-прежнему ежедневно встречались на детской площадке с детьми и живо обсуждали, кто уже в отпуске, а кто будет следующим.

В Вале мы не сразу заметили перемены. А когда заметили, то решили не беречь ее душу — скучает...

Прошло больше месяца.

Меня неожиданно пригласили в политотдел базы. Тогда политотделы серьезно работали с семьями тех офицеров, которые ушли в море надолго. Начальник политотдела, подполковник Нефедов, начал сразу, как только я вошла:

— Вы, кажется, дружите с Валентиной Никитиной? Ее муж обеспокоен тем, что уже месяц от семьи нет ни одного письма. То писала каждые три дня, а сейчас даже за гостинцы спасибо не сказала. Что-то случилось?

Вот тут все и выяснилось. Игоря срочно отправили в отпуск. Тех мичманов заставили во всем признаться, извиниться. Политотдел подтвердил, что в Севастополь корабль даже не заходил.

Но Валина депрессия не проходила, и примерно через полгода она, собрав вещи, когда Игорь в очередной раз был в море на учениях, ни с кем не простившись, уехала с дочкой к родителям в Николаев.

Игорь запил, перестал ходить на службу, потом уволился из Вооруженных сил и уехал к своим родителям в Саратов. Там и стал работать на речном флоте...

Не зря говорится, что злые языки страшнее пистолета!

Наталья.

4

Вместо последнего предисловия

Чу, запахло родиной!

Как это? Где это? Что это?

Неужели родина к нам приближается и настолько то становится очевидным, что не уйти нам, не деться никуда от ее аромата? Вспомните, как это было: только ты открываешь двери на камбуз, как в нос тебе бьет ужасное кислое духовище.

Вот и с родиной так же — просто задохнуться можно от внезапно нахлынувших чувств.

Вот идешь ты, идешь, никому не мешая, бормоча про себя всякую звонкую дребедень, покачивая на ходу в такт головой, и вдруг — как тебя шибанет.

Словно всего тебя скорезит, скрючит, продерет насквозь, холодом-холодом, мурашами, дрожью обдаст, а потом и жаром нестерпимым пойдешь ты изнутри, словно пылаешь, словно горишь, а это все она — родина.

Не отпускает.

Зовет.

Кличет: «Приди ко мне, сынку, приди! Уж я-то

тебя обниму! Уж я-то тебя приюлю, приголублю, потому что люблю!»

Вот ведь пропасть какая! Юдоль, да и только! Право слово, юдоль, ежели не чего похуже. Будто налипло что-то и никак не отцепить, разве что о стену обмазать, только вот есть ли где-то стена? Тускло как-то, несвежо впереди!

«Кто там?» — шепчешь ты в полнейшем кошмаре, потому что видишь перед собой вдруг не девицу красную, а ведьму полночную, всю в крови невинных младенцев, с клюкой, с бородой до пят, с прыщами незарастающими, с язвами, струпиями — она. Точно она!

Полноте! Не может родина так себя повести. Что мы для нее, чтобы к нам она так приближалась? Мы для нее тлен и прах. Нас бы замесить во что-то полезное, а потом на лопату да в печь — вот и выпечется что-то угодное.

А так, сами по себе, на кой мы ей.

А вот съела, и хорошо.

Это ой как хорошо! Сыта на сегодня, вот и полноте!

А тебе все-то неймется. «Я, я!» — говоришь.

Чего ты-то, косоротенький? Угомонись! Угпастайся! Твое дело очереди своей дожидаться.

А она настанет. Она придет. Очередь.

Вот тогда и употребят тебя.

Так что жди.

АНУС ПЕТРОВА

Знаете, чем может закончиться ухаживание мужчины за женщиной?

Оно черт-те чем может закончиться. Вот послушайте.

Воскресное утро в доме капитана третьего ранга Петрова было тем уже хорошо, что это был тот самый, редкий для морского офицера, выходной.

В эти минуты мы нежимся в голом виде в постели с женой или без жены, если она уже встала и отправилась колдовать на кухню. В последнем случае мы зеваем, обещаем себе еще немного соснуть и в то же время потягиваем носом — не готовится ли нам что-либо вкусненькое.

Петров потянул носом, но этот орган чувств никакой информации ему не принес — что же она там делает?

И Петров — как был, голый — отправляется на кухню. Там он видит: жена с увлечением гладит постельное белье.

Бесшумно подкравшись к жене сзади, наш бедолага обнял ее, и жена шутливо оттолкнула его со словами: «Отстань!» — а за ними стоял старинный дубовый кухонный шкаф, украшенный всякими такими резными штучками.

И попал Петров от толчка собственной жены голой жопой на ключ.

Ключ торчал из ящика.

Ну сколько раз говорить женам, что этот ключ вынимать надо?

Сколько раз им все это повторять?

А ключ — хороший, старинный, с разными завитушками — вошел Петрову точно в анус и там замер.

Вернее, они оба замерли — и ключ, и Петров. Он даже не вскрикнул, и мышцы, окружающие анус Петрова, так здорово схватили тот самый ключ за головку, что их даже от этого судорогой свело.

— Что? — спросила жена, заметившая, что лицом Петров потемнел.

Он молча указал на свой зад, скрипнув при этом зубами.

— О Господи! — вскричала жена, и после этого она совершенно машинально дернула Петрова на себя.

И вот тут заорал Петров. Это был крик дикого фазана, взмывшего свечкой из кустов.

Жена немедленно позвонила в «скорую помощь», и те обещали приехать.

Когда они вошли, то увидели Петрова, стоящего вплотную у старинного шкафа. Сверху, для благообразия, на него была надета только что выглаженная ночная рубашка жены.

— Ну? — сказала «скорая». — Что у нас тут?

А тут у нас был Петров, его жопа, ключ и ящик.

«Скорая помощь» очень долго пыталась влезть между Петровым и ящиком, задирая на нем ночную рубаху и полностью скрываясь под нею. Ничего не получалось. Петров стоял, прижимая ящик, и от малейшего прикосновения вскрикивал.

— А что, если вытащить сам ящик? — осенило наконец «скорую помощь». — Вытащим ящик, а там и легче будет!

Но и ящик вытащить они не смогли. Провозившись, «скорая помощь» сказала:

— Зовите спасателей. Пусть они сначала вытащат его вместе с ящиком, а там уже и мы им займемся.

Спасателей я люблю за то, что они сплошь набраны из бывших военных, поэтому прибывают они очень быстро, а думают они при этом еще быстрее.

— А вы не могли бы сами, медленно двигаясь вперед, выдвинуть, хотя бы немного, этот ящик? — обратились они к Петрову.

И он попробовал двинуться вперед и жопой вытащить ящик.

Вперед-то он, воя внутренне и внешне, двинулся, а вот ящик — нет.

— Странно! — сказали спасатели. — Странный какой-то ящик.

— Старинный, — сказала жена.

— Оно и видно! — сказали спасатели. — Это как же он там застрял-то?

Пришлось и им рассказать всю историю с воскресным отдыхом с самого начала.

Петров в это время отдыхал под рубашкой.

И тут один из спасателей неожиданно протянул к нему руки, ухватился за него и дернул его на себя. Глаза у Петрова вывернулись наизнанку, а кричать он уже не мог — он был в глубокой коме.

Держать его в вертикальном положении какое-

то время удалось только с помощью санитаров «скорой помощи». Потом все хором быстренько наклонили вперед шкаф, и ящик из него сам выехал.

В одно мгновение спасатели вывернули с той стороны замок ящика и вытолкнули его вперед вместе с ключом, после чего «скорая помощь» быстренько заставила мышцы Петровского ануса выплюнуть ключ.

ПАЛЕЦ КОТОВА

— Андрей Антоныч, у Котова палец на ноге нарывает!

Это я обратился к старпому после утреннего построения на подъем флага.

Андрей Антоныч посмотрел на меня не без интереса.

Я понял, что требуются детали.

— Вчера он, как и положено, доложил об этом своему непосредственному начальнику — старшине команды снабжения, а уже тот — мне.

Интерес у Андрей Антоныча не проходил. Можно сказать, что он у него разгорался. Сначала выражение лица у старпома было почти сочувствующее, а потом — очень сочувствующее.

— Саня! — сказал Андрей Антоныч, — ты мне все это зачем говоришь?

— Я докладываю, Андрей Антоныч. Надо же человека в госпиталь вести.

— Не понял! Я его, что ли, поведу в этот ебанный госпиталь?

Я почувствовал в словах старпома некоторое раздражение. Я решил все еще раз объяснить.

— Он же на камбузе стоит, Андрей Антоныч. А там, если его в госпиталь увести, стоять больше некому.

— Значит, сам встанешь у бачка, если ты не нашел на это дело ему замену. Или у того бачка встанет непосредственный начальник товарища Котова, старшина команды снабжения. Или вы вместе с ним разделите это непосильное бремя.

— Но, Андрей Антоныч...

— Как я понял, оперировать у плиты его нельзя.

— Я, Андрей Антоныч...

— Я еще не закончил! Так вот, оперировать у плиты — то есть разрезать пальчик, вычистить, обработать, зашить и сверху на него непромокаемый гондон надеть — не получается. Правильно я понял? Хорошо! Значит, будете нести вахту. Вместо него. Люди на замену Котова у тебя есть?

— Нет!

— А ты думал, что я тебе людей нарожаю в темпе вальса?! Ты зачем мне все это доложил? А? У нас кто назначен химиком, медиком, помощником командира и вечным дежурным по кораблю?

— Я, Андрей Антоныч!

— Вот и решайте поставленные перед вами задачи, искусно уклоняясь от ярких проявлений потомственной идиотии! Не хочешь оперировать его у плиты — в последний раз спрашиваю?

— Так... Андрей Антоныч! Я же не хирург!

— Зато я хирург! Я вам всем сейчас чего-нибудь ампутирую! Вырежу нахер! А старшине команды снабжения — особенно! Где эта пизда на колесах?

— Здесь!

— Давай его сюда!

Мичман Зуйко, испуганный еще в утробе, нарисовался перед старпомом в один миг.

— Зуйко! — сказал старпом.

— Я, Андрей Антоныч! — проблеял мичман.

— Есть такое выражение «выпиздень яйце-головой»! А еще есть другое выражение: «лупиздень пустоголовой». Выбирайте для себя любое. А ущербное выражение лица при общении со мной лучше не иметь. УЧТИТЕ!!! Мне уже надоела эта страна, где никто на себя никакую ответственность не берет! Когда вы, товарищ Зуйко, в виде скупой и мутной капли у своего папаши на печальном харитоне уныло висели, я уже служил маме Родине в качестве старшего помощника командира. А теперь ответьте: почему я должен регулярно вам соплю подтирать? А? Неужели трудно хотя бы раз в день напрячь в себе ту козявку, что даже у дождевых червей считается мозгом? Вы у меня засохнете у этой плиты, если сейчас же не доставите на пирс дежурного медика, который в три минуты, в нашей амбулатории, сделает Котову уникальную операцию. На все про все у вас один час! Не уложите — будете у меня иметь вид бледной спирохеты, обожравшейся отечественными антибиотиками!

Через полчаса на пирсе был дежурный медик, нанятый мичманом Зуйко за бутылку спирта и банку прошлогодней тушенки.

Через десять минут Котову сделали операцию прямо у плиты.

Потом ему на палец надели свежий гондон.

АГИТАЦИЯ

— Андрей Антоныч, на экипаже надо провести агитацию по предстоящим выборам президента!

Зам имел вид запыхавшийся, обычный для того состояния, когда все в стране озабочены выборами президента.

А Андрей Антоныч имел вид вековой сосны, которой до нежной промежности все на свете выборы всех на свете президентов.

А я вообще никакого вида не имел, потому что я готовился получить от Андрея Антоныча очередных кюкздюлей под видом очень важных указаний на текущий день.

Казалось, Андрей Антоныч не слышит зама, но он внимательно на него посмотрел.

Когда Андрей Антоныч так смотрит, то в этом случае лучше забыть о том, что ты только что ему сказал, и сделать вид, что все вокруг просто отлично.

Но наш зам не столь чувствителен. Он подумал, что старпом его не услышал, поэтому он повторил про агитацию.

— Сергеич! — Андрей Антоныч наконец заговорил. Он был почти ласков. — Ты чего от меня все время хочешь?

Тут старпом сделал многозначительную паузу, после чего продолжил:

— В какой части агитации вы, наш замечательный заместитель, видите мое личное участие? Я должен отгадывать шарады, петь, плясать или же музицировать? Или я должен непрерывно рассказывать всем о том, как я люблю текущий момент? А может, мне напиться в хлам? Я что должен делать для успеха вашего предвыборного роения? Потеть под мышками? Ржать в голос? Скандировать что-то лохматое и ужасное? Или же мне следует идти строями, крепко древно сжав? Может, мне обернуться в какую-нибудь предвыборную ерунду и везде ею трясти? Вот почему, Сергеич, вы все время нам выдумываете жизнь? Когда я говорю «вы», я имею в виду не только тебя, счастливого и безудержного, но и всех тех, присосавшихся, которые всегда и всюду правильно себя ведут. Почему вам все время надо делать так, чтоб мы — нормальные люди — были заняты не своими прямыми обязанностями, а вашими — кривыми? Мне так кажется, что это все отвлечение. Вам надо нас отвлекать. Все равно чем, только чтоб мы ни на секунду не оставались без забот. И заботы эти должны быть мелкими, злобными и глупыми. И сами мы от таких забот должны непрерывно чуметь. Вот тогда на нашем фоне вы, наделенные от природы умом ящерицы — где бы ухватить,

чтобы только сожрать, — будете выглядеть спасителями разлюбезного Отечества. И чтоб больше ты ко мне с выборами, агитацией, кандидатами и депутатами на пушечный выстрел не подходил. А то я не сдержусь и урою тебя так, что ты потеряешь к себе все остатки самоуважения. И ни одного матроса не получишь. И на Саню с надеждой не смотри. Я его сейчас работой загрузу по самое адамово яблоко. Можешь на стенке свои плакаты уже сейчас начинать самостоятельно развешивать. Понял?

В общем, все плакаты у нас скоро были на стенках лично замом развешаны.

И на этом — все.

МАМА ХАБИБУЛЛИНА

— Андрей Антоныч, к нам едет мама Хабибуллина! — Это я доложил старпому про маму Хабибуллина.

А узнал я про нее от Витьки-штурмана.

А ему позвонили с дальнего КПП, где ее, безо всяких разрешительных документов на въезд, только что высадили из рейсового автобуса, и теперь она сидит у них в дежурке, где ее уже успели напоить чаем. Вот это все я Андрей Антонычу и изложил.

Он на меня посмотрел так, что я сразу пожалел о том, что я доложил не заму, а ему.

Вот ведь какая у меня странная привычка. Нет чтобы сначала пойти найти зама и сперва его

этим повествованием облагородить. Так мне обязательно надо старпома проверить на присутствие у него музыкального слуха.

— Кто к нам приехал? — хрипло спросил Андрей Антоныч, и я в этом его вопросе ничего хорошего для себя не почувствовал.

— Мама Хабибуллина!

— Слушай, Саня! — Андрей Антоныч был совершенно непроницаем. — Мало того, что я хорошо знаком с самим Хабибуллиным, а также, как ты помнишь, заочно с его покойным дядей, которого мы тут все хором в гроб пристраивали; так мне еще предстоит знакомство с родной мамой бедняги Хабибуллина, которая примчалась на край света вообще безо всяких на то документов, и на этом простом основании она поит-ся сейчас крепким чаем в этой богом забытой конуре на дальнем КПП.

— Андрей Антоныч...

— Я еще не закончил. Пора бы знать, что перебивать начальство следует только в случае ракетно-ядерного недомогания! А теперь скажите мне, уважаемый дежурный, выяснили ли вы, по какому поводу в столь ранний час у нас появилась не просто мама, а мама самого Хабибуллина?

— Тык...

— Что «тык»? Не знаем ни хрена? Блядь! А фильтровать дерьмо нашей боевой повседневности мне прикажете? Что говорит сам Хабибуллин? Ничего он не говорит? А мама его что говорит, на КПП чай прихлебывая? Тоже не ведаете? А где у нас зам?

Фу! Ну наконец-то! Наконец-то старпом вспомнил про зама.

— Где-то здесь был.

— Где он был «где-то здесь»? Вы в себе ли, товарищ дежурный? Обстановку надо знать! А не гадать: «Тута вот, где-то здесь»? Зама ко мне! Хабибуллина отмыть, как рыбку золотую, одеть, как Бельмондо, и тоже его сюда! Штурману сказать, чтоб пропустил маму, а то она родит там на этом КПП, пока мы будем официальное разрешение для нее добывать. Маму отвезти ко мне домой и сдать на руки моей жене с запиской от меня: как и чем ее кормить и где ее отдыхать положить! Где зам?

— Зам?

— Блядь! Я вас сейчас задушу, товарищ дежурный! Зама, я сказал, сюда!!!

Через мгновение рядом с Андрей Антонычем нарисовались зам и помытый Хабибуллин.

— Сергеич! — обратился к заму старпом. — Ты выяснил, по какому поводу к нам приехала мать матроса Хабибуллина?

— Видимо, проведать... — проблеял зам.

— Так! — сказал старпом, и глаза у него вылезли из орбит. — Никто ни хрена не делает! Ну ни хрена!!! Страна полуденная! Отсутствие ума, как норма жизни! Мысль появляется только в результате озарения, а само озарение на манер вирусного заболевания — только если не едим чеснок! Хабибуллин! Иди в курилку и жди там. Сейчас тебя до твоей мамы проводят. Сергеич, берешь себя и идешь к маме! К МАМЕ!!! Прово-

дишь ее до моей мамы, и уже там осторожненько выясняешь, каким это ветром ее к нам принесло и не проглядели ли мы чего в деле воспитания ее сына! И учти! Мама — это очень серьезно! Мама тебя может до печенок достать! И права будет! Абсолютно! Потому что ты, Сергеич, и я — как последняя в этой стране бюрократическая инстанция — получили ее сына только во временное пользование. Только во временное пользование! И он должен быть здоров, сыт и весел, как ты, надеюсь, все еще помнишь. Так что не дай бог, если что-то случилось и есть на этом корабле что-то, чего я еще не знаю! Я вас всех так отшкворю, что месяц будете вздрагивать, глядя на солнечные зайчики!

И мы немедленно взялись за работу!

Видели бы вы нашего зама — помолодел, глаза горят, сам взглядом по сторонам как взрыщет — ну вылитый орел.

А мама Хабибуллина действительно приехала на край света, чтоб просто его проведать.

То есть во всем наблюдалась абсолютно ложная тревога!

Когда зам об этом узнал, он смеялся просто как ребенок, забытый в люле.

КАСЬЯНЫЧ

У нас вот какая приключилась история. Нашего бывшего боцмана Касьянова, который теперь уволился в запас и краба всюю добывает, захо-

тели в местные органы самоуправления выбрать. Чуть ли не в председатели или в мэры (не помню, как это правильно у нас называется).

Там все зам суетился. Видимо, верхнее начальство эту идею через зама захотело протолкнуть. Городок у нас маленький и военный, а гражданская власть в виде мэрии и всего прочего у нас только недавно начала нарождаться. Вот начальство и решило, что если во главе этого безобразия встанет бывший мичман, то и договориться с ним будет легко и просто.

Вот только я очень сильно сомневаюсь, что с нашим Касьянычем легко можно договариваться. Там же школа Андрей Антоныча, а со школой Андрея нашего Антоныча договариваться бесполезно.

Но Касьяныч вроде бы кивнул.

— Как кивнул? — Андрей Антоныч смотрел на меня, как на врага народа. — Куда это он кивнул? Куда его зам тянет? Какие опять выборы? Чего это снова-здорово? Ни хрена не можем сделать, а только выбираем и выбираем?! Это что еще за дерьмо, я спрашиваю?!!

— Андрей Антоныч, я здесь ни при чем! — завозражал я.

— А где зам?

Через минуту перед светлыми очами Андрей Антоныча уже был зам.

— Сергеич! — Андрей Антоныч голосом был строг. — Ты куда это Касьяныча сватаешь? В МЭРЫ?!!

— Андрей Антоныч...

— Не перебивай папу! Я ращу народ, а вы здесь, значит, приходите и смущаете его прекрасными видами? У вас опять? Видения начались? Ты куда это чистое существо тянешь? Новое светлое будущее уже отковали? Теперь требуется председатель? Чего ж ты этим председателем никак у нас не становишься? Вот взял бы и встал во главе! Почему мы все время за чьи-то спинами ошиваемся? Кукольники! Как язву наживать, так это кто-то, а не я? Показать тебе одно место вместо Касьяныча? Оно еще хуем называется! Ты эти мысли оставь! Брось, я сказал! И начальству нашему передай, что если ему не терпится власть ручную в поселке поиметь, то пусть оно само этой властью и становится! И не порть мне народ! Слышишь? Не порть! Весь этот разврат я прекращаю! Раз и навсегда! Из нормальных людей не надо мне блядей делать! Не получится! Не выйдет! Делалка сломается! И не вводите меня в грехи тяжкие! Кому надо впадать в блуд и паскудство, тот пускай и впадает! У него на роду написано! С пионеров! Понял?!!

А потом наступила очередь Касьяныча.

— Ты куда собрался, боцман, на старости лет?

— Я, Андрей Антоныч... — начал было Касьяныч.

— погоди! Не перебивай! В грязь захотелось?

— Я, Андрей Антоныч...

— Или я в тебе ошибался? Или я вообще по жизни ошибался? Может, я в людях ни хрена не

понимаю? Ты куда полез, балбесина? Они детьми своими за христопродавство рассчитаются, а ты чем будешь рассчитываться? Тоже детьми? Ты что, не видишь, куда тебя тянут? Ты мичман! Боцман! И человек! Ты куда это в нелюди полез, балясина? Среди говна один хороший? В говно попал, говном и будешь! Не было еще по-другому! Не придумал Бог!

— Андрей, Антоныч, так ведь я же...

— Же! Я!

Помолчали. Андрей Антоныч еще ноздри немного пораздувал, на том и закончили.

Не выбрали Касьяныча нашего в мэры.

СОДЕРЖАНИЕ

... про кубрик 5

1

ВМЕСТО ПЕРВОГО ПРЕДИСЛОВИЯ	10
ВСТРЕЧАЙ	13
НА СМОТРЕ	15
КИТЫ	17
АНТИТЕРРОСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	19
ИНИЦИАТОР	21
ПОМИДОР	23
КОТЫ	24
ПОЛУЧКА	26
САПОГИ	28
ДОМ	30
ПРЕВРАТНОСТИ	32
ОПЯТЬ В МОРЕ	34
БЕЗ ГОЛОВЫ	37
ПИСЬМА	40

2

НАЧИНАЯ НАШЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ	70
РАССКАЗЫ СЛАВИКА	71
ПЯТЫЙ	81
МОРСКАЯ ПЕХОТА	86

В ЗАПАС	88
БИОПОЛЕ	91
НА ЩУК-ОЗЕРЕ	93
КАНДИДАТ ВОЕННЫХ НАУК	95
НА ДЕЖУРСТВО	96
ЛЕХА	98
ПОЛКОВНИК ЕЛКИН	100
НА СТРОЕВОМ СМОТРЕ	103
КУЩА И КУТЯ	105
ПИСЬМА	108

3

ДЫРКА	158
ПАЛЕЦ	160
ВОЙНА НА МОРЕ	163
ПОРТРЕТ	168
НА ТЕМУ БРАТСКОЙ ЛЮБВИ	170
ГИМН	174
ПИСЬМО МАМЕ	176
О РОСТЕ ПАТРИОТИЗМА	181
ПИСЬМА	184
ДИВАН	221

4

ВМЕСТО ПОСЛЕДНЕГО ПРЕДИСЛОВИЯ	232
АНУС ПЕТРОВА	234
ПАЛЕЦ КОТОВА	237
АГИТАЦИЯ	240
МАМА ХАБИБУЛЛИНА	242
КАСЬЯНЫЧ	245

П 48 Александр Покровский. КУБРИК.: фривольные рассказы.: СПб.: ООО "ИНАПРЕСС", 2007. — 256 с.

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-87135-191-3

Новая книга замечательного русского прозаика Александра Покровского «Кубрик» состоит из рассказов, которые именно там и надо рассказывать, высвобождая речь, русский язык (в прямом и переносном смысле) от законов соподчиненности и строгости. Этим законам подчиняются внешне, но внутри себя — противоречат. Так как хотят жить, а не выживать.

Сочный язык, рискованные анекдотические ситуации, комизм и отчаяние персонажей, — делают эти «фривольные» рассказы настоящим литературным произведением.

А. Покровский — автор многих книг («...Расстрелять!», «Кот», «Бегемот», «Калямбра» и др.), по его повести «72 метра» был снят знаменитый блокбастер, которому соперничали миллионы.

ПОКРОВСКИЙ А. М.

КУБРИК

фривольные рассказы

Подписано в печать 05.06.07. Гарнитура Arial.

Формат 84×108/32.

Усл. печ. л. 16. Печать офсетная.

Тираж 5000 экз. Заказ № 1288.

Издательство ООО "ИНАПРЕСС"

С.-Пб., ул. Некрасова, д. 60

inapress@peterlink.ru

Отпечатано по технологии СтР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Новый сборник замечательного русского прозаика Александра Покровского «Кубрик» состоит из рассказов, которые именно там и надо рассказывать, высвобождая речь, русский язык (в прямом и переносном смысле) от законов соподчиненности и строгости.

Этим законам подчиняются внешне, но внутри себя — противоречат. Так как хотят жить, а не выживать.

Сочный язык, рискованные анекдотические ситуации, комизм и отчаяние персонажей, делают эти «фривольные» рассказы настоящим литературным произведением.

А. Покровский — автор многих книг («...Расстрелять!», «Кот», «Бегемот», «Калямбра» и др.), по его повести «72 метра» был снят знаменитый блокбастер, которому соперничали миллионы.

ISBN 978-5-87135-191-3

